

ASSASSIN'S CREED

ПОСЛЕДНИЕ ПОТОМКИ

МЭТЬЮ ДЖ. КИРБИ

ASSASSIN'S CREED

ПОСЛЕДНИЕ ПОТОМКИ

МЭТЬЮ ДЖ. КИРБИ

Перевод выполнен специально для группы
Assassin's Creed Initiates
vk.com/initiates

Перевод и редакция:
Ильяс Ахмедов
Александр Лис

Все права на книгу принадлежат автору и издательству, а переводчики не ставят целью иметь с этого выгоду. Перевод представлен исключительно в ознакомительных целях.

ПРОЛОГ НЬЮ-ЙОРК, 1863

Сидящий с другой стороны обеденного стола информатор прочистил горло. Его длинное пальто было небрежно расстёгнуто, а сальные выющиеся волосы закрывали виски. Вечер быстро опускался на город, и информатор опустошал тарелку, прежде чем передать сообщение. Сидящий напротив босс Твид терпеливо ждал. Его власть над Нью-Йорком зиждилась на том, что он мог дать людям. Возбуждая их желания, он мог манипулировать их алчностью.

– Всё верно, – наконец сказал информатор. – Ассасин в городе.

Твид шумно высосал очередную солёную устрицу.

– У тебя есть имя?

– Пока нет, – произнёс информатор. – Но кто-то, работающий на Кузнеца Рэдди, выводил «Парней Бауэри»¹ оттуда.

¹ Парни из Бауэри (Bowery Boys) – анти-ирландская и антикатолическая банда, действовавшая в районе Бауэри, Манхэттэн. Известна тем, что её члены по большей части времени ведут законопослушный образ жизни и не были настолько зверскими, как банда Пяти точек. С которыми, кстати, они вели вражду на национальной почве. Также состояла, как это ни смешно, из гангстеров-пожарных, которые тушили пожары и таким образом пытались поднять себя в глазах населения.

Объединив силы, Твид был самым влиятельным человеком в Нью-Йорке. Он контролировал политическую машину Таммани-Холл² через улицы и урны избирательных бюллетеней. Его сеть шпионов и политиков в Вашингтоне уже сообщили ему о деятельности ассасинов в Нью-Йорке. Ходили слухи, что Братство планирует использовать продолжающуюся гражданскую войну для наступления. Не исключено, что они даже узнали о плане тамплиеров.

- Без Парней Бауэри, – сказал Твид, – восстание будет обречено.
- Это не будет проблемой, Босс...
- Банды Пяти Точек³ и порта не будут достаточно сильны без них.
- «Парни Бауэри» в деле.
- Я надеюсь на это. Но нам надо знать, кто этот ассасин, и что нужно здесь Братству.
- Я спрашиваю.

Твид не был удовлетворён этим ответом. Было бы ошибкой недооценивать ассасинов.

– Будь осторожен, – предупредил он. – Нам нужно вывести Братство на свет, а не дать им уйти ещё глубже в тень.

Он положил себе в тарелку кусок ростбифа под коричневым соусом⁴ и принялся за еду.

– Конечно, Босс.

Информатор посмотрел на оставшуюся на столе еду и облизал губы, словно пёс. Но Твид знал: настоящая власть держится тогда, когда избиратели хотят большего.

– На этом всё. Возвращайся, когда будешь знать имя, не раньше.

Информатор склонил голову.

– Да, Босс.

Он встал из-за стола и покинул комнату, в то время как Твид продолжал есть.

Выйдя на улицу, информатор, всё ещё ощущающий голод, направился туда, где мог бы сесть на омнибус, следующий в пригород.

² Таммани-Холл – политическое общество Демократической партии США в Нью-Йорке, действовавшее с 1790-х по 1960-е годы и контролировавшее выдвижение кандидатов и патронаж в Манхэттене с 1854 по 1934 гг.

³ Банда Пяти точек (Five Points gang) – совокупность более мелких банд, действовали в 19-ом и начале 20-го веков. Называлась так из-за местоположения их деятельности, которое было пересечение пяти улиц. Это Малбери Стрит (сейчас её не существует), Энтони Стрит (теперь Ворс Стрит), Кросс Стрит (теперь Централ Парк), Оранж Стрит (теперь Бэкстер Стрит) и Литл Ватер Стрит (название прежнее). Состояли из ирландцев или американцев ирландского происхождения. Известна своей кровожадностью и жестокостью.

⁴ Коричневый соус – английский соус для мяса из муки, масла и бульона.

Хоть ночь и опустилась на город, он освещался газовыми лампами. Информатор проходил мимо театров, ресторанов и баров, забитых посетителями, наслаждающимися заслуженным отдыхом после жаркого дня.

Добравшись до дома банды по адресу номер Сорок Два, Бауэри, он не подозревал о глазах, наблюдающих за ним. Глазах, принадлежащих Тени, незаметно забравшейся на карниз здания тремя домами выше по улице. Эти глаза были терпеливыми, и когда информатор покинул дом Номер Сорок Два пару часов спустя, немного шатающийся из-за выпивки, Тень спустилась и тихо проследовала за ним.

Информатор не был достаточно сдержан в выпивке.

Несколькими кварталами позже, около переуллка ассасин сделал свой ход... Блеск скрытого клинка, быстрый и тихий выпад... Тело не обнаружили до самого утра.

ГЛАВА 1

Оуэну нужно было знать.

Точнее, он *уже* знал, но ему нужно было узнать, каким способом доказать. Способом, который убедит остальных, включая его бабушку и дедушку, в невинности его отца. Правосудие изменило себе в тот день, но людям наплевать. Его отца отправили за решётку за убийство, которое он не совершал, и где он умер от разрыва аппендикса, прежде чем Оуэн смог сказать «прощай». Поэтому для Оуэна было так важно выяснить, что именно произошло в ночь ограбления банка.

Он думал, что Хавьер поймёт. Они были друзьями с третьего класса, до того, как жизнь Оуэна начала напоминать ад. По правде говоря, они не были так близки теперь, как в начальной и юношеской школе, но Оуэн всё ещё думал, что он может доверять Хавьеру.

– Так ты пойдёшь со мной? – спросил он.

Они стояли снаружи их старшей школы, во дворе рядом с пустой стоянкой велосипедов, со стоек для которых облетела краска. Трое друзей Хавьера, парней, которых Оуэн не знал, стояли в стороне, наблюдая за ними, разговаривая между собой.

– Я не знаю, – сказал Хавьер.

– Ты не знаешь?

Хавьер ничего не ответил. Он просто смотрел на него.

– Да ладно тебе. Ты знаешь всю эту техническую херню гораздо лучше меня. Лучше, чем кто бы то ни было, – Оуэн покосился на друзей Хавьера.
– Даже если об этом больше никто и не догадывается, я знаю об этом, и ты это знаешь.

Хавьер тоже покосился на своих друзей. Он не улыбнулся, не засмеялся. И так и не изменил своё жесткое выражение лица, с тех пор, как Оуэн несколько минут назад подошёл к нему и рассказал свой план. Хавьер, стоящий перед ним, не выглядел тем человеком, которого Оуэн знал раньше. С этим Хавьером Оуэн встретился в первый раз с тех пор, как его отец отправился в тюрьму, а его мама приняла решение переехать вдвоём к её родителям.

Новый район. Новая школа. Новые хулиганы, избивающие его.

– Я подумаю над этим, – решил Хавьер. – А сейчас я пошёл.

И развернулся, собираясь уйти.

– В самом деле? – спросил Оуэн.

Хавьер обернулся.

– В самом деле что?

– Подумаешь над этим.

– Я сказал, что подумаю.

И ушёл.

Оуэн смотрел, как он возвращается к остальным, не уверенный в том, правда ли он называл их своими друзьями. От подобного рода хулиганов Хавьер раньше защищал Оуэна. Вернувшись к остальным, Хавьер получил вопросительный кивок от одного из них, брошенный в сторону Оуэна, и он пожал плечами, покачав головой. У Оуэна не было и малейшего понятия, кем был Хавьер теперь и как они дошли до этого, от лучших друзей до незнакомцев всего за пару лет. Так же, как и с мамой. Он думал, что смерть отца три года назад сплотит, сблизит их, но вместо этого они словно оказались на разных островах. А континентальный дрейф продолжал отдалять их друг от друга, неостановимый и полный землетрясений.

Оуэн направился в сторону дома его бабушки и бабушки. Независимо от того, пойдёт Хавьер с ним или нет, он решил, что всё равно пойдёт этой ночью. У него не было выбора. Это было для него слишком важно.

Ему нужно было знать.

Когда Оуэн пришёл домой, его бабушка сидела в своём кресле в гостиной и смотрела какое-то ТВ-шоу, одно из тех, что шло по телевидению ещё до рождения Оуэна. Как только он вошёл, её кот Гюнтер

спрыгнул с её коленей, выпустив когти, судя по тому, как бабушка дёрнулась, и стал ходить вокруг Оуэна с поднятым хвостом, мяукая и прижимаясь к его ногам.

Оуэн нагнулся и почесал кота за ухом.

– Привет, бабушка, – сказал он.

– Привет, – отозвалась она, приглушая звук аплодисментов, доносящихся из телевизора. – Как дела в школе?

– Нормально, – сказал он.

– Как твои оценки?

– Такие же, как и вчера.

– Тебе нужно подтянуть их, – сказала она. – Тебе нужно понять важность образования. Ты же не хочешь закончить так же, как и твой отец?

Сколько раз Оуэн это слышал. Тяжкий груз этих слов каждый раз бил больно и точно в цель, заставляя вспоминать все крики, слёзы, оправдания и оскорбления, имевшие место между мамой и её родителями со времён ареста отца и ранее. Её родители ненавидели его отца ещё до того, как мама Оуэна вышла за него замуж, и теперь они ещё больше ненавидели память о нём. Отец Оуэна был тенью прошлого, существующая лишь для того, чтобы на него можно было свалить грехи за всё. За всё.

Оуэн быстро понял, что не нужно защищать призраков. Да ему и не нужно было. Это был не его отец. И вскоре все они об этом узнают.

– Я подтяну оценки, – пообещал он. – Где дедушка?

– Снаружи, – ответила она. – Чинит газонокосилку, я думаю. Он сказал, что ему может понадобиться твоя помощь.

Оуэн едва сдержал пробивающуюся ухмылку. Его дедушка никогда не нуждался в помощи, особенно в плане ремонта чего бы то ни было, так что, скорее всего, это означало, что его дедушка хочет с ним о чём-то поговорить. Оуэн немного опасался этого, но понимал, что этого не избежать, поэтому кивнул и сказал:

– Я пойду посмотрю.

Он прошёл гостиную, покрытую старым ковром, который то ли не был восприимчив к грязи, либо за ним настолько хорошо ухаживали, что бабушка и дедушка не могли оправдать затраты на его замену. На отштукатуренных стенах висели картины, нарисованные маслом, кистью его бабушки.

На кухне он взял из стоящей на кухонной стойке миски с фруктами апельсин и вышел на улицу через зелёную сетчатую дверь, которая открылась со скрипом и с хлопком захлопнулась.

Сад, настолько маленький и аккуратный, что казался искусственным, был покрыт толстым бесформенным травяным ковром, окружающим

цветочные клумбы, кусты и декоративные заросли. Несколько апельсиновых и авокадовых деревьев росли за полуметровым деревянным забором, обозначающим границы бабушкиной империи.

Оуэн шагал по садовой дорожке к задней части дома к дедушкиному аванпосту, мастерской, которая была на самом деле гаражом, но на памяти Оуэна её никогда так не называли. Внутри дедушка копался во внутренностях старой газонокосилки под светом единственной флуоресцентной лампы над ним. Он был одет в свой старый рабочий фартук, что-то наподобие джинсового комбинезона, который он носил ещё с тех пор, когда Оуэн был совсем маленьким.

– Это одна из тех, что на продажу? – спросил Оуэн.

– Не, – отмахнулся дедушка. – Починка. Для Эгертонов, вниз по улице.

– Собираешься выставить им счёт?

– Нет, но они, скорее всего, попытаются мне заплатить в любом случае.

– Бабушка сказала бы, что они должны платить за твоё отсутствие дома.

Он усмехнулся.

– Откуда ты знаешь, что она это уже не сделала?

Оуэн надкусил кожуру, почувствовал горечь и пальцами начал разрывать фрукт, очищая его и капая апельсиновым соком на пол.

– Не на мой пол, – предупредил дедушка.

Оуэн всегда думал, что мастерская – это как раз то место, где ты можешь спокойно пролить немного апельсинового сока на пол, но, как считал дедушка, не в его мастерской, где нельзя было обнаружить инструмент, или какую-то деталь, или бутылку с какой-либо химией не на своём месте.

– Твоя бабушка спрашивала тебя насчёт оценок?

– Да.

– Тогда мне не стоит делать то же самое?

Оуэн бросил апельсиновую кожуру в мусорную корзину.

– Как бы ты это уже сделал.

Дедушка оторвался от газонокосилки.

– Справедливо.

Он встал с какой-то деталью в руке и прошёл к противоположной стене, став работать с нею, стоя спиной к Оуэну.

– Я видел твоего старого приятеля на днях. Как его там? Хавьер?

– Правда? – Оуэн съел дольку. Она была сладкой, не кислой, чуть терпкой.

– Не видел его довольно давно.

Оуэн ничего не ответил. Просто откусил следующую дольку.

– Ты всё ещё дружишь с ним? – спросил дедушка.

– Типо того. Не совсем.

– Не нравится мне, с кем он там шляется. Отморозки.

– Откуда ты знаешь? – спросил Оуэн.

– Я просто говорю.

– Это звучит довольно предвзято, дедушка. Хавьер не в банде или типа того.

– Надеюсь нет. Он всегда выглядел хорошим ребёнком.

Оуэн съел последнюю дольку, запачкав соком подбородок. Его дедушка по-прежнему стоял к нему спиной, пыхтя над деталью газонокосилки.

– Ты ведь держишься в стороне от этих парней, не так ли?

– Дедушка, – протянул Оуэн. – Перестань.

– Просто хочу убедиться. Этот район изменился с тех пор как я и твоя бабушка переехали сюда. Это было довольно благопристойное место, даже в те времена, когда твоя мама выросла, за исключением последних лет высшей школы.

Это были годы, когда мама встретила папу, но дедушка опустил эту часть, хотя Оуэн знал, что он подумал об этом.

– Я стар и упрям, – продолжил он. – И я никогда не покину свой дом. Но теперь это не то место, которое я бы предложил для твоей матери, чтобы растить тебя. Больше не то.

– Я не в банде, деда.

– Я знаю.

– Тогда почему мы говорим об этом?

Его дедушка развернулся, свет флуоресцентной лампочки отражался от его бритой головы.

– Я просто хочу, чтобы ты был осторожен. Тебе пятнадцать. Я знаю побольше о том, о чём думают и что делают дети в этом возрасте, можешь мне поверить. Очень просто ступить на скользкую дорожку. Ты хочешь отождествлять себя с кем-то. Ты думаешь, что держишь ситуацию под контролем, но спустя мгновение ты по уши в проблемах.

Время в мастерской вместе с дедушкой обычно так и проходило. Это было похоже на то, что дедушка работает над Оуэном, как над двигателем. Оуэн знал, что дедушка желает ему только добра. Его бабушка тоже. Но они ошибались во многом.

– Просто... – дедушка покачал головой и повернулся обратно, к своему рабочему месту. – Просто будь осторожен. У тебя есть домашнее задание?

– Сделал ещё в школе.

– Отлично. Тогда можешь изучить что-то для следующих занятий.

– Школа как беговая дорожка, – съязвил Оуэн. – Как ты можешь обогнать беговую дорожку?

Его дедушка снова усмехнулся.

– Умный малец. Иди и выучи что–нибудь.

Оуэн улыбнулся и вышел из мастерской, вернувшись домой тем же путём. Внутри он увидел, что его бабушка выключила телевизор и теперь хлопотала на кухне, нарезаая морковь на кухонной стойке. Большая миска с овощами стояла рядом.

– Как всё прошло? – спросила она.

– Нормально. – сказал Оуэн. – Ты тоже думаешь, что я в банде?

– У него есть право на беспокойство, – заметила она. – Много хороших детей пошли нехорошей дорогой. Сложно забыть о том, что произошло с твоим отцом.

– Ага, ты и дедушка уверены в этом. – Оуэн повернулся, чтобы уйти. – Я пойду к себе.

Бабушка положила нож.

– Мы просто не хотим, чтобы это произошло с тобой.

Оуэн не сказал ничего, потому что если он откроет рот, то ничего, кроме проблем, это не принесёт. Поэтому он просто ушёл от неё, через гостиную и холл, к своей спальне. Там он пнул кучу одежды и закрыл за собой дверь на замок.

Он так и стоял пару минут, тяжело дыша, глядя в потолок.

Он знал, что его отец не всегда был идеальным. У него были проблемы в высшей школе, магазинные кражи и вандализм, но ничего серьёзного. Он перерос это. Мужчина, которого знал Оуэн, усердно работал, и главное – честно, даже без образования в колледже, он перевез свою семью в усаженный деревьями пригород, с велосипедами на газоне перед домом, и двумя машинами. Но для бабушки и дедушки Оуэна ничего из этого не имело значения. В нём они видели только школьного панка, и после того, как его отца арестовали, месяцы слушания были ничем иным, кроме долгого «Видишь? Мы были правы!».

В сторону матери Оуэна.

Но они были неправы. Как и судьи с присяжными.

Оуэн подошёл к своему компьютеру и сел в кресло, опрокинув со стола гору пустых банок из–под содовой. Он рассчитывал на Хавьера, что тот убедится в том, что технология безопасна и работает правильно, но, если Хавьер не сделает это, Оуэн и сам разберется.

Он постучал по клавишам клавиатуры, выводя компьютер из спящего режима, и стал искать в интернете всё про Абстерго Индастриз, Анимус, что–то под названием «Хеликс», и эти безумно дорогие игровые консоли. Но всё, что он нашёл – корпоративная реклама, приправленная и

сглаженная PR–департаментом таким образом, что в итоге она не приносила ничего конкретного. Немного заметок было на паре форумов, полных предупреждающих и параноидальных идей о мировом заговоре, куда было вовлечено Абстерго. Но какая международная многопрофильная корпорация не была включена в мировой заговор? Это естественно.

Спустя время бесплодных поисков его мама пришла со своей работы в копировальном центре. Оуэн услышал звук открывшейся двери, её приглушенный голос из гостиной, она разговаривала с бабушкой, и через пару минут постучалась в его комнату.

Оуэн закрыл поисковик.

– Заходи.

Дверь не поддавалась.

– Она заперта.

Оуэн соскочил с кресла и подошёл к двери.

– Прости, я забыл.

– Всё в порядке?

Его мама стояла перед дверью, одетая в рабочее синее поло, с откинутыми назад волосами, вероятно, с новой парочкой седых волос, нежели днём ранее.

– Да, нормально, – ответил он. – А что?

– Бабушка упомянула, что у тебя и дедушки был разговор.

Оуэн пожал плечами.

– Ничего нового, такие же разговоры бывают минимум раз в неделю.

– Я думаю, что вид Хавьера его так впечатлил.

Оуэн закатил глаза.

– Он не в банде.

– Ладно, – она подняла руки, сдаваясь, и показывая несколько новых кровавых порезов от бумаги. – Если ты так говоришь. Но это ведь хорошо, что твои бабушка и дедушка беспокоятся, ты же знаешь.

– В самом деле?

– Это значит, что им не всё равно.

Оуэн повернулся и прошёл в комнату, рухнув на кровать и закинув руки за голову.

– Я слышу от них совсем другое.

Мама вошла в комнату.

– Тогда что же ты слышишь?

– Я слышу, что они переживают о том, что внезапно я пойду и ограблю банк, как мой отец.

Его мама дёрнулась, будто налетела на невидимую стену.

- Не говори так.
- Но это именно то, о чём они думают.
- Я не это имею в виду. Просто... просто не говори так.
- Почему нет? Ты ведь тоже веришь в это. По крайней мере, ты больше не защищаешь его, когда они поднимают эту тему.
- Оуэн, пожалуйста. Я так не могу. – она обернулась на дверь.
- Пофиг, – ответил он, закрыв глаза. – Что есть, то есть.

Мама простояла так ещё минуту, а потом он услышал, как она пересекла комнату, переступая через его одежду и обёртки от еды, и закрыла за собой дверь.

Позже ночью, после ужина и мытья посуды, Оуэн услышал, как его мама легла в постель в соседней комнате, и вскоре услышал дедушку, прошедшего по коридору. Прошло ещё пару часов, прежде чем его бабушка выключила телевизор и тяжело звучащие звуки саксофона из её сериала, и отправилась спать. Именно тогда Оуэн, все ещё лежащий на кровати в одежде, встал, надел толстовку и вышел из комнаты. Входная дверь издавала слишком много шума, поэтому он пошёл к задней, аккуратно прикрыв его за собой, чтобы она не хлопнула.

Это была довольно холодная ночь, с ветром, несущих пару газетных страниц вниз по улице. В то время как его дедушка с бабушкой ухаживали за домом и двором, делая их похожими на изображение с почтовой открытки, остальные соседи были не столь трудолюбивы.

У тех, кто поливал свои газоны, было полно сорняков. У тех же, кто не поливал, проглядывалась грязь. Асфальт пошёл трещинами и буграми ещё до того, как Оуэн переехал сюда, но никто не беспокоился о его починке, что могло сыграть злую шутку с тем, кто ходил здесь в темноте и не знал о расположении выбоин.

Оуэн побежал, чтобы успеть перехватить последний автобус, маршрут которого проходил рядом с домом, и он успел, вскоре смотря через своё отражение в окне на проносящиеся мимо улицы, приближаясь к адресу, который ему дал Монро. Хотя на самом деле это был скорее не адрес, а место рядом с заводами и складами на окраине города. Он дважды пересаживался с автобуса на автобус – к счастью, они ходили всю ночь – а затем прошёл около мили, чтобы добраться до места, мимо покрытых граффити зданий и затемнённых, закрытых витрин магазинов. Наконец он достиг нужной части промзоны, выглядевшей заброшенной, с висячими замками на массивных дверях, разбитыми окнами и высокой травой в узких

проходах между зданиями. Редкие фонари пачкали и без того грязную землю, светом, с неприятным жёлтым оттенком рвотных масс.

Оуэн уже начал думать, что Монро разыграл его, как последнего дурачка, но тут же увидел припаркованный в тени автобус. Он был не похож на машины, которые стояли здесь. Автобус был старым, с широкими раздутыми колёсами и массивной угловатой решёткой радиатора. Такая модель подошла бы коллекционеру раритетных автобусов, если бы такие люди здесь были. Он был покрашен в коричневый цвет, окна были затемнены, но он не выглядел так, будто его бросили здесь.

Позади раздались шаги, и Оуэн развернулся.

– Расслабься, – сказал Хавьер. – Это я.

Он был одет в белую толстовку, и стоял, засунув руки глубоко в карманы.

Оуэн выдохнул:

– Ты пришёл.

– Я подумал над этим, – сказал Хавьер.

– Спасибо, – сказал Оуэн, и кивнул на автобус. – Это здесь.

– Ты уверен в этом? – спросил Хавьер. – Копаться в своём ДНК?

Внутри мозга?

– Я уверен, – сказал Оуэн. – Мне нужно знать. Кроме того, другие дети уже делали это.

– Это я уже слышал. И Монро сказал, что это сработает?

– У нас не было на это времени. Он просто сказал мне встретиться с ним здесь.

Хавьер пожал плечами.

– Тогда давай пойдём и выясним это.

ГЛАВА 2

Оуэн подошёл к боковой двери автобуса и постучал в неё костяшками пальцев. Убрав руки в карманы, он стал ждать. Хавьер стоял позади. Когда дверь наконец-то с лязгом открылась, холодный синий свет, будто от бассейна в отеле, высветил появившуюся в проёме фигуру.

– Рад, что ты добрался, Оуэн, – сказал Монро, его глубокий голос резонировал, словно тронули струну бас – гитары. – Я смотрю, ты привёл друга. Заходите внутрь.

Фигура развернулась и скрылась в глубине автобуса. Все в школе знали Монро, школьного сетевого администратора. Почти всем он нравился, ну может быть, кроме нескольких учителей. Оуэн и Хавьер ступили на лестницу и забрались внутрь за ним.

Интерьер автобуса был абсолютно противоположен экстерьеру. Изнутри он был абсолютно другим. Внутренняя отделка полностью заменена гладкими белыми панелями, плоскими, вытянутыми лампами и рядом компьютерных мониторов, а пахло пластиком и озоном. Эргономичное кресло стояло в задней части автобуса. Монро стоял слева от него, с каштановыми волосами до плеч и бородкой, одетый в ту же одежду, которую он носил в школе: выцветшие джинсы, кроссовки Converse, и

фланелевую рубашку поверх футболки с логотипом группы, которую Оуэн не знал. Оуэн не мог точно сказать, сколько ему лет. Сорок, может быть? Или чуть-чуть за пятьдесят?

– Хавьер, правильно? – спросил Монро у Хавьера, когда тот поднялся по лестнице за Оуэном.

– Откуда ты меня знаешь? – спросил Хавьер.

Монро постучал пальцем себе по лбу.

– Эйдетизм, чувак, всё дело в нём.

– Что-то типа фотографической памяти? – спросил Оуэн.

– Нет, – ответил Хавьер, стоявший позади него. – Не она. И это по-прежнему не объясняет, откуда ты меня знаешь.

– Я потратил много времени, просматривая школьную базу данных, – сказал Монро. – Скорее всего, я смогу опознать любого ребёнка из школы.

Было видно, что ответ не совсем устроил Хавьера, который скрестил руки на груди и, оглядевшись, спросил:

– Ну так что это всё?

– Это? – спросил Монро, разведя руками. – Это ты.

– Воу, чувак, – остановил его Хавьер ровным голосом, без признаков восторга или удивления, – Довольно глубокомысленно.

– Расслабься, – сказал Монро. – Я имею в виду, что всё, что здесь есть, нужно для того, что внутри тебя, – указал он на Оуэна. – Твоя ДНК.

– Ага, – заинтересовался Хавьер. – Как раз об этом. Над чем ты работаешь здесь? Это не похоже ни на одну из приставок Абстерго Энтертеймент, которые я видел в интернете.

Оуэн отметил, что Хавьер тоже искал что-то в интернете, прежде чем прийти сюда.

– Потому что вы не найдёте эту модель ни в интернете, ни в магазинах, – объяснил Монро. – Абстерго изъяло их. Эта машина базируется на самом первом Анимусе, но я сделал пару важных модификаций.

– То есть она реально работает? – спросил Хавьер более заинтересованно, шагнув вперёд.

– Что ты имеешь ввиду под «изъяли»? – добавил Оуэн, вспоминая, как трудно было что-то найти самостоятельно. – Коммерческая тайна или что-то типа того?

– Что-то в этом роде, – согласился Монро. – Публично Абстерго продвигает Анимус как исследовательский инструмент. Или как приставку для развлечений. Очень дорогую приставку.

– И что же делает твоя модель? – спросил Хавьер.

– В общем смысле, то же самое, – ответил Монро. – Я беру образец вашей ДНК, анализирую его, и разблокирую воспоминания ваших предков.

Когда мы это сделаем, мы можем создать симуляцию, которую вы будете исследовать.

Когда он говорил, он смотрел куда-то в другую сторону, над плечом Оуэна. Не было похоже, что он избегает зрительного контакта, скорее его мысли просто были заняты чем-то другим.

– И в чём же разница? – не понимал Хавьер.

Монро поморщился.

– Другие модели могут давать доступ лишь к другим ДНК, которые представлены в облаке Абстерго...

– Но я читал, что эти симуляции изменены, – закончил Хавьер. – Изменены Абстерго.

– В смысле «изменены»? – теперь не понял Оуэн.

– Они больше похожи на реалити-шоу, – объяснил Хавьер. – Они редактированы, из них вырезаны части, так что ты видишь не всю историю.

– Именно, – подметил Монро. – Последние модели Анимусов служат только собственным целям Абстерго. Люди видят, переживают истории и делают выводы, которые Абстерго хочет, чтобы они сделали. Там не найти правды. Эта модель, – положив руку на кресло, сказал он, – может предоставить доступ к вашим собственным воспоминаниям. Целостным. Это единственный способ найти правду, которую вы ищете.

– Как она у тебя оказалась? – удивился Хавьер.

– Я работал на Абстерго. Довольно давно. Ещё вопросы имеются?

Оуэн обернулся на Хавьера, тот кивнул и спросил:

– Да, ещё один. Зачем тебе это?

– Не, зачем *тебе* это? – спросил Монро. – Я пригласил Оуэна, но не тебя.

– Я здесь, потому что я его друг, и я в долгу перед ним.

Оуэн никогда не думал, что он сам сентиментален, но он был рад услышать это.

По изменившемуся тону голоса Монро, Оуэн понял, что тот не будет это обсуждать, но Хавьер больше не задавал вопросов, поэтому он повернулся к Оуэну.

– Так что за правду ты ищешь? У нас не было времени в школе, чтобы обсудить детали. Чью память ты хочешь исследовать?

Оуэн глубоко вздохнул.

– Моего отца.

– О, верно. Отец, это важно. Что-то конкретное?

– Мне нужно знать, что с ним произошло в определённую ночь.

Восемнадцатое декабря. Пять лет назад.

– О, – Монро покачал головой, – Знал бы я раньше. В этом случае, я не смогу тебе помочь.

Оуэн шагнул к нему:

– Как это? Это единственная причина, по которой я здесь. Ты сказал...

– Ты спрашивал, смогу ли я посмотреть воспоминания твоего отца, и я сказал «да». Это правда. Ты не сказал, что ты хочешь посмотреть ту часть, которая была пять лет назад.

– Но...

– Это просто невозможно, – объяснил Монро. – Твоя ДНК содержит воспоминания только до той точки, пока ты не был зачат, не позже. У тебя просто не может быть воспоминаний твоего отца, когда тебя было сколько, десять?

– Он прав, – поддержал Хавьер, – Я думал о том, как это возможно, может быть, есть какая-то новая технология.

Автобус вокруг Оуэна внезапно стал сужаться, становясь теснее. Но его разочарование и гнев вместе с тем стали расти.

– Тогда, что мне делать? Как мне получить воспоминания той ночи?

– Тебе нужен иной тип Анимуса, – сказал Монро. – И образец ДНК твоего отца, после той ночи. Это единственный способ расшифровать его генетическую память.

Мышцы Оуэна напряглись так, что задрожали.

– Но он был арестован той же ночью. Они забрали его, и он больше не возвращался. У меня нет его ДНК.

Монро вздохнул.

– Тогда я искренне сожалею, чувак.

Оуэну захотелось запустить кулак в один из ближайших мониторов. Он пришёл сюда, потому что это был единственный способ. Единственный способ доказать невиновность своего отца. Единственный способ всё исправить. Но теперь его нет. Больше нет. Больше не было этого способа, этого пути, и теперь он осознал это. Он был в ловушке своей жизни, не в силах ничего сделать с бабушкой, поносящей его отца, ни с матерью, сдавшейся и больше его не защищавшей.

– Если он сможет найти отцовскую ДНК, – спросил Хавьер. – Ты сможешь это сделать?

– Безусловно, – сказал Монро. – С другим типом Анимусом и образцом ДНК после той ночи.

Оуэн ощутил ладонь Хавьера на своём плече.

– Может, твоя мама сохранила что-то. Что-то с его ДНК. Старую рубашку?

— У нас не осталось ничего, — посетовал Оуэн. — Нам нужны были деньги. Мама продала всё, пытаясь сохранить дом. Но мы его всё равно потеряли.

В автобусе стало тихо, только шумели кулеры компьютеров, и тихо трещали работающие жёсткие диски. Оуэн не хотел уходить, потому что это означало бы его поражение, поэтому он продолжал стоять в окружении бесполезных устройств.

— Послушай, — начал Монро. — Я делаю это уже давно. Разные города. Разные школы. Некоторые дети искали новые ощущения. Другие, как ты, приходили, чтобы найти ответы. Но дело в том, что зачастую, найдя ответы, которые они искали, они почти никогда не могли ничего исправить. Я думаю, что для тебя лучше спросить самого себя, почему этот вопрос так важен для тебя.

— Что это значит для меня? — переспросил Оуэн. — Моего отца посадили в тюрьму. За что-то, чего он не делал. Я думаю, тут довольно понятно, почему это так важно для меня.

— Просто пошли отсюда, — буркнул Хавьер. — Этот мужик не сможет тебе помочь.

— А что насчёт тебя? — спросил Монро, глядя на Хавьера.

Хавьер прищурился.

— А что я?

Монро кивнул в сторону кресла.

— Не хочешь попробовать?

— К чему это всё? — спросил Хавьер. — Это ничего не решит.

— Тебе не нужно садиться в Анимус, чтобы найти ответы, — сказал Монро. — Но я знаю, что ты любопытен.

— Не думай, что знаешь меня.

— Я видел твои оценки по точным наукам. Довольно впечатляюще. Если это, конечно, ты. Тот парень, должно быть, невероятно умён.

Повисло молчание, так как Хавьер никак не отреагировал на это.

— Послушай, — продолжил Монро. — Я не пытаюсь на тебя давить. Делай что хочешь. Но ты здесь, и чёрт его знает, когда и кого мне удастся найти в следующий раз.

Хавьер посмотрел на Оуэна, и Оуэн увидел знакомое выражение лица, которое не видел уже давно. Монро был прав. В те времена, когда они были лучшими друзьями, если Хавьер видел что-то, любопытное ему, он становился таким, как сейчас: решительное волнение, сдвинутые брови и усмешка. У него был этот вид теперь, и Оуэн подумал, что это и была та причина, из-за которой он пришёл этой ночью.

— Окей, — сказал Хавьер. — Я готов.

– Отлично. Проходи и садись. – сказав это, он повернулся к консоли с мелькающими огнями.

Хавьер проскользнул мимо Оуэна и компьютерного оборудования к креслу, и по мере того, как медленно и осторожно в него садился, Оуэн почувствовал прилив гнева и обиды. Каким-то образом его лучший друг теперь делал то, что должен был сделать Оуэн. Хавьер должен был помочь ему, а не занимать его место!

Хавьер откинулся на спину, положив руки на подлокотники кресла. Монро сел на вращающееся кресло рядом с ним и достал что-то вроде пластикового наруча, соединенного с терминалом компьютера пучком проводов.

– Правую руку, пожалуйста, – сказал Монро, раскладывая наруч на две части.

– Что это? – спросил Хавьер.

– Это сканер, – бодро ответил Монро. – Он считывает генетическую информацию и посылает её в ядро Анимуса для анализа. Просто засучи рукав.

Хавьер закатал рукав толстовки, и Монро закрыл наруч на его руке.

– Ты почувствуешь укол, – сказал Монро. – От иглы для забора крови. Но Хавьер даже не поморщился.

– Отлично, – Монро развернул кресло к компьютерному монитору, и ввёл что-то на клавиатуре. Оуэн подошёл чуть ближе, туда, где он мог бы видеть экран, но ничего не видел, кроме бегущих строк текста, смысл которых он не понимал.

– Эй, – шепнул Хавьер низким голосом. – Оуэн?

Оуэн повернулся к нему?

– Ты не против всего этого?

Оуэн пожал плечами.

– С чего бы?

– Ты уверен?

– А это имеет значение?

Хавьер не ответил.

Монро что-то печатал на клавиатуре ещё несколько минут.

– Отлично, – наконец сказал он. – Очень многообещающе.

– Что именно? – спросил Хавьер.

– Дай мне пару минут, – попросил Монро.

Стук клавиатуры. Отблески от мониторов.

Посмотрев вверх терминала на Оуэна, он произнёс:

– Давай кое-что проверим.

– Что? – спросил Оуэн.

– Конкордацию генетических воспоминаний, – объявил Монро, доставая второй наруч. – Дай мне свою руку.

Но в ответ Оуэн скрестил их.

– Я думал, ты сказал, что...

– Это не касается твоего отца, – нетерпеливо перебил Монро. – Я хочу проанализировать твою совместимость с Хавьером.

– Что это значит? – спросил Хавьер.

– Если у вас есть предки, жившие в один промежуток времени и в одном и том же месте, тогда ваши генетические воспоминания будут... совпадать. Вы сможете пережить одну симуляцию вместе. Комбинация данных сможет сделать симуляцию более устойчивой.

– Ты имеешь в виду, что мы оба сможем быть в симуляции? – опешил Оуэн. – Вместе?

– Да, – кивнул Монро. – Одна из моих модификаций. Ну так что скажешь?

Оуэн посчитал предложение заманчивым, и получил некоторое удовлетворение от мысли, что Хавьер не полностью займёт его место. Он протянул руку, не спрашивая Хавьера, не против ли он всего этого.

– Поехали, – решился Оуэн.

– Отлично, – Монро закрепил наруч на его предплечье. Оуэн почувствовал укол и постарался не поморщиться.

– Данные пошли, – проинформировал Монро. – Пару минут они будут обрабатываться, а потом выведут таблицу ваших конкордаций.

Оуэн встал рядом с креслом, опираясь рукой на компьютер, смотря на экран.

– А что, если у нас не будет предков, живших в одно время? – спросил Хавьер.

– Тогда конкордация будет нулевой, и я не смогу сгенерировать общую симуляцию.

Но после нескольких минут анализа данных, которые ему вывел Анимус, он произнёс:

– Ух ты, у вас... Да у вас на самом деле есть несколько очень сильных пересечений!

– Несколько? – переспросил Оуэн.

– Ага. Это невероятная редкость. Пути ваших предков пересекались несколько раз, в разных местах и во время разных исторических событий.

Он смотрел на экран, но было видно, что он думает над чем-то ещё.

– Ну так что, мы сделаем это? – спросил Хавьер.

Монро моргнул пару раз.

– Да. Точно. Окей, пока симуляция компилируется, расположим Оуэна.

Он ушёл в переднюю часть автобуса и вернулся со свернутым ковриком для занятий йогой, который он раскатал рядом с креслом.

– Не так удобно, как на кресле, но сойдёт.

Оуэн лёг на коврик, смотря на крышу автобуса и руку Хавьера на подлокотнике, которая была над ним. Лёжа на полу он почувствовал и услышал тихий гул от всех устройств Анимуса, пульсирующих под полом. Монро достал два шлема с чёрными визорами и помог Хавьеру, а затем и Оуэну надеть их. Визор был легче и удобнее, чем выглядел внешне, отрезав Оуэну весь свет и звук снаружи, оставив его с самим собой.

– *Вы меня слышите?*

Голос Монро раздался внутри шлема.

– Да, – сказал Оуэн.

– Ага, – подтвердил Хавьер.

– *Отлично. Окей, а теперь я объясню вам, как это работает. Первым делом я загружу вам Коридор Памяти.*

– Что это? – спросил Хавьер.

– *Это промежуточная симуляция. Можно сказать, это комната ожидания в Анимусе. Воздействие полноценной симуляции может быть ошеломляющим, даже разрушающим, как психологически, так и физически. Мне нужно смягчить это воздействие. После того, как вы пообвыкнете в Коридоре, я загружу полноценную симуляцию. Вы готовы? Это будет жутко.*

– Готов, – подтвердил Хавьер.

– Готов, – кивнул Оуэн.

Спустя секунду их захлестнула волна света, звуков и ощущений, будто выйдя из темноты на самое освященное место в самый жаркий и солнечный день; Оуэн не мог защитить глаза от этого. Он просто решил переждать это, пока зрение не восстановится, нервы не успокоятся, и окружение станет чётким.

Он стоял в бесконечной серой пустоте, слыша треск молний. Облака тумана вздымались и кружили вокруг него, иногда принимая какую-то знакомую форму, с намёком на что-то материальное – часть здания, ветвь дерева.

Оуэн посмотрел вниз и понял, что это больше не он. Его грудь была покрыта безрукавной кольчугой, поверх тяжёлой кожаной куртки с металлическими заклёпками. И та, и другая доходили почти до колен. Он также носил высокие, кожаные сапоги, закрывающие полностью голени и кожаные перчатки, в то время как меч оттягивал сбоку его ремень. Когда он повернул голову, он понял, что в его густую бороду впивается ремешок шлема, имевшего коническую форму, расширяясь сверху вниз, и плотно сидевшего на голове.

– Это ты? – спросил кто-то позади него.

– Хавьер?

Человек позади него кивнул, но это был не Хавьер. Другое тело, другое лицо, другой голос. Мужчина средних лет с тёмной кожей, носивший набедренную повязку и толстую, стеганную тунику с голыми ногами и руками, с надетыми сандалиями на ногах. Полосы белой и красной краски пересекали его лицо, а голову украшал красочный головной убор с перьями, торчащими сзади.

– Ты выглядишь как конкистадор, – сказал человек, который сейчас был Хавьером.

– А ты – как ацтек или вроде того, – ответил Оуэн.

– *Не совсем*, – голос Монро раздался прямо в ушах Оуэна и, судя по всему, в ушах Хавьера тоже. – *Ацтеки завоевали большую часть Мексики, но не всю. Хавьер – воин Тлашкальтеков. Их народ был одними из тех, кто боролся против ацтеков до прибытия европейцев.*

– Откуда ты знаешь это?

– *Анимус. По мере того как он анализирует твои генетические воспоминания, он соотносит их с известными историческими данными. Это также рассказало мне о том, что Хавьер был прав с твоим предком, Оуэн. Ты в этом воспоминании конкистадор. Солдат по имени Альфонсо дель Кастильо.*

– Ага, – сказал Хавьер. – Значит, твой народ завоевал мой.

– *И снова не совсем так. Эрнан Кортес⁵ нанёс поражение тлашкальтекам, но вскоре заключил с ними союз против более могущественных ацтеков.*

– О, – протянул Хавьер. – Прости. Я полагал, что твой народ дал моему только оспу.

– Я никогда не знал, что у меня в предках есть конкистадор, – произнес в оправдание Оуэн.

– *Похоже, ваша совместная симуляция будет в 1519-ом. Как раз перед тем, как Кортес нанесёт поражение тлашкальтекам.*

– То есть, мы отправимся в Мексику? – спросил Оуэн. – На сотни лет назад?

– *Технически, вы никуда не отправитесь. Вы будете так же лежать на полу моего автобуса. Но у вас будет ощущение, что вы находитесь в другом месте. Именно поэтому мы сейчас и используем Коридор Памяти.*

– Так что теперь? – спросил Хавьер.

⁵ Фернандо Кортес де Монрой и Писарро Альтамирано (1485 – 1547) – испанский конкистадор, завоевавший Мексику и уничтоживший государственность ацтеков.

– Теперь я хочу, чтобы вы расслабились. Подвигайтесь немного. Используйте шанс привыкнуть к чуждому телу, пока симуляция компилируется.

Оуэн сделал шаг, а затем ещё один. Он действительно чувствовал себя странно. Альфонсо был ниже, чем он, с другим центром тяжести, другими пропорциями, другими ногами и руками. Пока Хавьер прогуливался позади него, Оуэн достал меч из ножен. Он имел золотое навершие у основания, покоящееся сверху обитой кожей рукояти, скрепленной проволокой, и окруженная защитной сферой. Полуметровое лезвие сверкало, как серебро.

– Ты только посмотри, – продемонстрировал он Хавьеру и со свистом разрезал воздух. Сначала меч чувствовался в руках довольно непривычно, тяжело и неудобно. Но потом Оуэн почувствовал покалывание в шее, и его разум словно подвергся давлению, уступая место кому-то. И как только он полностью отступил, отпустив все свои мысли, его контроль над оружием стал более практичным и уверенным. Он делал выпады и парировал, будто он делал это тысячи раз до этого. Но он знал, что никогда не держал настоящий меч в руках, и как только он подумал об этом, давление исчезло, и он потерял контроль.

– Осторожно! – воскликнул Хавьер, отскочив как раз в тот момент, когда меч едва не задел его по руке.

– Извини, – виновато отозвался Оуэн, посмотрев на меч. – Это было странно.

– Что было странно?

Оуэн посмотрел вверх, будто Монро был где-то там в облаках.

– Меч, – сказал он. – Это было так, словно... словно я знаю, как им пользоваться.

– Ты знаешь. Точнее, Альфонсо дель Кастильо знает.

– То есть, это был он?

– У тебя есть доступ к его воспоминаниям. Ко всем.

– Это было так, будто он взял надо мной контроль.

– Можно сказать, что так и было. Можно сказать, что ты ему позволил. Симуляция работает на принципе синхронизации. Чтобы пережить воспоминания твоего предка, тебе нужно словно сесть на заднее сиденье и позволить предку делать то, что он делал.

– То есть у нас не будет контроля над тем, что будет происходить?

– У вас будет некоторая свобода действий в симуляции. Но это не путешествие во времени. Вы не можете изменить то, что уже произошло. Вы не можете изменить воспоминания, и, если вы выйдете за допустимые параметры воспоминаний, произойдёт десинхронизация. Это

разрушит симуляцию и выкинет вас в Коридор или даже в реальный мир. В любом случае, это не самый приятный опыт.

– А как мы узнаем, что может произойти десинхронизация? – спросил Хавьер.

– *Вы почувствуете это. Симуляция начнёт глючить. Но постарайтесь не беспокоиться насчёт этого. Вы научитесь. Просто расслабьтесь. Весь смысл в Анимусе – это как будто выбраться из ореховой скорлупы своего сознания и прогуляться кем-то другим, какое-то время. Вы готовы к этому?*

Оуэн посмотрел вниз на меч и засунул его обратно в ножны.

– Готов.

– *Отлично. Когда я опущу рубильник, это будет ошеломляюще, гораздо более, чем, когда вы попали в Коридор Памяти. Просто расслабьтесь, это пройдёт. И ещё одно: когда вы окажетесь там, ваши предки не обязательно будут рядом, но достаточно близко для общей симуляции. Не спешите, не ищите друг друга, или произойдёт десинхронизация. Вы не можете разговаривать с кем-то сами, в любом случае. Просто позвольте воспоминаниям идти своим ходом. Всё понятно?*

– Всё понятно, – сказал Оуэн.

– *Вы готовы?*

– Опускай рубильник, – сказал Хавьер.

ГЛАВА 3

Хавьер всё ещё не был уверен, что принял правильное решение. Но Монро был прав. Хавьер так много слышал от других ребят в школе про Анимус, что любопытство лишало его всякого здравомыслия. Возможно, ему действительно очень хотелось выбраться из своей черепной коробки хоть ненадолго и побыть кем-то другим. Его собственная жизнь была слишком сложной и запутанной.

Напротив него в Коридоре Памяти стоял Оуэн. Разве что он сейчас был не самим Оуэном, а его предком—конкистадором, облаченным в полный доспех со шлемом. На поясе у него висел меч, которым прекрасно владел. Хавьер понятия не имел, насколько сейчас отличался от самого себя внешне, но тело точно ощущалось совершенно по-другому. Этот предок из Тласкалы был на порядок старше, с болями в суставах и крепким сознанием, которое пыталось вытеснить рассудок Хавьера. Взгляд предка на мир был совсем иной, чужой. Хавьер решился на использование Анимуса, чтобы отвлечься и побыть другим человеком, но вместо этого он только ощущал, как в его голове все больше и больше путалось.

– *Начали*, – прозвучал голос Монро.

Коридор Памяти ослепила короткая яркая вспышка света, и Хавьер ощутил, будто его тряхнуло до тошноты на американских горках, причем не столько телом, сколько разумом. Он шумно вздохнул и заморгал, борясь с головокружением, но перед глазами всё расплывалось.

Он стоял в поле, окруженном холмами, и жаркое солнце не пекло голову благодаря прохладному ветерку. Трава под ногами была высокая и гнулась под порывами, как изумрудные волны. В одной руке он держал деревянный щит, ярко разукрашенный непонятными узорами и с пёстрыми перьями по краям, а в другой – нечто вроде деревянного же меча, с торчащими, острыми, как неровные зубы, обсидиановыми осколками. Хавьер откуда-то знал, что это оружие называется *макуауитль*. Другие воины, вооруженные и одетые так же, как и он, стояли рядом, но у многих не доставало перьев в волосах, подобных тем, что украшали голову Хавьера. Впрочем, у некоторых из воинов причёски были сложнее. Выглядели эти конструкции, как высокие короны, с вплетёнными в них длинными лентами. Хавьер заметил одного мужчину, который носил нечто вроде раскидистого штандарта или знамени, покрытого перьями. Эта штука поднималась откуда-то из-за его спины и поднималась вверх на шесть футов над головой. У другого на макушке красовалась здоровая белая птица с длинной шеей, чьи крылья раскинулись широко в стороны.

Хавьер оглянулся через плечо, и то, что он увидел, заставило его кровь застыть в жилах. Позади были тысячи, возможно, десятки тысяч воинов. Они заполнили собой всю долину меж холмов и виднеющегося вдалеке леса. Внезапно затрубили горны, голоса громкими воплями разнеслись над полем. Боевые кличи. Эти люди направлялись на войну.

Самым большим дерьмом было то, что Хавьер стоял на передовой, которая не избежит боя. Он вновь огляделся, на этот раз продумывая пути отступления. Его душила паника. Воин рядом глянул хмуро и вопросительно, а затем произнес что-то на языке, которого Хавьер не знал.

– Что? Я тебя не понимаю, – промямлил Хавьер, и в тот же момент ощутил, как его сознание плывёт, отступает куда-то на задний план. Он перестал чувствовать собственные ноги и руки, как будто отсоединился от тела.

Воин смотрел на него еще более озадаченно, и сделал шаг навстречу.

– *Расслабься*, – прозвучал голос Монро. – *Дай твоему предку говорить за себя.*

– Монро?

– *Да. Я слежу за твоей симуляцией.*

Хавьер почувствовал облегчение от этой новости.

– Просто дай воспоминаниям идти по накатанной, приятель. Не парься.

Глубоко выдохнув, Хавьер попытался отвлечься от звуков огромной армии за спиной, забыть про свой страх от мыслей о грядущей битве, и расслабился. В это время его постепенно, как удары барабана, заполняли другие чувства: жажда боя, воодушевление. Теперь Хавьер слышал громче и громче чужой голос, пытающийся прорваться из глубин его разума. Ощущение было как от самого сильного и выбивающего из колеи дежавю, ведь одна из частей его сознания впервые испытывала всё происходящее, тогда как другая помнила. Барабанный гул и крики становились все сильнее, пока Хавьер наконец не сдался чужой личности, воле, которая боролась с ним за контроль, и как только он это сделал, его вопль влился в общий боевой клич, на том самом непонятном и неизвестном языке.

Воин рядом с ним кивнул, похоже, ощутив большое облегчение, и тоже заорал. Теперь Хавьер понимал всё остро, совершенно незамутненным рассудком.

Он был Чимальпопокой, благородным текутли, предводителем своего народа и воинов, отличился много раз на поле боя против жадных и надменных ацтекских угнетателей.

Однако теперь новый враг прибыл на земли его народа, с побережья. Если верить слухам, более того, этот враг пересёк море. Бледные иноземцы, марширующие в их сторону, возвышающиеся верхом на своих похожих на оленей чудовищах. Их оружием был сам огонь, но сегодня, на этой земле бога Камаштли, его народ схватит или перебьет всех.

– Как думаешь, они действительно теотли? – спросил воин, стоящий рядом с Чимальпопокой.

– Не знаю, – ответил он.

– Племена Тотонак и Отоми говорят, что иноземцев невозможно убить. Их стрелы и копья не поразили ничего, кроме камышей. Кожа тех людей, что сталь...

– Это только броня из стали. – Чимальпопока вглядывался в линию дубовых и сосновых деревьев впереди. – Под нею, клянусь богами, струится кровь.

– Значит, ты не думаешь, что нам стоит заключить с ними мир, как это сделали тотонаки?

– Я думаю, нам стоит следовать приказам нашего лидера.

– Но даже Старейший, отец Хикотенкатля, настоял бы на заключении мира. До меня дошли слухи, что сегодня многие планируют не сражаться.

– Тогда они родились под знаком труса, – резко ответил Чимальпопока. Сам он был рождён под знаком первого оцелота. Это означало, что ему

предначертано умереть пленником на войне. Судьба, которую он давно уже решил встретить с достоинством, но та до сих пор ускользала от него.

– Возможно, в том, чтобы отступить, есть мудрость, – заметил воин, – а не трусость.

– Думай, как хочешь, – сказал Чимальпопока, – тогда тебе, пожалуй, будет лучше уйти к тотонака и построить этим трусам город на месте своей фермы...

Вновь громко затрубили раковины–горны, возвещая о приближении врага. Чимальпопока вскинул щит. Его макуауитль жаждал отведасть крови этих иноземцев. Впереди, в отдалении, первые из теотлей показались у кромки. Они шли строем, сверкая щитами, железными шлемами, стальными мечами; верхом на своих огромных, подобных оленям монстрах. С ними было оружие, которое они называли пушкой. Оно стреляло камнями и всполохами огня, и привезли это оружие на бой предатели чемпоала, объединившиеся с тотонакапанами. При виде здоровой черной махины Чимальпопока ощутил страх, и вместе с ним испугался Хавьер.

Мальчик задумался в этот момент, что будет, если его предок погибнет в грядущем бою. Он задавался вопросом, будет ли ощущать агонию, когда его пронзит меч, или собьет пушечным ядром. С одной стороны, Хавьер знал, что его тело в полной сохранности находится вне симуляции, но это не помогало избавиться от ужаса, ведь разум был здесь. Реалистичность симуляции, запах фимиама и выступившего от страха пота воинов, ржание лошадей конкистадоров, вид их во многом превосходящего оружия – он знал, как всё должно закончиться, и ему хотелось увести своего предка подальше.

Стоило Хавьеру погрузиться в эти мысли, как он замкнулся в своем сознании и сделал шаг назад с передовой линии. В тот же момент симуляция потеряла некоторую чёткость, как будто переключилась с высокого разрешения на низкое.

– *Ты вылетаешь*, – предупредил Монро. – *Расслабься, пусть всё идёт, как идёт.*

Сделать это сейчас было сложнее, чем раньше. Испанская армия приближалась, со своими пушками и мечами, и Хавьер знал, что деревянные Чимальпопоки против них ничего не смогут сделать.

– Я пытаюсь! – воскликнул Хавьер.

– *Ты ничего не сможешь изменить. Это воспоминания. Просто вспомни, что всё это уже произошло пятьсот лет назад. Этого не избежать. Если попытаешься, то десинхронизируешься.*

Хавьер решил повторять эту мысль про себя, как мантру:

«Этого не избежать, этого не избежать, этого не избежать...»

Наконец, сработало, и Чимальпопока вновь вернул себе контроль, привнося в симуляцию яркость и глубину.

На них надвигались, возможно, от силы четыре сотни теотлей. Против десяти тысяч воинов тлашкальтек. Чимальпопока улыбнулся с уверенностью, что этот бой скоро завершится. Он задавался вопросом, удовлетворит ли богов вкус крови теотлей так же, как кровь обычных людей. Стоило взять хотя бы одного живьем, чтобы отвести к жрецам для жертвоприношения на алтаре.

Люди вокруг него выглядели менее уверенными, но он подбодрил их своим боевым кличем, на который откликнулся каждый из них. Долина содрогнулась от их голосов, от гула раковин–горнов. Казалось, даже теотли вздрогнули от такой мощи.

– Камаштли с нами! – прокричал Чимальпопока своим людям. – Знаки пророчат нам победу!

Его воины ответили одобрительными криками. Когда враг приблизился к отметке, за которой начинались земли Хикотенкатля, Чимальпопока дал сигнал к атаке, как сделали и другие военачальники. Они двинулись на теотлей, окружая их со всех сторон.

Люди Чимальпопоки выпустили залп копий и стрел, устремившихся вниз, как ливень, но большинство из них просто отскочило от щитов и брони теотлей. Некоторые из врагов, тем не менее, получили ранения. Чимальпопока усмехнулся, вместе со своими людьми устремляясь вперед через поле, с высоко вскинутым оружием, но незадолго до того, как они достигли первой линии противника, пушки загрохотали, плюясь огнём, как тысячи раскатов грома.

Воинов выкосило ровным строем с двух сторон от Чимальпопоки. Кровь брызнула из страшных, зияющих рваных ран в их телах. Однако он продолжал бежать, не сбавляя хода, ведя своих воинов через ещё один взрыв огня, а затем и через залп этих маленьких, коварных стрел, пробивавших даже самую толстую шкуру брони. Тогда теотли вывели своих монстров в бой, давя людей, втапывая их в землю. Мечи иноземцев сверкали, с легкостью испарывая воинов и отсекая их головы.

Первый отряд тлашкальтеков, который смог подобраться к отряду пехоты, ударил в правый фланг, но только обломал копья и обсидиановые зубцы своих мечей о сталь щитов иноземцев.

Когда Чимальпопока наконец достиг передовой линии, он свирепо зарычал и обрушил свой меч на теотля с такой силой, что тот зашатался. Однако сразу после этого ему пришлось уклоняться от выпадов меча одного из этих демонов. То же самое происходило по всей линии боя. Иноземцы держали плотный строй, выдерживая атаки. Они не пытались

преследовать никого из врагов, тем самым удерживая построение. Люди Чимальпопоки могли только кидаться на них и отступать, выматывая захватчиков, но не нанося реального урона. У них даже не было возможности разбить их ряды, хотя сами воины Камаштли несли серьезные потери.

Чимальпопока уже чувствовал запах крови, пропитывающей, кормящей землю. Если сегодня суждено ему было погибнуть – это будет хорошая смерть. Он прыгнул вперед, ударом целясь в голову самого высокого теотля. Шлем демона принял на себя большую часть удара, но шея изогнулась под неестественным углом, и воин завалился назад. Его место тут же занял другой, закованный в броню из множества мелких стальных колец. Чимальпопока встретился взглядом с новым врагом перед тем, как парировать удар, и то, что он увидел в его глазах, разожгло в груди пламя ярости.

Теперь, когда он увидел всё воочию, истории оказались правдой. Эти люди, если они вообще были людьми, имели бледную кожу, а на их лицах росли светлые волосы. Однако Чимальпопока видел страх в их глазах. Обычный страх перед смертью, присущий каждому воину. Эти теотли были смертными, если не вообще простыми людьми.

В этот момент один из наездников на монстрах вырвался вперед. Закованное в латы животное лягалось и брыкалось, калеча и топча, тогда как меч воина рубил и кромсал противников. Чимальпопока сосредоточился на нём, призывая всю свою ярость на этих ложных богах. Откинув в сторону щит, он проложил себе путь через своих же людей, приближаясь к наезднику. Он держал макуауитль обеими руками высоко над головой. Зайдя стремительно сбоку, он, оказавшись на расстоянии удара, в прыжке подскочил к противнику, рубя монстра по шее. Чудовище не успело даже издать крика, перед тем как повалилось в траву. Чимальпопока знал, что сломал ему шею, потому что ощутил, как ломаются кости под обсидиановым мечом.

Всадник свалился на землю, но быстро вскочил, шатаясь из-за травмы придавленной ноги. Даже мечом он орудовал тяжело, замедленно. Чимальпопока хотел спровоцировать его на бой, но едва он попытался это сделать, как еще несколько теотлей кинулись на защиту товарища. Вчетвером они представляли собой несокрушимую силу.

– Им не чужда преданность! – прокричал Чимальпопока. – По крайней мере, этого не отнять!

Каким-то образом эти четыре сотни держались против десяти тысяч. Чимальпопока оценил положение дел на поле боя и понял, что число воинов тлашкальтек оказалось главным козырем врагов. Такое огромное

количество людей просто не могло маневрировать в замкнутом пространстве. Кроме того, у теотлей была совсем другая стратегия. Они не особо интересовались захватом пленных, тогда как ацтеки старались лишь защищать себя или убить, искалечить как можно больше врагов.

Однако Чимальпопоке не было предначертано погибнуть в бою. Он глянул на свой макуауитль – тот всё ещё был острым после убийства чудовища, хоть и с новыми царапинами. Несколько других воинов уже разделявали тушу зверя, чтобы утащить потом в деревню.

Он вновь попытался перейти в атаку, и удар его меча выбил теотля из равновесия... равно как и последние обсидиановые зубцы из макуауитля. На этот раз Чимальпопока не отступил, но бросился дальше, чтобы пробить строй врага. У него получилось проложить себе путь меж двух стальных щитов, достаточно близко, чтобы почуять мерзкий запах, исходящий от немытых демонов. Чимальпопока вновь замахнулся макуауитлем, на этот раз целясь во внутренний ряд.

Однако они быстро обнаружили врага. Он почувствовал множество рук, хватающих его, несмотря на сопротивление. Он брыкался и изворачивался, но они повалили его на землю и скрутили, а после оттащили вглубь строя, подальше от поля боя. Там он остался лежать на земле, связанный, вынужденный бессильно смотреть на стальные наколенники иноземцев, которые защищали их ноги от ударов. Он слышал, как кричали воины тлашкальтеков, тогда как сам он не мог сделать ничего. Осознание этого заставило всхлипнуть, утыкаясь лицом в траву. Не от страха. Но от бессилия.

Это и была его судьба. Смерть приближалась. Только какому темному богу эти теотли жертвуют его жизнь? И как именно?

Бой шел ещё долго, пока вся земля в долине не напилась кровью. Только после Чимальпопока услышал, как его воины затрубили отступление. Это могло означать лишь, что текут потери. Враги быстро схватили Чимальпопоку, заставляя встать на ноги. Иноземцы отступали обратно в лес, хотя их похожие на оленей монстры со всадниками продолжали преследовать отступающих тлашкальтеков. Пехота промаршировала вместе с Чимальпопокой несколько сот перчев через лес к своему лагерю. Как оказалось, они обосновались в покинутой жителями местной деревне. Теотли заняли храм, что, возможно, и объясняло их победу, а также являлось очевидным местом, где Чимальпопока расстанется с жизнью на жертвеннике. Их бог был с ними, но какой именно бог?

Один из бледных людей грубо ухватил Чимальпопоку за плечо, и, хотя сам Чимальпопока не знал этого человека, Хавьер узнал в нем предка Оуэна, конкистадора, которого он видел в Коридоре Памяти. Сознание мальчика вновь начало доминировать. Он открыл рот, чтобы заговорить, но в этот же момент симуляция начала искажаться, мигать, а деревья вверху пошли пикселями. Он вспомнил, как Монро предупредил, что им нельзя разговаривать друг с другом так, как они есть в реальной жизни. Оуэн покачал головой, ничего не сказав, и Хавьер абстрагировался от своих мыслей, чтобы те не мешали памяти раскрываться. Синхронизация медленно восстановилась, хотя самоосознания у Хавьера теперь было чуть больше. Он хотел помнить о присутствии здесь Оуэна, но рисковать десинхронизацией, если заговорит с ним, не собирался.

Теотль Оуэна протащил Чимальпопоку через всю деревню к одному из домов, и втолкнул внутрь. Предок Хавьер больно ударился о твердый пол, с такой силой, что перехватило дыхание. Он несколько секунд ловил губами воздух вперемешку с мусором, в то время как теотль ушел в неизвестном направлении.

– Не пытайся с ними драться, – сказал из тени другой воин тлашкальтека, тоже оказавшийся в плену. – Они не хотят причинить нам вреда. Им нужен мир.

– Интересное у них понятие мира, – съязвил Чимальпопока и перекатился на спину, чтобы взглянуть на говорящего с ним мужчину. Тот был молод, возможно, ещё даже не схватил свою первую жертву богам. Что он мог понимать. Его и не связали, просто усадили на землю с привязанными к лодыжкам запястьями.

– Мы первыми на них напали, – заметил мальчик.

– А ты думаешь, они бы были к нам дружелюбны? – спросил Чимальпопока.

– Не обязательно же доводить до боя...

– Как по мне, так это единственно возможный путь, – возразил Чимальпопока. – Так говорят знаки.

ГЛАВА 4

Поначалу Оуэн не узнал Хавьера, но он был более чем уверен, что они оба знали, кто и где каждый из них был, но они не могли быть сами собой в Анимусе. Они играли свои роли в общем воспоминании их предков врагов, что доставляло эмоциональный дискомфорт, который был достаточно близок к тому, что происходило между ними в реальности, воспоминания о которой Оуэн старался подавить, чтобы вернуться в разум Альфонсо.

Этот разум не был приятным местом. Альфонсо совершал отвратительные и просто противные вещи на Кубе и здесь, в Майя, в Поточане, пятью месяцами ранее. Хотя Оуэн и не переживал эти воспоминания напрямую и даже не хотел о них думать, осознание их окрашивало сражение, в котором участвовал Альфонсо и победил.

Победа всё ещё удивляла его. Вид такого количества воинов на равнине давил на него, но капитан сплотил его и остальных, и привёл их к победе с криком «За Испанию и Святого Джеймса».

Вот как это происходило с Кортесом.

Их лидер преодолел предательство губернаторов и мятежи смертоносных конкурентов, и, хотя условия экспедиции становились более тяжелыми, люди по-прежнему верили в Кортеса. Даже когда он затопил их

корабли в Веракрузе, убрав всякую возможность сбежать, оставляя их здесь, на беспокойной чужой земле, Альфонсо со всей верой салютовал ему, и будет делать так до самых адских врат. К которым они и шли.

Теночтитлан.

Трон императора ацтеков и его казна. Кровь Альфонсо бурлила, когда он вспоминал, что у него есть право на часть этого золота. Но чтобы достичь этого сказочного города, они должны были сначала разобраться с аборигенами, и только Кортес верил в необходимость сделать их союзниками. Это была стратегия, которую Альфонсо не понимал и даже не мог понять.

Он уже видел их языческие обряды издали, резню, которую они устраивали перед своими идолами. Этим кровожадным индейцам нельзя доверять, но Альфонсо всё ещё доверял Кортесу.

– Ты привёл в дом нового пленника? – спросил другой солдат с поста неподалёку.

– Да, я, – ответил Альфонсо.

– Он ранен?

– Несильно.

– Хорошо. Капитан будет доволен. Принеси ему еды.

Альфонсо кивнул и нехотя направился к одному из костров. Там он нашёл немного жирного мяса безволосых собак, которых индейцы откармливали и ели, и принёс это пленникам.

Молодой, схваченный ранее, принял еду с благодарностью, но другой, только что захваченный, отказался. Это не будет продолжаться долго. Кортес перетянет его на свою сторону.

Альфонсо занял сторожевую позицию снаружи примитивного жилища и стал ждать. Ему повезло пережить стычку невредимым, поэтому он был назначен в караул. Не то чтобы этих индейцев нужно было охранять. По крайней мере не первого. Второй, убивший кобылу Хуана Седенью, за ним стоило приглядывать. Он был явно кем-то из местных вождей, и не был ни ленивым, ни трусливым, как многие из их народа. Альфонсо почти восхищался им.

Остаток дня прошёл без нападений аборигенов, проводя ритуалы погребения. Кортес приказал проводить службы в секрете, под полами внутри домов, чтобы ни один индеец не увидел, что теотли, то, как они их называли, были смертны.

Ближе к вечеру грациозная Мария посетила пленников вместе со священником, Джеронимо де Агиларом. Она была самой красивой

индейской женщиной, которую Альфонсо когда-либо видел; она была рабыней, подаренной Кортесу, которая с того момента стала его сторонницей. Священник был потерпевшим кораблекрушение Францисканцем, который стал полу-дикарём, прожив восемь лет среди майя. Вместе, они могли переводить слова капитана на язык этого региона.

Альфонсо выпрямился во весь рост, как только эти две фигуры показались, кровь прильнула к его щекам, когда темнокожая женщина прошла рядом с ним через дверь, но этот огонь моментально погас, под осуждающим взглядом священника, и с опущенным взором Альфонсо проследовал за ними внутрь. Они подошли к новому пленнику, и Агилар сел на колени рядом с ним. Священник говорил Марине на языке майя, и, затем, она передавала это пленнику на ацтекском языке, но Альфонсо не мог понять ни одного из них, так как они не говорили на испанском. Он всегда чувствовал беспокойство, будучи свидетелем этой модели перевода, и не мог отделаться от мыслей и страхов, что эти церковники что-то замышляют.

После нескольких слов, переданных по цепочке языков между ними, Агилар подошёл ослабить путы, сдерживающие пленника.

Альфонсо шагнул вперёд.

– Что ты делаешь? – спросил он.

– Это приказ Кортеса, – ответил священник.

– Но если он...

– Приказ Кортеса, – повторил священник, и это остановило Альфонсо, хотя он по-прежнему держал руку на рукояти своего меча.

Индеец потер свои запястья, где путы врезались в кожу, и на которых всё ещё оставалась лошадиная кровь, которая высохла и теперь спадала кусками, как корка. Он сказал что-то Марине, сказал зло и воинственно, она передала это Агилару, и после они повторили эту цепочку несколько раз.

Марина протянула стеклянные бусы и предложила их пленнику, маскируя взятку как подарок. Он отказался от них с явным отвращением.

– Что он сказал? – спросил Альфонсо у священника.

– Он не будет нам помогать, – сказал Агилар, поднявшись на ноги. – Он предпочитает, чтобы мы принесли его в жертву нашему богу.

– Что?! – воскликнул Альфонсо, и под его ужасом Оуэн почувствовал страх за Хавьера. Но если он начнёт действовать сам, симуляция разрушится. – Я... я не понимаю этих дикарей.

– Если они не будут давать кровь их богам, – объяснил Агилар, – они верят в то, что солнце больше встанет с рассветом. Мир кончится. Практика

жертвоприношений для них не проявление жестокости, а необходимый акт возрождения.

– Вы говорите так, как будто являетесь одним из них, – произнёс Альфонсо, на грани оскорбления.

Но Агилар понял это по-своему.

– Я просто понимаю их.

– Тогда вы, должно быть, были неплохим дикарём, – процедил Альфонсо, и в этот момент сознание Оуэна отшатнулось от этих слов.

– Но вы, несомненно, осознаёте понятие чести, – пояснил Агилар. – Он верит, что это его судьба – умереть пленником. Он не убежит от этого. Если он станет нашим посланником, как хочет этого Кортес, он верит, что это сделает его предателем.

Во время их разговора, Марина сохраняла молчание, но была внимательна, как и пленник. Оуэн хотел бы каким-нибудь способ поговорить с Хавьером внутри симуляции, но, похоже, этого не было, по крайней мере, не в этой модели модифицированного Анимуса. Это было трудно, предоставить своё тело и разум этому конкистадору, его собственному предку–расисту. Было трудно признать, что это были и его воспоминания, воспоминания внутри ДНК этого человека, переплетённые с его собственными.

Марина что-то сказала Агилару, и священник кивнул, ответив ей. Затем они вместе направились к двери дома.

– Куда вы? – спросил Альфонсо.

– За капитаном, – ответил Агилар.

– Но он не связан, – сказал Альфонсо, указав на второго пленника.

– Тогда прошу вас присмотреть за ним, – предложил Агилар, и они ушли.

Альфонсо занял позицию перед дверью, его тень падала внутрь, громадно раздутая. Первый пленник, более послушный, повернул голову ко второму и заговорил с ним резким тоном. Затем он перешёл в угол комнаты, где был его матрас, и лёг на него, повернувшись к остальным спиной. Второй индеец не ответил, но продолжал тяжело смотреть на Альфонсо, со сжатой, чуть ли не дрожащей челюстью, заставляя Альфонсо не убирать руку с меча.

Спустя минуту храм донёсся от первого пленника, и Альфонсо вновь отметил, насколько ленивы и беспечны эти индейцы, в то время как Оуэн хотел, чтобы он заткнулся. Но не было способа заткнуть воспоминание. Нужно было перетерпеть это, как и неспособность поговорить с Хавьером, в то время как напряжение в лачуге росло.

В конце концов, снаружи донеслись голоса. Оуэн гадал, что испанцы собирались сделать с Хавьером, если его предок отказывается сотрудничать. Если с ним случится что – то плохое, Оуэн не знал, как долго он сможет выдержать, просто сидя на месте и наблюдая. Но теперь он изо всех сил старался держать свой разум подальше от сознания своего предка. Хавьер казалось, делал то же самое, поддерживая их нынешние роли стражника и заключенного.

Кортес вошёл в дом, всё ещё одетый в доспехи, солнечный свет, падающий на его спину, танцевал у него на плечах и слепил отблесками, заставляя Альфонсо щуриться. Марина и Агилар проследовали за капитаном в комнату.

Альфонсо опустил голову.

– Сэр, будьте осторожны. Пленник не связан.

– Я знаю, – произнёс он. – Я не обеспокоен этим.

При виде капитана и звуков его голоса, Альфонсо понял, что он больше не обеспокоен этим тоже.

– Ты накормил этого человека? – спросил Кортес.

– Да, сэр.

– Я доволен, – Кортес повернулся к Агилару. – Вы заверили его в наших мирных намерениях?

– Да, – кивнул Агилар.

Оуэн думал о том, как это возможно, учитывая битву, которая только что отгремела, но у Альфонсо не было таких противоречий.

– Повторите это, – приказал Кортес. – В моём присутствии.

Агилар заговорил с Мариной, а она передала это пленнику. Как только сообщение дошло до адресата, его поза расслабилась, а голос при ответе стал более спокойным.

– Человек спрашивает, когда он будет принесен в жертву, – перевел Агилар.

– Скажи ему, что мы пощадим его, – сказал Кортес. – И преподнесём ему дары.

Снова вместе с цепочкой перевода капитан предложил индейцу стеклянные бусы в качестве подарка. В этот раз он их принял.

– Он сказал, что не хочет прятаться от своей судьбы, – произнёс Агилар. – Он верит, что умрёт пленником войны. В качестве жертвы нашему Богу.

– Скажи ему, что у меня на него другие планы, – сказал Кортес. – Я хочу, чтобы он доставил сообщение своему королю. При этом, он может стать важную роль в установлении мира между нами. Если он поверит в меня, я помогу освободить его страну от тирании Моктезумы и Ацтеков.

После перевода, заключенный взглянул на капитана прищуренными глазами. Альфонсо вглядывался и старался не пропустить то выражение, тот момент, когда индеец уверует в Кортеса, как и все остальные.

Воцарилось молчание. Капитан смотрел вниз на пленника, возвышаясь над индейцем со своей уверенностью и силой. Он стоял, здесь, в своей блистающей броне, держась за особый кинжал, который всегда носил с собой; подарок Карла V⁶, который достался тому от Альфонсо V⁷, короля Арагона, подаренный тому Папой Калликстом III⁸.

И этот момент настал.

Глаза пленника расширились, и он кивнул. Он заговорил с Мариной благоговейным тоном, с которым она перевела эти слова Агилару, и с которым Агилар перевёл это Кортесу.

– Он будет вашим посланником, – произнёс Агилар.

– Я доволен, – сказал Кортес, выпустив кинжал из своих рук.

– *Что произошло?* – в уши ворвался голос Монро, раздражающе взбудоражив Оуэна, захваченного воспоминаниями Альфонсо. – *Что это?* – снова переспросил Монро.

Оуэн не был уверен, что Монро имеет ввиду, но прежде чем он смог ответить, Монро снова раздражающе ворвался в его голову.

– *Мы должны прервать всё, прямо сейчас. Может быть немного неприятно. Держитесь.*

Хижина взорвалась. Смоделированный мир взорвался множеством вспышек света, измельчая фигуры Кортеса, Марины и Джеронимо де Агилара. Боль пронзила голову Оуэна, и он с трудом подавил желание закричать, плотно сжав глаза, пока всё не прошло.

Оуэн открыл глаза. Они вернулись в Коридор Памяти, всё ещё пребывая в телах своих предков.

– Какого чёрта? – сказал Хавьер. – Почему он выдернул нас?

⁶ Карл V (24 февраля 1500 – 21 сентября 1558) – король Испании под именем Карлос I с 23 января 1516 года, король Германии с 28 июня 1519 года и император Священной Римской империи с 1519 года. Является последним императором, официально коронованным папой римским, а также последний император, отпраздновавший в Риме триумф.

⁷ Альфонсо V Великодушный (1396 – 1458) – король Арагона и Сицилии с 1416 года, король Неаполя под именем Альфонсо I с 1435 года. Считается основателем Барселонского университета.

⁸ Калликст III (31 декабря 1378 – 6 августа 1458) – папа римский (8 апреля 1455 – 6 августа 1458). Настоящее имя варьируется в зависимости от языка: с испанского – Альфонсо ди Борха. с итальянского – Альфонсо ди Борджиа. Его папство запомнилось реабилитацией Жанны д'Арк, поддержкой Венгерского королевства и основанием университета Грайфсвальд. Его сын Родриго Борджиа (тот самый Борджиа, да) впоследствии стал папой римским в 1492 году и получил имя Александра VI.

– Это... сложно, – протянул Монро. – *Симуляция стала нестабильной. Лучшим вариантом было вытащить вас, прежде чем это произойдёт.*

– Лучше, чем то, что должно было произойти? – спросил Оуэн. – Такое чувство, что мой мозг поджарили.

– *Извиняюсь за это,* – ответил Монро. – *Просто посидите тихо, мне надо проверить пару вещей...*

– Проверить что? – спросил Оуэн.

Но Монро не ответил ему.

– Ты можешь поверить в то что произошло? Эта битва, – выдохнул Хавьер, обратившись к Оуэну. – Это разве не дико?

– Ага, – ответил Оуэн. – Кроме того, что мой предок был монстром.

– Он не так плох, – сказал Хавьер. – Для конкистадора, я имею ввиду.

– Ты не знаешь, что он сделал, – пояснил Оуэн, чувствуя полированный эфес своего меча. – Я даже не хочу думать об этом, так что даже не спрашивай меня.

– Не буду. Я думаю, что догадался, в любом случае, – понял его Хавьер и посмотрел на свои руки. – Чимальпопока творил тоже безумные вещи.

– Чимальпо–что?

– Чимальпопока. Это моё имя... То есть, его имя. Это начинает сбивать с толку, правда?

– Нет, я точно не такой, как этот парень.

– Это всё равно довольно дико, да?

Оуэн пожал плечами внутри Альфонсо.

– Думаю, да...

– Окей, – сказал Монро. – *Я готов вытащить вас из Коридора. Вы готовы?*

– Более чем, – сказал Оуэн.

– *Так, симуляция закончится через три, два, один...*

Коридор стал распадаться на куски, но более плавно, чем симуляция минуту назад. Оуэн снова закрыл глаза, и, открыв их вновь, он осознал, что лежит на полу автобуса и пялится в потухший экран визора. Он снял шлем и увидел Монро над собой, быстро отцепляющего Хавьера от кресла.

– Как так получилось, что симуляция стала нестабильной? – спросил Хавьер.

– Анимус не разрабатывался для того, чтобы делить симуляцию между двумя людьми, – объяснил Монро. Он закончил с Хавьером и нагнулся к Оуэну, отстегивая его и помогая ему подняться на ноги, его движения были грубыми и поспешными.

– Мои модификации могут перегружать Анимус. Когда это происходит, он вырубается.

– И ты, зная об этом, всё равно послал нас туда? – спросил Оуэн.

– Ну, да, послал, – протянул Монро. Затем он настойчиво провёл их через весь автобус и все мониторы к выходу. – Извините за это. Я думал, что Анимус выдержит.

– Очень странно, – нахмурился Хавьер.

– Эй, по крайней мере, вы получили опыт нахождения в Анимусе, – сказал Монро и открыл дверь. – Но сейчас вам пора уходить.

– погоди, – остановил его Оуэн. Монро определённо пытался избавиться от них и вёл себя странно. Дети в школе доверяли ему, потому что он был крут, бунтарём в какой-то степени, и, как айтишник, в школе он закрывал глаза на то, что они делали на компьютерах и в Интернете. Он всегда выглядел непринуждённо. Теперь же он словно чего до смерти испугался. – Серьёзно, что произошло?

– Ничего, – покачал головой Монро и подтолкнул их к лестнице. – Просто Адреналин Раш, я немного нервничаю из-за того, что произошло.

Хавьер вышел из автобуса первым и повернулся к Монро:

– погоди, то есть мы были в опасности?

Оуэн тоже вышел из автобуса и тоже повернулся к Монро.

Тот вытер лоб.

– Возможно. Но я думаю, что вытащил вас вовремя.

– Ты *думаешь*? – спросил Оуэн.

– Да, – сказал Монро. – Я вытащил вас вовремя.

Теперь и Оуэн почувствовал, что начинает волноваться, правда, не особо сильно, гадая, могла ли машина как-то навредить его мозгу.

– Просто идите домой, – сказал Монро. – Быстро. Вы будете в порядке. И закрыл дверь автобуса.

Оуэн и Хавьер стояли на улице. Оба молчали. Они просто посмотрели друг на друга, а потом снова на автобус.

Двигатель завёлся, огни вспыхнули, белый свет фар и красный стоп сигналов, и внезапно резкий выброс выхлопа. Раздался скрежет коробки передач, и автобус двинулся.

Оуэн и Хавьер смотрели, как Монро выехал с припаркованного места и, врубив переднюю передачу, медленно двинулся прочь, оставив их в одиночестве в промзоне.

– Что за херня только что произошла? – спросил Хавьер. – Куда он поехал?

– Я не знаю, – сказал Оуэн.

– Чего он так испугался?

– Прежде чем он вырубил симуляцию, он спросил о чём-то.

Хавьер пожал плечами.

– Это было просто странно, чувак.

– Монро? Или Анимус?

– Оба. Всё это. Анимус. Я имею ввиду, это же безумие, так?

– Так, – сказал Оуэн. – Безумие.

Хавьер засунул руки в карманы.

– Что ж. Пожалуй, я пойду домой.

– Ага, – сказал Оуэн, думая о том, изменит ли это что-нибудь между ними на следующий день в школе. – Я тоже.

Они разошлись. Оуэн поехал на том же автобусе, но идти до дома пришлось гораздо раньше, так как последний автобус не ехал до конечной. К тому времени, как он достиг дома бабушки и дедушки, на тёмном небе с краю уже пробивался свет, и можно было сказать, что ночь кончилась. Но это был ещё не конец.

Слишком рано для кого угодно, чтобы проснуться.

И тем не менее, в доме горел свет.

ГЛАВА 5

Его бабушка, дедушка и мама не спали, сидя вокруг кухонного стола. Бабушка была одета в её пушистый нежно-розовый банный халат, её волосы были стянуты на затылке. Его дед сидел в майке, которая ощутимо пропиталась потом, а его мать была полностью одета. Как только Оуэн вошёл, они обернулись, и мать вскочила с места, и её руки обхватили его шею.

– Слава Богу, – воскликнула она, – Я думала, ты... – она не завершила мысль.

– Думала что? – спросил Оуэн

– Где ты был? – спросил его дед более грубым голосом, чем раньше в мастерской.

– Выходил.

– Зачем?

– Просто гулял.

Его дед вздохнул, уперся локтями на стол, и потёр глаза.

– Просто гулял, – повторил за ним дед.

– Да, – кивнул Оуэн. – Просто гулял.

– Что ж, теперь ты дома, – выдохнула мама.

Оуэн попытался улыбнуться

– Простите, что заставил вас волноваться.

Она обняла его ещё раз и выпустила его из своих объятий.

– Я думаю, что нам надо бы вернуться в кровати и попробовать немного поспать. У тебя школа, а у меня ранняя смена.

– Было бы неплохо, – воскликнул Оуэн, обрадованный и удивлённый, что мать решила закрыть глаза на случившееся.

Но его дедушка откинулся на спинку стула и развёл руки, подобно крыльям.

– Это всё? И это всё что ты хочешь сказать насчёт этого?

– Отец, пожалуйста... – начала мама Оуэна.

– Нет, – покачал он головой, – Нет, это важно. Ты не знаешь, что он...

– Я знаю, что пришёл домой, и что он в порядке, – перебила она его. – Вот это важно.

– Важно не только это, – дед Оуэна посмотрел ему в глаза. – Важно то, что он делал на улице в это время. Ты не должна закрывать на это глаза. Ты не должны...

– Это *мой* сын, – снова перебила она его. – Я буду воспитывать его так как посчитаю нужным.

– Ты живёшь под этой крышей, – отрезал дедушка, – и, если ты забыла, он не первый ребёнок в этой семье, который сбегает по ночам. Я не хочу, чтобы прошлое повторилось.

Она замерла, и казалось, что она потеряла все доводы, которые могла бы привести в защиту Оуэна. И Оуэн понял, что он теперь сам по себе.

– Хорошо, дедушка, – сдался он. – Я ходил грабить банк.

Дед уронил руки на стол. Бабушка широко раскрыла глаза, а мама вздохнула.

– Да, – продолжил Оуэн. – У меня было такое непреодолимое желание, понимаете? Как будто вам захотелось гамбургер или что-то подобное. Мне просто нужно было ограбить банк, это словно инстинкт. Но не беспокойтесь, я отдал деньги в детский приют по пути домой. Как Робин Гуд.

– Оуэн, пожалуйста, – произнесла мама. – Ты не помогаешь.

– Как и ты, – огрызнулся он.

– Не разговаривай так со своей матерью! – его дед ткнул пальцем в него. – Прояви уважение.

– *Уважение?* – переспросил Оуэн. – Я даже не знал, что это слово для вас что-то значит.

– *Значит*, – ответил его дед, встав и оперевшись костяшками пальцев в стол. – Или, по крайней мере, я попытался тебя научить этому.

– Как? – спросил Оуэн – Поливая грязью моего отца всё время?

Его бабушка подала голос.

– Мы только говорим правду...

– Это неправда! – выкрикнул Оуэн.

– Нет, это так, – понизив голос до шепота, произнесла она. – У твоего отца была зависимость от азартных игр, и ни один из нас не знал об этом. Он собрал банду из его старых друзей, и вместе они ограбили банк. Он застрелил невиновного охранника, у которого была жена и двое детей, ждущих его дома. Твоему отцу повезло, что ему не приговорили к смертной казни...

– Но он её не избежал, – закончил за неё Оуэн.

Она сжала губы.

– Мы не ожидаем, что ты разлюбишь своего отца. Но мы ожидаем, что ты будешь честен с самим собой, относительно него.

Но Оуэн *был* честен. И именно поэтому он не верил ничему из того, что они ему сказали. Ну не может быть так, что его отец совершил эти преступления. Поверить в то, что это сделал он, было бы удобной ложью.

Тяжёлая правда состояла в том, что отца подставили его старые друзья.

– Говоря о честности, – произнёс его дед. – Я всё ещё хочу знать, где ты был. Не строй из себя умную селедку. Просто скажи мне. Потому что в такой поздний час мне не нравится ни одно моё предположение, которое приходит мне на ум.

Оуэн решил, что единственным вариантом будет сказать часть правды.

– Я встречался с Хавьером.

– С этим бандитом? – спросил дед. – Зачем?

– Он не бандит, – ответил Оуэн, демонстрируя своё разочарование. – Я... я просто хотел поговорить с ним кое о чём.

– О чём? – спросил дед.

– О том, что связано с моим отцом. – произнёс Оуэн. – И об этом я, честно говоря, не могу сказать никому из вас.

На пару секунд воцарилось молчание, потому что после того, что они сказали, продолжать спор не было смысла.

– Спасибо, что сказал нам, – сказала его мама.

Оуэн пожал плечами.

– Как будто у меня был выбор.

– В следующий раз просто поставь нас в известность, когда ты соберешься гулять, – попросил дедушка. – Я уважаю твоё право на то, что тебе необходимо поговорить с кем-то твоего возраста. Я уважаю твою частную жизнь. Но нам нужно знать, что ты в безопасности.

– Хорошо, – сказал Оуэн

После этого он направился в свою комнату, где он должен был уснуть, но это ему не удалось.

Хавьер ждал его перед школой, когда Оуэн пришёл утром. Оуэн был немного удивлён, но был рад видеть, что опыт в симуляции Анимуса, возможно, восстановил некую часть их дружбы.

– Всё было в порядке, когда ты пришёл домой? – спросил Хавьер.

– Они поймали меня у входа, – сказал Оуэн. – Я более чем уверен, что моя мама думала, что я сбежал из дома. Но всё в порядке.

– Они поймали тебя? – присвистнул Хавьер. – Друг, если бы моя мама поймала меня, то я более чем уверен, что меня бы здесь не было, могу уверить тебя. Она боится, что я вступлю в банду, как мой брат.

Они повернулись и вместе направились к школьному входу.

– Как твой брат? – спросил Оуэн

– Вышел из тюрьмы. Старается держаться подальше от проблем.

– А твой отец?

Раньше, когда Оуэн и Хавьер были близки, Хавьер говорил о том, что, как бы он ни старался, его отец никогда не был доволен им.

Опустив взгляд, он ответил:

– Всё также. Как твой дедушка?

– Всё также.

Они дошли до школьных дверей и прошли через них в главный зал, где студенты сидели и завтракали, или просто собирались вместе, болтая между собой перед уроками. Под потолком висел большой баннер, украшенный гербом, с их школьным москотом – норвежцем, экипированным мультяшным рогатым шлемом, который, по словам Хавьера, викинги никогда не носили.

– Я хочу поговорить с Монро, – сказал Хавьер. – Ты пойдёшь?

– О прошлой ночи?

– Да, я хочу знать, почему он прервал симуляцию.

Они прошли через холл, и поднялись по лестнице на второй этаж. Оттуда они направились в компьютерную лабораторию, где был кабинет

Монро. Но когда они постучались в дверь, им ответил другой человек, лысеющий мужчина в очках, одетый в клетчатую рубашку на пуговицах и брюки цвета хаки.

– Где Монро? – спросил Оуэн.

– Без понятия, – ответил мужчина. – Оставил прошлой ночью заявление, что он увольняется.

– Он уволился? – спросил Хавьер.

Мужчина кивнул.

– Даже без двухнедельного уведомления, я заменяю его пока что.

Он обернулся через плечо, окинув взглядом офис.

– Пытаюсь понять, чем он занимался, если честно. Здесь есть что то, что вам нужно?

– Нет, – ответил Оуэн. – Нет, ничего.

– Тогда ладно, – сказал мужчина, повернувшись и направившись к столу Монро.

Хавьер поймал взгляд Оуэна и кивнул ему в сторону двери. Когда они вышли и отошли подальше, Хавьер произнёс:

– Это становится всё более странным.

– Я знаю.

– Как ты вышел на Монро в первый раз?

– На самом деле, случайно. Я просто слышал от ребят, что у него есть консоль Анимуса, и он позволял студентам пользоваться ей иногда. Но не из тех, кого я знаю. Поэтому я спросил его, могу ли я тоже воспользоваться ей, и он сказал мне, когда и где.

– Но сейчас он исчез. И у него есть образцы нашего ДНК и кучи других студентов.

– Что ты имеешь в виду?

– Я не знаю. Но я более чем уверен, что он что-то задумал.

Оуэн не имел ни малейшего понятия, что это могло бы быть, и не думал, что они когда-нибудь смогли бы понять. Звонок прозвенел прежде, чем они смогли продолжить разговор об этом.

Хавьер взглянул на проходящих мимо них студентов, направляющихся в свой класс, и вдруг, внезапно он превратился в нового Хавьера, в того, которого Оуэн не знал.

– Надеюсь, увидимся, – сказал он в конце концов.

– Увидимся, – сказал Оуэн, понимая, что, скорее всего, прежние дни не вернулись, как он надеялся.

Хавьер ушёл. Оуэн зашёл в свой класс.

Остаток дня он потратил, думая над тем, что случилось с Монро. Он работал в школе всего лишь год, а кто знает, чем он занимался до этого? Работал в Абстерго в какой-то момент. Но то, как он отключил их от симуляции, и этот резкий уход с работы позволял Оуэну согласиться с Хавьером, что что-то определённо произошло.

Атмосфера дома, с другой стороны, определённо улучшилась, когда он пришёл. Его бабушка выключила телевизор и предложила сделать ему сэндвич. Затем она села с ним на кухне и, пока он ел, говорила о её саде, спрашивала о прошедшем дне. Вскоре, после этого, его дедушке понадобилось съездить в магазин автозапчастей, и Оуэн съездил вместе с ним, купив молочный коктейль по пути назад. Было похоже, что и дедушка, и бабушка чувствуют вину себя неуютно перед ним и стараются что-то для него сделать.

— Мы собираемся навестить твою двоюродную бабушку Сьюзи завтра, — сказал его дедушка, как только они дошли до своего квартала. — Она после процедур, поэтому мы останемся на ночь с ней.

С громким бульканьем и всасываемым воздухом Оуэн вытягивал через соломинку остатки карамельного шейка.

— Окей.

— Ты будешь один, пока твоя мама не придёт с работы.

— Хорошо.

Он оставался один дома и раньше, много раз. Казалось, что они всё ещё обеспокоены его ночным отсутствием.

— Твоя мама будет работать в позднюю смену, — сказал его дед.

— Я буду в порядке.

— Тогда хорошо.

Тема отца Оуэна, как и его успеваемости, не поднималась этим вечером. Этим утром не было как конфронтации, так и извинений за что-либо. Когда его мама пришла домой, она сильно обняла Оуэна, не говоря ничего. Её глаза были полны отчаяния и грусти, и Оуэн знал, что на самом деле ничего не изменилось.

На следующий день, по пути в школу, Оуэн почувствовал, что кто-то следит за ним. Сначала он подумал, что это дед решил проверить его, но, обернувшись, он не увидел ничего, кроме обычных пешеходов и дорожного движения, и он знал, что его дед не стал бы так поступать. Но ощущение колючего взгляда не отпускало его, пока он не достиг школы.

Монро всё ещё не было. К лучшему, казалось. Оуэн должен был придумать какой-то другой способ для того, чтобы доказать невиновность своего отца, не используя генетическую память. Прежде чем он нашёл

Анимус, он писал во все организации правосудия, занимающимися несправедливо вынесенными приговорами, но они все отклонили его дело. Эти адвокаты тратили своё время и энергию на живых клиентов из тюрем, сказали они, и не занимались реабилитациями тех, кто уже умер там.

Отношения с Хавьером стали лучше, но ненамного. Когда Оуэн прошёл мимо него в холле после его второго урока, Хавьер кивнул ему и сказал «Привет», но он был со своими друзьями, и они не остановились поговорить. Хавьер поймал его после школы, когда Оуэн шёл домой.

– Эй, ты слышал что-нибудь насчёт Монро? – спросил он.

Оуэн покачал головой.

– Я не думаю, что он вернётся.

– Похоже, что он сбежал от кого-то.

– Мне кажется, кто-то следил за мной этим утром, – сказал Оуэн.

– Я почувствовал это вчера, – произнёс Хавьер. – Что происходит?

– Не знаю.

– Я думаю вернуться в промзону. Просто осмотреться там при свете дня. Ты пойдешь?

– Прямо сейчас?

Дедушка и бабушка не дома. Если он вернётся домой до того, как придёт мама, то всё будет в порядке.

– Окей, пошли.

Они сменили курс и направились к автобусной остановке. Оттуда они добрались до промзоны гораздо быстрее, нежели Оуэн несколько ночей ранее.

Место выглядело менее заброшенным при свете дня. Здесь и там стоял припаркованный транспорт, в основном разъездные грузовики, и некоторые из складов использовались, по крайней мере частично.

Они нашли место, где Монро припарковал свой автобус, где толстые шины примяли траву и оставили следы на земле. Они осмотрели местность, но не нашли ни одной подсказки.

Хавьер пнул несколько камней.

– Что мы здесь делаем?

– Я не знаю, – сказал Оуэн, – Это была твоя идея.

Хавьер немного прошёлся и пнул кучку камней снова.

– Я хочу вернуться туда.

– В Анимус? Зачем?

– Увидеть, что он сделал потом.

– Кто?

– Чимальпопока. Мой предок. Он просто прогнулся, друг. Кортес вошёл, и он просто преобразился.

– Выглядит так, будто все, кто имел дело с Кортесом...

– Нет, ты не понял. – Хавьер остановился и хлопнул ладонью по руке. – Я был... *Он* был полностью готов умереть. Он был воином, он был честен с собой. Но тогда он сдался без боя.

Оуэн мог сказать, что эти удары были проявлением волнения где-то внутри Хавьера, но теперь они не были настолько близки, чтобы понять, что это может быть.

– Почему ты беспокоишься об этом? Это было сотни лет назад.

– Ты думаешь, я не знаю об этом? Это *не ощущается* сотнями лет назад. Такое чувство, что всё это произошло две ночи назад. – Хавьер потряс головой. – Забудь об этом. Я иду домой.

– Хавьер...

– Увидимся потом.

И он ушел, прежде чем Оуэн смог что-то ему сказать.

Оуэн посмотрел, как он уходит, затем посмотрел по сторонам и стал шагать по направлению к дому его бабушки и дедушки. Его мамы пока что не было дома, поэтому он решил прогуляться большую часть пути, позволив его ногам и мыслям блуждать по улицам, пока он не поднял взгляд и не понял, что его путь, возможно, был не столь бесцельным, как он думал.

Банк, в ограблении которого обвинялся его отец, был расположен всего лишь в паре кварталов от него.

Оуэн свернул, чтобы взглянуть на него.

Он был здесь только однажды, и даже тогда они просто проехали мимо, его бабушка с дедушкой и его мама ехали в абсолютной тишине мимо, будто проходя мимо открытой могилы.

Тогда Оуэну здание показалось зловещим, и оно таким и оставалось. Оно выглядело гладким и современным. Полностью из тёмного стекла, острые углы, окна первого этажа офисного здания несли на себе тёмно-красный логотип MALTA BANKING CORPORATION⁹ и баннер с процентными ставками.

Оуэн прошёл в вестибюль с его серым мраморным полом, невыразительным ковром, запахом бумаги и лёгкими дуновениями

⁹ В одном из филиалов именно этого банка работала Шарлотта де ла Круз, главная героиня арки «Assassins» комиксов Assassin's Creed: <http://animezis.ru/1/assassinscreedtrialbyfire/001frankengeek/9.png?st=Hr9E6ubRaf9RpbyQQd4rmw&e=1482286941>. – примечание переводчиков.

кондиционированного воздуха. Кассиры молча работали за своими стойками, клиенты ожидали, стоя в очереди. Ни следа, напоминающего об ограблении или убийстве охранника, ни эха выстрела. Жизнь в этом банке продолжалась, для каждого находящегося здесь и для их денег.

Они пришли сюда ради пополнения или снятия денег со счёта, как будто здесь не происходило ничего такого, что пустило жизнь Оуэна под откос раз и навсегда.

Вестибюль внезапно показался маленьким и тесным, а холодный воздух стал затхлым на вкус. Оуэн повернулся и вышел наружу, где он сел на скамейку через улицу, лицом к банку.

Он сидел, изучая его, смотря, как люди входят и выходят из него, пока банк не закрылся и охранники не заперли двери. Было 5:17 вечера, время, когда, как было сказано, его отец вышел из комнаты отдыха банка, где он прятался. Затем 5:24, время первого выстрела, и затем 5:27, когда умер охранник от потери крови.

Оуэн всё ещё помнил каждый пункт временной хронологии преступления, на которой настаивало обвинение, так же, как и помнил каждый кадр зернистой чёрно белой картинки с камер видеонаблюдения, где был виден грабитель в маске.

Оуэн досиделся на скамейке до сумерек, повторяя в голове последовательность событий снова и снова, пытаясь найти какое-то несоответствие, что-то, что он упустил. Что то, что обвинение и адвокаты защиты упустили. Что-то, что могло бы дать присяжным обоснованное сомнение.

Но он так ничего и не нашёл. Снова.

Стало темно, только несколько пешеходов двигалось по улице, и Оуэн понял, что уже поздно.

Он потерял ощущение времени, завяз в своих собственных мыслях и понял, что ему пора домой. Он встал со скамейки, бросив последний взгляд на банк, и быстро зашагал к автобусной остановке, но опоздал на пару минут. Вместо того, чтобы дожидаться следующего автобуса, он решил срезать путь через переулок и попытаться сесть на другой маршрут, который всё ещё мог бы привезти его домой раньше его мамы.

Переулок был частично перегорожен грудami мусора, стеллажами старых деревянных паллетов и тюков с проволокой. На полпути к улице ощущение чужого взгляда вернулось, как будто кто-то следовал за ним к улице. Обернувшись, он увидел фигуру человека, бесшумно направляющуюся к нему.

ГЛАВА 6

Оуэн подумал о том, чтобы побежать.

Он подумал о том, чтобы окликнуть незнакомца с требованием назвать себя. И, наконец, он подумал о том, чтобы спрятаться где-нибудь в переулке.

Но каждый из этих вариантов выглядел чрезмерным. Может, кто-то попытается скосить путь через переулок, так же, как и он. Оуэн принял решение оставаться спокойным и продолжать идти, но ускорить шаг, чтобы увеличить расстояние между ним и идущим позади него человеком.

Прежде чем он ушёл очень далеко, шаги незнакомца ускорились позади него, становясь ближе, их эхо ползло вверх по шее и подбиралось к голове. Оуэн поддался инстинктам и сорвался на бег, не смотря назад. Шаги преследователя ускорились, он перешёл на бег, и теперь Оуэн знал, что он за ним.

– Оуэн! – закричал незнакомый голос. – Всё в порядке! Оуэн, остановись!

Оуэн не останавливался, пока не покинул переулок и не остановился у горящего светофора на уличном тротуаре. Там было несколько человек,

пиццерия и магазин продажи алкоголя, стоящие рядом, были всё ещё открыты. Оуэн, почувствовавший себя в относительной безопасности, развернулся и стал ждать своего преследователя, чтобы выяснить, кто это и откуда он знает его имя.

Несколько секунд спустя появился мужчина, одетый в серый костюм, покрытый пятнами и каплями пота из-за бега в тёмном переулке. Он выглядел молодым, имел короткие коричневые волосы и кругловатые черты лица. Когда он встретился глазами с Оуэном, он вздохнул и, кивнув, шагом приблизился к нему.

– Спасибо, что подождал, – выговорил он. – Я...

– Кто вы? – перебил его Оуэн. – Почему вы преследуете меня?

Мужчина оглянулся вокруг. Но на другом уровне. Выглядело так, что он высматривал что-то *над* улицей, крыши и пожарные лестницы.

– Как насчёт того, чтобы мы пошли куда-нибудь и поговорили с глазу на глаз?

– Я никуда не пойду с вами.

– Справедливо, – согласился он. – Тогда буду краток. Ты недавно встречался с человеком по имени Монро, не так ли?

– С кем? – переспросил Оуэн, думая о том, что происходящее может быть связано с исчезновением Монро.

– Он дал тебе доступ к Анимусу, верно?

– Что это ещё за Анимус? *Откуда, чёрт возьми, этот парень знает так много?! Кто вы вообще такой?*

– Монро владеет украденным оборудованием, – сказал мужчина. – Мы стараемся вернуть его. Твоё содействие будет оценено.

Этот парень работает на Абстерго? Это могло бы объяснить, как у Монро оказался Анимус, а также его исчезновение.

– Я бы хотел помочь, – произнёс Оуэн. Он доверял больше Монро, нежели чем этому парню. – Послушайте, я должен идти.

Он повернулся и бросил напоследок:

– Я опаздываю, моя мама ждёт меня...

– Я видел тебя в банке, – произнёс парень, сделав ударение на последнее слово.

Оуэн, будто наткнувшись на стену, медленно повернулся обратно.

– Мы могли бы помочь тебе с твоей проблемой, – сказал незнакомец, – если ты поможешь нам с нашей.

– Да ладно? И какая же у меня проблема?

– Ты считаешь, что твой отец невиновен.

Его слова потрясли Оуэна, выбили почву из-под ног, и он не нашёл, что ответить.

– Мы можем помочь тебе выяснить правду о том, что случилось той ночью.

– О чем вы?! – Оуэн повысил голос и шагнул к незнакомцу. – Что вы знаете о моем отце?

– Всё можно выяснить. Но ты должен пойти с...

Незнакомец судорожно выдохнул. Он поморщился и поднял руку, будто собирался смахнуть муху у себя с лица. Затем он задрожал, его глаза закатились и его тело рухнуло на землю. Маленький дротик торчал из его шеи.

Оуэн смотрел несколько секунд на него в ступоре, а затем его глаза расширились, и он взглянул вверх зданий, окружающих его, их неисчислимые темные окна и скрывающиеся в тених выступы. Дротик прилетел откуда-то оттуда, и Оуэн разрывался между решением наклониться и помочь мужчине или броситься в укрытие.

Но из-за угла раздался шум мотоцикла, его двигатель звучал необычно, будто большое насекомое. Гладкий и чёрный, он мчался прямо на Оуэна и с визгом шин остановился рядом с ним. Мотоциклист поднял забрало шлема, скрывавшее знакомое лицо.

– Монро? – опешил Оуэн.

– Запрыгивай, – выпалил тот. – Сейчас же.

Он бросил Оуэну второй шлем, который тот поймал в районе живота.

– Но...

– СЕЙЧАС ЖЕ!

Оуэн запрыгнул на мотоцикл позади Монро и надел шлем в тот момент, когда Монро повернул ручку газа. Мотоцикл покатиł вниз по улице, и Оуэн смотрел на проносящиеся здания. Визор шлема моргнул и высветил на внутреннем дисплее сетки, меняющиеся цели и данные, которые Оуэн не понимал.

Голос Монро раздался во встроенном в шлеме¹⁰ наушнике.

– Начать размытие.

– Начать что? – не понял Оуэн.

Накладывающиеся друг на друга изображения мотоцикла разветвлялись и уходили в разные стороны. Когда Оуэн посмотрел назад, он увидел, как изображения распределялись по дороге, как будто в замедленной съемке.

– **Размытие включено**, – теперь в ушах Оуэна зазвучал компьютеризированный женский голос.

¹⁰ Похожие шлемы появлялись раньше, в комиксе Assassin's Creed Brahman:

<https://pp.vk.me/c616029/v616029217/15a1d/2yYvqPJ3c90.jpg> – примечание переводчиков.

– Что это? – спросил Оуэн

– Голографические проекции, – объяснил Монро, заваливая мотоцикл в вираж, огибая угол здания. – Чтобы нас было труднее засечь.

Он снова прибавил газу.

– Сканируй фантомные сигналы, – приказал он.

– **Сканирую**, – ответил компьютер женским голосом.

– Фантомные сигналы? – снова не понял Оуэн.

– **Фантомный сигнал обнаружен.**

– Расшифруй и синхронизируй, – продиктовал Монро очередную команду.

Накладка на визоре Оуэна сдвинулась, и он увидел мелькнувшую на мгновение светящуюся фигуру, движущуюся на периферии его зрения. Он проследил за ней взглядом и в инфракрасном спектре увидел силуэт человека,двигающегося невероятно быстро по крышам. Фигура прыгала с крыши на крышу, взбираясь по отвесным стенам, преследуя их.

– Как...? – удивился Оуэн. – Кто это?

– Потом объясню. Просто смотри на него, пока я пытаюсь оторваться.

Он выворачивал руль, объезжая один угол за другим, пытаясь запутать следы, но фантомный сигнал преследовал их, срезая через крыши городских домов. В какой-то момент, фигура каким-то образом обогнала их и замерла. Оуэн представил, как фантом прицеливается в них тем же оружием с дротиком, которое он использовал против того парня из Абстерго.

– Осторожнее! – закричал он на Монро.

– Я вижу его, держись!

Монро так затормозил с визгом шин, что чуть не сбросил Оуэна с мотоцикла. Затем он развернулся и поехал в обратном направлении, проехав мимо знака съезда на автостраду. Оуэн указал туда.

– Мы сможем там от него оторваться?

– Стоит попробовать, – согласился Монро.

Он взял разгон и показал всё, на что мотоцикл был способен. На короткое время переднее колесо оторвалось от земли, но Оуэн, не обращая на это внимания, смотрел на светящийся в визоре силуэт, который чем дальше удалялся, тем меньше становился, пока окончательно не исчез.

– **Фантомный сигнал потерян**, – произнёс компьютерный голос.

– Нам повезло, – выдохнул Монро. – У него мог быть свой транспорт.

– Кто это был? – спросил Оуэн.

– Сказал же, объясню позже...

– Объясни сейчас! – вскричал Оуэн.

Монро вздохнул.

– Это был ассасин. Ты больше не в безопасности.

Оуэн чуть не рассмеялся тому факту, что он был целью нападавшего. Но затем вспомнил дротик, торчащий из шеи парня из Абстерго.

– Что насчёт Хавьера? – спросил Оуэн.

– Я уже забрал его. Мы едем туда же.

– Куда?

– Увидишь.

Оуэн решил не забивать этим голову сейчас и сосредоточился на дороге, по которому они ехали. Парой съездов спустя Монро выехал на окружное шоссе и, сделав крюк на границе города, съехал с шоссе в районе доков. Они проехали очистительный завод и въехали в складскую зону, похожую на промзону в другой стороне города, правда, более отремонтированную и более часто используемую. Но такую же пустынную ночью.

Монро выключил огни мотоцикла и подъехал к небольшому зданию, втиснувшись между двух более крупных строений, а затем использовал пульт дистанционного управления, открыв механическую раздвижную дверь. Он въехал в открывшуюся тёмную комнату и закрыл дверь за собой, оставив их в полной темноте.

Монро заглушил двигатель и слез с него.

– Подожди минутку.

Накладной дисплей на визоре шлема погас, и Оуэн ждал, пока Монро отходил от него. Секунду спустя, над головой зажегся свет холодных флуоресцентных ламп. Склад был просторным и пустым, за исключением старого автобуса, припаркованного рядом, в котором был Анимус.

Монро вернулся к байку и повесил на руль шлем. Оуэн наконец снял свой и слез с мотоцикла. Вблизи и при свете, мотоцикл выглядел так, будто он предназначен больше для полётов, нежели чем для езды по земле. Угловой и искривлённый, он выглядел так, что при его виде сразу можно предположить: это отличное средство для идеальной скрытности.

Оуэн катался на кроссовых мотоциклах с отцом по бездорожью, но этот мотоцикл был другим.

– Нууу, – протянул Оуэн, – всё это выглядит довольно высокотехнологично. – Он положил шлем на сиденье мотоцикла. – Я предполагаю, что Абстерго есть что сказать по поводу всего этого?

– Скорее всего. – Монро положил ключи в шлем и поставил его рядом со шлемом Оуэна. – Пойдём к остальным.

Монро говорил и двигался быстро, Оуэн никогда не видел его таким.

– Остальным?

Монро не ответил, направившись к узкой лестнице, ведущей к двери в стене склада на втором этаже. Оуэн последовал за ним, звякая металлом по гофрированным ступенькам лестницы.

Когда они достигли двери, Монро ввёл код на электронном замке, и дверь открылась.

– Сюда, – показал он. Они вошли в коридор, покрытый линолеумом с крапинами. Гипсокартонные стены были отштукатурены, но не покрашены. Монро провёл Оуэна через несколько дверей к ещё одной, заблокированной на электронный замок. Когда он ввёл код и открыл дверь, Оуэн почувствовал дуновение холодного, озонированного воздуха и услышал шум компьютеров и негромких разговоров.

– Мы на месте, – произнёс Монро, входя внутрь и жестом приглашая Оуэна присоединиться.

Войдя следом, Оуэн оказался в просторной комнате, с несколькими островками, освещенными светом и вкраплениями темноты между ними. Голоса, которые Оуэн слышал, доносились с нескольких диванов и кресел, окружающих большой кофейный столик из чёрного стекла. Группа детей схожего с Оуэном возраста сидела там, среди них был и Хавьер.

– Позвольте представить вам, – произнёс Монро, двинувшись к остальным.

Оуэн последовал за ним, и как только они вышли на свет, все замолчали.

– Ты сделал это, – сказал Хавьер, вздохнув с облегчением. – Ты в порядке?

– Ага, – ответил Оуэн. – Я в норме. Что здесь происходит?

– Спроси у него, – кивнул Хавьер на Монро, – это его идея.

Монро прочистил горло.

– Леди и джентльмены, это Оуэн. Оуэн, ты уже знаешь Хавьера. Это Грейс и её брат, Дэвид.

Он указал на девочку с тёмно-коричневой кожей и мягкой улыбкой, её выющиеся волосы были откинуты назад. Худой мальчик, сидящий рядом с ней, улыбался, глядя из-под очков в белой оправе. Они оба были одеты в приличную одежду, на них были брендовые джинсы, которые мама Оуэна никогда не смогла бы себе позволить.

– А это Наталья, – сказал Монро, указав на девочку с немного узкими глазами и коричневыми волосами, отливающими бронзой. Она была одета в простой тёмно-синий балахон поверх белой футболки, и она равнодушно встретила кивок Оуэна.

– И наконец, – произнёс Монро, показав на мальчика, который, как только что заметил Оуэн, сидел в инвалидном кресле, – Шон.

– Рад встрече, Оуэн, – подал голос Шон. У него были короткие рыжие волосы, бледная кожа с разбросанными веснушками, и массивные плечи с руками.

– Взаимно, – сказал Оуэн. Затем он повернулся к Монро: – Почему мы все здесь? И ты всё ещё не рассказал мне о том ассасине.

– Ассасине? – переспросил Хавьер.

Монро поднял руки и потёр шею.

– Просто потерпи минутку, ладно? Я всё объясню...

– У меня нет этой минуты, – перебил Оуэн. – Мне нужно домой. Я имею в виду, а если моя мама в опасности?

– Нет, – сказал Монро. – Я могу гарантировать, что с ней всё в порядке.

– Почему?

– Она невиновна. Иначе он нарушит одно из основных правил Кредо.

– Что за Кредо? – спросил Хавьер.

– Кредо ассасина. – произнёс Монро. – Но я забегаю вперёд. Оуэн, Хавьер, пожалуйста, сядьте.

Переглянувшись, Оуэн и Хавьер медленно сели на один из диванов.

– Теперь, – начал Монро, – за исключением Оуэна и Хавьера и, конечно, Грейс и Дэвида, вы друг с другом незнакомы. Вы из разных школ, разных районов, у вас даже разное окружение. Но одна вещь вас объединяет. Ваше ДНК. Вы все использовали мой Анимус, и, это правда, я искал вас.

– Зачем? – спросил Шон.

Монро наклонился и вытащил небольшой планшет из отделения кофейного столика. Он провёл пальцами по экрану и на чёрной поверхности стекла появилось светящееся 3D изображение земли, почти такое же широкое, как и стол. Оно медленно вращалось вокруг своей оси в то время как пульсирующие точки ярко мигали по всей поверхности земного шара.

– Ух ты, – произнёс Дэвид, поправив очки. – Это круто!

– В Абстерго, должно быть, злы на тебя, – сказал Оуэн.

– Ты начинаешь думать обо мне слишком плохо, – сказал Монро. – Стол мой.

– Что это за точки? – спросила Грейс, наклонившись вперёд.

– События. – сказал Монро. – Происходившие на протяжении всей истории.

– Какого рода события?

Монро принял свой обычный расслабленный вид, засунув руки в карманы.

– Я собираюсь рассказать вам довольно невероятные вещи. Но вы должны принять это на веру. Всё что я скажу, клянусь, это правда. – он прошёл вокруг стола, поглядывая на изображение Земли. – Две фракции ведут секретную войну за судьбу человечества, начиная с самых давних известных времён, а возможно и до этого. Эти фракции являются наследственными. У них множество имён, но в данный момент они известны как Братство ассасинов и Орден тамплиеров.

– Секретные общества? – спросил Шон. – Вы серьёзно?

– Оглянись вокруг, – ответил Монро. – Разве это всё не выглядит достаточно серьёзно?

– То есть, тот ассасин, преследовавший нас, – уточнил Оуэн. – Он член этого Братства?

– Да.

– Почему он застрелил того парня из Абстерго?

– Абстерго – прикрытие для тамплиеров, – пояснил Монро.

Оуэн вспомнил, что сказал ему сотрудник Абстерго, перед тем, как дротик ассасина вырубил его.

Он упомянул отца Оуэна, и Оуэн подумал, мог ли его отец иметь что-либо общего с этой тайной войной.

– Эти точки, – начал свой рассказ Монро, – показывают известные события, людей или места, как-то причастные к конфликту между ассасинами и тамплиерами. – он поднял руку и коснулся одной из точек, мерцающих на Итальянском полуострове. Как только он это сделал, перед ними оказалось изображение человека, одетого в расшитый жилет, ниспадающие рукава и плащ с острым капюшоном, бросающим тень на лицо.

– Это Эцио Аудиторе, аристократ пятнадцатого века и, вероятно, один из самых великих ассасинов в истории. Но можно проследить корни Братства в Италии и дальше, вплоть до Римского Круга Либералов.

Монро убрал изображение, сделал пару шагов и тронул отметку на Ближнем Востоке. Открылось изображение крепости в горах.

– Это один из бастионов Братства ассасинов, разрушенный монголами на Ближнем Востоке, в качестве мести за убийство Чингисхана.

Он закрыл и это изображение и снова прогулялся вокруг Земли, ткнув в отметку на восточном побережье США.

– Американская революция была не только борьбой за независимость от английской короны. Это была борьба за саму душу нации, находившуюся под влиянием этих двух фракций.

Монро показал только малую часть из неисчислимых отметок. Если каждая из них представляла событие, связанное с этой тайной войной, то масштаб конфликта был огромен. Почти невероятен.

И Оуэн не мог просто отмахнуться от этой информации, потому что видел ассасина в действии.

– За что они сражаются? – спросила Наталья. Это был первый раз, когда она заговорила, и её голос был мягким и твёрдым одновременно.

Монро выключил планшет, и картинка исчезла.

– Чтобы ответить на этот вопрос, – начал он, – позвольте мне обрисовать для вас такую ситуацию. Представьте себе разлагающееся общество. Преступность растёт, бедность свирепствует, расовое неравенство. Общество катится в ад. Чтобы вернуть его в нормальное русло, есть только два возможных пути развития. Первый заключается в становлении порядка над хаосом. Насильственно формировать и вести общество к улучшению. Второй путь заключается в том, чтобы дать власть людям, позволить им решать, какое общество они хотят построить, и верить в их лучшие побуждения. А теперь, скажите, какой из этих путей вы выберете?

Никто не ответил. Оуэн гадал, был ли этот вопрос риторическим, или Монро всё же ожидал ответа.

Но вскоре он продолжил.

– Вот за что они сражаются, Наталья. Орден тамплиеров представляет собой силу, которая ведёт человечество лучшим путём. Ассасины – борцы за свободную волю и индивидуальность в обществе. Обе фракции пытаются делать так, как, они считают, должно быть.

– То есть, они сражаются за одно и то же? – спросил Дэвид.

– Они *хотят* одного и того же, – уточнил Монро. – Они сражаются из-за того, каким способом этого достичь.

– Столетиями? – спросил Шон.

– Тысячелетиями, – поправил Монро.

– Зачем вы нам всё это рассказали? – недоумевала Грейс. – Мы никак не связаны с этим.

Монро сложил руки.

– А вот тут ты ошибаешься.

– С чего это? – спросил Хавьер.

– Я видел ваши ДНК, – ответил Монро. – Я видел, кем были ваши предки. По происхождению, каждый из вас ассасин или тамплиер.

Монро перевел взгляд на Хавьера.
— А кто-то из вас и тот, и другой.

ГЛАВА 7

Шон окинул взглядом остальных и гадал, купился ли кто-то из них на то, что Монро только что им сказал. Этот парень, Оуэн, утверждал, что видел, как один из этих ассасинов выстрелил в кого-то прямо перед ним, и если он не лгун или не сумасшедший, то это была информация, которую Шон не мог игнорировать.

– Это безумие, мужик, – выдавил Хавьер. Он выглядел довольно крутым парнем, на вид тихим, и, возможно, не очень умным.

– Я говорил о том, что это довольно невероятно. – сказал Монро. – Но это не значит, что это неправда.

– Тогда что с того, если это правда? – недоумевала Грейс. – И что с того, если среди наших предков есть ассасины или тамплиеры? Я уверена, у многих людей они есть. Это не объясняет, почему ты собрал нас здесь.

– Или зачем ты это делал, – добавил Оуэн. – Мотался по разным школам со своим Анимусом.

– Довольно много вопросов, – сказал Монро, – Я начну с последнего, потому что на него есть довольно простой ответ. Я делаю это потому, так как считаю, что и ассасины, и тамплиеры неправы.

– Во что же тогда веришь ты? – спросил Шон. Казалось, было бы важным узнать, на чём основывался Монро, учитывая, что он копался в их ДНК. Для себя, Шон знал ответ на вопрос, который он задал. Порядок. Он хотел порядка. Он хотел мир, где люди не садятся пьяными за руль и не рушат чужие жизни. Есть добро и есть зло. Люди не имеют права выбирать.

– Я верю в свободную волю.

– То есть ты согласен с ассасинами, – сделал вывод Шон.

Монро покачал головой.

– Не думаю, что ассасины верят в свободную волю. Они твердят, что верят в неё, но затем они заставляют каждого члена их Братства клясться в верности и абсолютной преданности. Я не верю в то, что мы должны приносить в жертву нашу свободную волю, любому человеку, фракции или Кредо. Ассасинов и тамплиеров нужно остановить, и всё что я могу сделать – это донести до вас эту идею сейчас. Прежде чем вы станете одними из них.

– Одними из них?

– Звучит так, будто уже ты хочешь ограничить нашу свободу воли, – нахмурился Хавьер.

– Не совсем, – поправился Монро. – Вы можете делать всё, что посчитаете верным. Всегда. Донести до вас эту мысль – моя единственная цель.

– Но не поэтому ты собрал нас здесь? – спросила Грейс.

Монро указал на Оуэна и Хавьера.

– Я собрал вас здесь из-за них. Пару ночей назад они были в Анимусе и нашли то, что ассасины и тамплиеры хотели бы заполучить.

Оуэн и Хавьер снова переглянулись.

– Вот почему ты вытащил нас тогда. Это не было ошибкой симуляции, – догадался Оуэн.

– Нет, – подтвердил Монро. – С симуляцией было всё в порядке. Мое оборудование работало, и симуляция не захлопнулась. Но я всё равно вытащил вас оттуда.

– Почему? – спросил Хавьер.

– Предосторожность. Я просмотрел каждую строку кода, управляющую Анимусом, но я знал, что, возможно, есть что-то, что я упустил. И я был прав. Вот почему показались агенты Абстерго, и вот почему ассасин был там. Они знают.

– Знают о чём? – спросил Шон.

– Что мы нашли Частицу Эдема, – ответил Монро.

– Что такое Частица Эдема? – спросил Дэвид, подавшись вперёд.

Шону уже понравился этот парень. Он выглядел честным и любопытным.

Монро поколебался.

– Частицы Эдема – это могущественная реликвия древнейшей цивилизации, которая предшествовала людской. Они обладали невероятными технологиями, и некоторые их образцы сохранились до сегодняшнего дня. Но обычно они очень хорошо спрятаны.

– Кинжал, – вспомнил Хавьер. – Который был у Кортеса?

Монро кивнул.

– Вот что это было, – Хавьер ударил по ладони. – Я знал, что там что-то происходит. Эта штука полностью запудрила мне... моему предку мозги.

Оуэн тоже кивнул:

– Мой предок слишком сильно верил в то, что Кортес говорит, что бы это ни было.

– Именно, – сказал Монро. – Каждая Частица Эдема оказывает разные эффекты и влияния. Похоже, та, которую вы нашли, может изменить чью-то веру и обратить кого-то в своего последователя. Может быть, поэтому многие историки считают, что ацтеки верили, якобы Кортес был богом.

Шону не понравилась мысль, что что-то могло залезть к нему в голову и сбить с толку таким образом.

– Если эти Частицы Эдема спрятаны, – спросил Дэвид, – то как кто-то их находит?

– Генетические воспоминания, – ответил Монро. – Если ассасины или тамплиеры обнаруживают, что кто-то когда-то контактировал с Частицей Эдема, то они используют Анимус, чтобы с помощью потомков обнаружить их. Как и произошло с Оуэном и Хавьером.

Грейс закатила глаза.

– И остальных тоже?

– Я считаю, что вы все незаменимы в поиске этой детали Частицы Эдема.

– Но Оуэн и Хавьер уже нашли её, – возразил Шон.

– Они взаимодействовали с ней, – объяснил Монро. – Но они не видели последнего места хранения. Я не верю, что реликвия осталась в Мексике.

Он снова включил планшет, и голограмма на кофейном столике вновь появилась, высветив черно-белое изображение старого здания.

– Это отель «Астор Хаус» в Нью-Йорке, середина девятнадцатого века. Место собраний и встреч Ацтекского клуба.

– Ацтекский клуб? – повторил Хавьер.

– Небольшое сообщество ветеранов, которые участвовали в американо–мексиканской войне¹¹ 40–ых годов девятнадцатого века, – ответил Монро. – После того, как Кортес завоевал Теночтитлан, я думаю, что его кинжал оставался в Мехико, вплоть до американской оккупации, куда он и был вывезен вместе с казной испанского правительства. Потому что посмотрите сюда.

Изображение сменилось на фотографии нескольких человек. Шон узнал одного из них – Улисса Симпсона Гранта¹².

– Несмотря на свою малочисленность, Ацтекский клуб каким–то образом стал пристанищем шести кандидатов в президенты, трое из которых были избраны, помимо нескольких конгрессменов и других высокоранговых политиков. Итак, что тут странного? Я считаю, что клуб продвигал свои кандидатуры на политические должности, используя Частицу Эдема.

– Вы хотите сказать, что эти парни были ассасинами? – спросил Дэвид. – Или они были тамплиерами?

– Я бы не сказал, что они все были ими, – сказал Монро, положив руки на стол. – Может быть, часть из них была и с той, и с другой фракций.

– Но вообще кто «хорошие парни»? Ассасины или тамплиеры?

– Никто, – просто ответил Монро. – Или и те, и другие. Зависит от того, как ты помотришь на это. У обеих фракций хорошие намерения, но они также способны и на злодеяния.

– Я всё ещё жду ту часть, которая касается непосредственно нас, – сказала Грейс.

– Верно, – согласился Монро. – Теперь поговорим о вас.

Он сменил картинку на дисплее, высветив шесть двойных спиралей ДНК, растянутых горизонтально.

– Я собрал вас здесь, потому что у вас невероятно высокий уровень конкордации генетических воспоминаний.

Вертикальные линии пересекли спирали в общих точках.

– Ваши предки каким–то образом взаимодействовали с Частицей Эдема, в одно и то же время.

Шон надеялся, что это то, о чём он думал.

– Когда? – спросил Оуэн.

¹¹ Американо – мексиканская война (1846-1848) – военный конфликт между США и Мексикой из-за территориальных споров после присоединения Техаса Соединёнными Штатами в 1845 году. В результате победы США к ней, помимо оставшегося в составе Техаса, перешли Верхняя Калифорния и Новая Мексика (земли современных штатов Калифорния, Нью-Мексико, Аризона, Невада и Юта).

¹² Улисс Симпсон Грант (27 апреля 1822 – 23 июля 1885) – американский политик и военный. Был полководцем армии Севера во время Гражданской войны. Генерал армии. С 4 марта 1869 по 4 марта 1877 – восемнадцатый президент США.

– Бунты Призыва, 1863 год¹³, – продекларировал Монро. – Нью-Йорк.

– Бунты Призыва? – спросил Хавьер.

– Это было во время Гражданской Войны, – вступила Грейс. –

Правительство объявило призыв на службу в армию, чтобы сражаться с Югом, но если ты был богатым, то мог откупиться и избежать этого.

– Именно, – согласился Монро. – И беспорядки охватили Нью-Йорк и окрестности. Бандиты и толпа исчислялись тысячами. Это была анархия.

– И они атаковали всех чернокожих в городе, – добавила Грейс. – Они сожгли до основания приют для чернокожих детей.

– И мы окажемся там? – спросил Шон, которому немного меньше захотелось участвовать в этом, когда он больше узнал.

– Зависит от вас, – сказал Монро. – Но надеюсь, что вы все согласитесь. Любой из вас может быть ключом, благодаря которому мы сможем узнать нахождение Частицы Эдема прежде ассасинов или тамплиеров.

– Зачем? – спросила Наталья.

Это было всего лишь второй или третий раз, когда Шон услышал от неё хоть что-то. Но когда она говорила, он слушал. Что-то в ней привлекало его. Она была красива, несомненно, но что-то было и помимо этого, чего он никак не мог понять. Но чтобы заговорить с ней, он должен был развернуть свое кресло к ней, а он ещё не встречал девушку, которая нашла бы его инвалидную коляску привлекательной.

– Что ты будешь делать с ней, если найдешь? – спросила Наталья.

– Перепрячу, – сказал Монро. – Где ни одно воспоминание не сможет найти её. Важно то, что эта вещь не попадёт в руки ни Братства ассасинов, ни Ордена тамплиеров.

– Откуда мы знаем, что ты не захочешь её использовать? – спросил Хавьер.

Монро оглядел каждого.

– Вам стоит довериться мне также, как я доверился вам. Ну так что, вы сделаете это?

– Сделаем что?

– Погрузитесь в Анимус, – сказал Монро. – Войдёте в общую симуляцию. Переживёте опыт воспоминаний ваших предков и, надеюсь, выясните, что случилось с Частицей Эдема.

– Надеешься? – переспросил Хавьер.

– Послушайте, – Монро выключил дисплей и положил планшет. – Я признаю, что это моя вина, и я прошу прощения. Вы все в опасности из-за меня. Я думал, что подстраховался с Анимусом. Каким-то образом он предупредил Абстерго. Я пытался делать всё правильно, давая вам доступ к воспоминаниям ваших предков, но случился обратный эффект, и теперь

¹³ 11 – 16 июля – примечание переводчиков.

новая частица Эдема в игре, а ассасины и тамплиеры не остановятся, пока не найдут её. Но это вам решать.

Он отступил на шаг.

– Я имею в виду, это только ваш выбор.

– Что насчёт наших родителей? – спросила Наталья.

– Время в Анимусе отличается от реального времени, – объяснил Монро. – Как время сновидений. Это субъективно, но дни, проведённые в воспоминаниях – минуты или часы в реальном мире. Вы вернётесь до наступления утра.

Шон сжал ручки колёса инвалидной коляски. Он не собирался позволять шансу вернуться в Анимус проскочить мимо него. Кто знает, когда в следующий раз он сможет это сделать?

– Я сделаю это, – сказал он. Все повернулись к нему.

Шон сел повыше в своём кресле и встретил взгляды остальных с уверенностью.

– Кто со мной?

– Я пойду, – подал голос Дэвид.

– Чего?! – Грейс сердито посмотрела на своего младшего брата. – О чем ты думаешь, собираясь сделать это?

Дэвид пожал плечами.

– Я хочу помочь.

– Почему? – спросила Грейс.

– А почему нет? – спросил Шон.

– Почему нет? – повторила Грейс. – Ты что, не слышал, о чём сейчас говорилось? О Бунтах Призыва? Остановись на минутку и вспомни, о чём говорилось в твоём классе истории. В последний раз, когда Дэвид и я сели в Анимус, там были питьевые фонтанчики, которые мы не могли использовать. А сейчас будет хуже, гораздо хуже.

Это было тем, о чём Шон никогда не думал, и он погрузился в смущенное молчание.

– Что ж, я пойду, – сказал Хавьер.

– Я в деле, тоже, – сказал Оуэн.

– Тогда и я, – сказала Наталья.

Остались только Грейс и Дэвид. Дэвид уже сказал, что он хочет пойти, но Шон более чем был уверен, что он не сделает этого без его старшей сестры. Дэвид смотрел, как она окинула взглядом остальных, и снова посмотрела на своего младшего брата.

– Откуда вы знаете, что это сработает? – спросила она Монро. – Это всё, что меня сейчас беспокоит. Мы все в опасности сейчас. Откуда вы знаете, что это обезопасит нас?

– Это безопаснее, нежели чем бездействие, – сказал Монро. – Если мы найдём Частицу Эдема первыми, и затем я спрячу её, ваши генетические воспоминания больше не будут нужны. Они оставят вас в покое.

Шон заметил, как Грейс, сидевшая прямо, чуть ссутулилась, как будто хотела сдаться.

– Ладно, я в деле, – наконец сдалась она.

– Так, – начал Монро, – Чем быстрее начнем, тем лучше. Анимус там. – и указал на другой конец комнаты, где было скопление компьютеров и другой техники. Все поднялись и зашагали в этом направлении. Шону необходимо было выехать на своем кресле между диванами и столом, и он немного застрял. С ним давно это не случалось, и он задвигал челюстями.

Оуэн подошёл к нему:

– Помочь?

– Я сам, – ответил Шон, чуть резче чем хотелось, хотя в его голосе и так слышалось раздражение. Прошло два года с момента аварии, и он не знал, когда у него пропадет разочарование и злость. Если оно вообще пропадет. Может, оно так и будет набирать обороты, пока в один момент не воспламенится внутри. Он надеялся, что хотя бы сможет узнать, как поступать с попытками людей проявить доброту, ради них же самих.

– Одну минуту, – попросил он.

Оуэн кивнул и зашагал обратно к остальным, хотя Шон видел, как он шёл медленнее, словно пытаясь убедиться, что Шон не так далеко, и это вызывало ещё большее раздражение.

Когда Шон наконец настиг остальных, он увидел, как они окружили Анимус, процессор которого Монро вытащил из автобуса. Главный терминал располагался в центре, а вокруг стояли отклоненные стулья, образуя радианный круг, как спицы велосипеда, головной частью указывающие на втулку.

Монро кивнул на всю установку:

– Выбирай стул и устраивайся.

– А мы не повторим ошибку? – встревожился Хавьер. – Не узнает ли Абстерго?

Шон снова взглянул на него. Возможно, Хавьер умнее, чем он думал.

– Не, не в этот раз, – заверил его Монро. – Я его так изолировал, такой файервол поставил, что даже автобус я так не защищал. Мы здесь в безопасности.

Шон подкатил к одному из сидений и закрепил колеса своего кресла, затем приподнялся из инвалидного кресла и водрузился на отклоненное.

– Вау, – вымолвил Хавьер, стоявший рядом, – А ты силен.

– Неа, – пожал Шон плечами. – Это просто техника.

Но он всегда был силен. Его выделяли тренера до того, как случилась эта авария. Туловище ещё было крепким, но его ноги были парализованы до костей и сухожилий. Шон крутанулся своими бедрами и затем руками помог своим ногам переместиться на сиденье. Теперь ему удалось прилечь всем телом, и он мог бы чувствовать себя комфортно, если бы не волнение внутри. Он помнил свой первый раз в Анимусе: его предок был обыкновенным фермером в Дублине, что не было бы наилучшей симуляцией для остальных, но Шон *ходил* двумя ногами по ячменным полям, принадлежавшим предку. Он ходил от рассвета до заката, работал на земле, и этого было достаточно.

– Вам всем это знакомо, – начал инструктировать Монро. – Но лишь некоторые из вас входили в общую симуляцию. В общем, вы не можете действовать самостоятельно, или десинхронизируетесь. Если вы пойдёте искать друг друга или начнете говорить что-то, не свойственное предку, вы также десинхронизируетесь. Ясно?

Все они дали своим видом понять, что ясно. Монро начал ходить по кругу, помогая каждому подсоединиться к Анимусу.

– Частицей Эдема должно быть что-то наподобие кинжала, – пояснил он. – Мы не очень хорошо рассмотрели его в Мексике, но у него необычный дизайн. Будьте внимательны.

Последним Монро подошёл к Шону и дал ему шлем, который тот натянул на себя и таким образом погружая себя в полную темноту. Несколько мгновений спустя Шон услышал, как Монро двинулся к панели управления Анимуса в центре.

– *Все меня слышат?* – спросил Монро через шлем.

Все подтвердили.

– *Так. Один момент, и я загружу коридор памяти.* Момент, во время которого Шон сжал кулаки в предвкушении. *Итак, все готовы?*

– Готовы, – ответили все, включая Шона.

– *Коридор памяти через три, два, один...*

Шлем заработал, и резкий свет ослепил Шона, погружая его в пустое пространство коридора. Как только картинка вокруг него приняла очертания, он обнаружил себя стоящим. И он был высоким. Даже огромным.

– Ты похож на копа, – сказал мужчина, стоящий рядом с Шоном. На его голове был высокий, ворсистый цилиндр, одет он был в длинный темный плащ, доходивший до коленей, под ней была вышитая красная жилетка и клетчатые штаны. Толстые бакенбарды доходили до подбородка, а к его запястью был прикреплен большой клинок.

Шон осмотрел свой темный плащ, медные пуговицы и высокий воротник. На голове была кепка с маленьким значком и бейджиком Столичной Полиции.

– Да, ты прав, – вымолвил Шон, – я выгляжу как коп. Но тебя я не узнаю. Ты... ты кто?

– Оуэн, – ответил мужчина хриплым голосом, а затем повернул голову в сторону. – И я... – он взглянул на своё запястье, уставился на какой-то момент, а затем сделал движение сжатым кулаком. Из рукава плаща вылетел клинок, а затем он задвинул его обратно. – ... ассасин.

Шон отступил.

– Буду знать.

– А я, похоже, тамплиер, – прозвучал голос сзади него. Шон развернулся и увидел остальных. Мужчина, который заговорил, оказался большим, но не таким, как Шон, и в его голосе звучал легкий ирландский акцент. На нем не было шляпы, поверх тусклой белой рубашки с закатанными рукавами была одета жилетка, а вокруг шеи был повязан шарф. Короткий фартук был обвязан вокруг туловища, придавая ему вид бармена.

– Хавьер? – предположил Оуэн.

Бармен кивнул.

– Так и знал, что в моей маме есть что-то ирландское.

Пожилой мужчина со светлыми волосами и девушка, похожая на подростка, стояли рядом позади Хавьера, оба темнокожие и одетые как слуги. Девушка была одета в черное пальто и брюки, а также жилетку и белую рубашку.

– Только не говори, что мы слуги, – попросила девушка.

– Нет, вы не слуги, – вступила в разговор маленькая девушка рядом с ними. На ней было элегантное красное платье с черным рисунком, у неё были темные, шелковые волосы, карие глаза и мягкие движения. – Нью-Йорк избавился от рабства ещё до Гражданской войны.

– Наталья? – спросил Шон.

– Да.

– Я, эм, похоже, твой отец, – обратился Дэвид к Грейс.

– Думаю, да, – согласилась она. – Но, я надеюсь, ты понимаешь: это не значит, что ты теперь главный.

– Итак, – зазвучал голос Монро, – *Воспоминания почти завершили компиляцию, можете начинать привыкать к своему предку. Скоро я загружу полную симуляцию, но вам надо кое-что знать.*

– О чем вы? – спросила Грейс.

– В отличие от остальных, Дэвид будет переживать экстраполярные воспоминания.

– Что это значит? – не понял Дэвид.

– Ну, технически у тебя нет воспоминаний предка с того момента, как твоя дочь была зачата, потому что в этот момент гены передаются, так что у тебя будут воспоминания до этого момента, но никак после. Но поскольку твой предок пересекался со всеми остальными, кто находится здесь, то Анимус будет использовать их воспоминания, чтобы создать твою симуляцию.

– И что это для него значит? – спросила Грейс.

– Это значит, что у него будет больше свободы во время симуляции. Так как мы не знаем, что делал его предок каждую секунду, десинхронизация так легко не произойдет. Но это ещё значит, что ему надо быть в определенное время в определенном месте, чтобы пересечься со всеми остальными.

– А если этого не случится? – спросил Дэвид.

– Это может сбросить всю симуляцию.

– Отлично, – пробурчал он про себя. – Никакого давления.

– Точно. Хорошо, готовьтесь.

Шон почувствовал, как его одолевало ощущение спешки. Такое же ощущение было, когда он первый раз погрузился в Анимус: словно волна, шедшая против течения. Он мог подняться на ноги и встать прямо против неё, или дать ей утянуть за собой вниз по течению. Он чувствовал, как его голову наполняли новые восприятия, мысли и голоса, противные своим, и дал им поглотить себя, погружаясь в новое сознание.

Он был Томми Грейлингом, патрульным элитного Бродвейского отряда вот уже восемь месяцев, был переведен из Восемнадцатого участка, а ещё раньше получил ранение в бедро во время сражения при Булл–Ран¹⁴ в Вирджинии, но чудом сохранил ногу. Он вернулся в Нью–Йорк после битвы, но позже оказался втянут в другую, уличную, с ножами и кирпичами.

– Я певица, – сказала Наталья, стоявшая в своём наряде. Её движения казались Томми знакомыми. – Оперная певица.

Под восхищением этой женщиной, присущей Томми, Шон понимал, что это говорила Наталья, и она говорила почти испуганно. Очевидно, она была застенчивой, сказала лишь десяток слов с момента того, как Шон встретил её, так что, вероятно, момент выхода на сцену её пугал.

¹⁴ Первое сражение при Булл–Ран (21 июля 1861) – первое крупное сухопутное сражение в Гражданской войне. Закончилось разгромным поражением армии Севера.

– Всё, – раздался голос Монро. – На счёт “три” я запускаю симуляцию. Вам стоит подготовиться, друзья. Бунты Призыва были суицидом.

ГЛАВА 8

Натаалья смотрела в зеркало, находясь одна в гримерке, но лицо, отражающееся в нём, не принадлежало ей. У этой молодой девушки, чей амбициозный ум и воля требовали выйти из тени Натааьли, были чёрные волосы, блестящие в мягком освещении газовых ламп комнаты. У неё были широкие глаза, с большим количеством нанесённого макияжа. Она была одета в длинное красное платье, и Натааья смутно помнила его покупку в Париже за цену, которая наверняка бы заставила её пошатнуться, если учитывать инфляцию.

И она была оперное певицей. Но не просто оперной певицей. Она была Аделиной Патти. Весьма одаренный ребёнок, впервые на сцену она вышла в возрасте семи лет. Сейчас, в двадцать, у неё уже были турне в Соединенных Штатах, Европе и России. Она пела в Белом Доме для Авраама Линкольна и его жены, Мэри Тодд, в прошлом году, по персональному приглашению.

Кто–то деликатно постучался в дверь.

– Мадемуазель?

Наталья отступила за занавес и позволила Аделине выйти на сцену.

– Да?

– Это Уильям, – произнёс мужчина за дверью. – У меня ваш гонорар, мадемуазель. Могу я войти?

– Можете, – разрешила Аделина.

Дверь открылась, и менеджер театра Нибл Гарден вошёл в гримёрку. Он был невысокого роста и, каким-то образом, круглым только в середине и нигде больше. Он принёс маленькую кожаную сумку, которую поставил на пол у её ног.

– Я приношу вам свои глубочайшие извинения, если то, что я имею с вами дело напрямую, кажется вам вульгарным, – сказал он. – Если бы ваш менеджер не заболел так внезапно...

– Благодарю вас, сэр, – осекла его Аделина. – В извинениях нет необходимости. Я могу удостовериться в том, что гонорар выплачен в полном объёме?

Она наклонилась, подняла сумку за ручку, и прикинула что она весит около восьми фунтов. При текущей рыночной цене на золото он должен был весить десять.

– Здесь ведь не всё, не так ли?

Уильям достал из кармана носовой платок и промокнул лоб.

– К сожалению, мисс Патти, не всё. Я принёс вам четыре тысячи в золоте, и у нас будет остальное, то есть, оставшаяся тысяча для вас, после того как продадутся билеты на шоу.

– Я думала, что мой контракт предельно чётко обговаривает условия, – произнесла Аделина.

– Да, предельно чётко, – согласился он.

– Пять тысяч в золоте. Авансом. Полностью. Или я не выйду на сцену.

– Да, конечно. – Уильям снова промокнул лоб платком. – Я думал, возможно...

– Что? Вы думали, что я, возможно, сделаю исключение?

– Я на это надеялся, да. – взгляд Уильяма уткнулся в пол и, видимо, встал там на якорь. Аделина видела, что он ошеломлён, и она знала, что он не сможет найти выход из этой ситуации самостоятельно.

– Хорошо, вот что вы сейчас сделаете, Уильям. Вы, вероятно, заметили, что я ещё не надела обувь. И я надена её, когда все пункты моего контракта будут выполнены. Поэтому, сейчас вы спуститесь и посмотрите, сколько денег вы сможете взять из проданных билетов, и прикинете, сколько нужно для оставшейся части моего гонорара. Но я сделаю исключение для вас.

Уильям поднял взгляд.

– Да?

– Я приму остаток наличными вместо золота.

Его плечи опустились, и он кивнул.

– Да, мадемуазель.

С лёгким поклоном он покинул её комнату, и она снова осталась одна.

Натаалья выглянула из-за занавеса её сознания, восхищаясь демонстрацией силы и уверенности Аделины.

Натаалья обладала уверенностью тоже, но она редко её показывала. Большинство людей думали, что она стеснительна, но это было далеко не так. Она не боялась и не беспокоилась о людях. Она предпочитала считать себя сдержанной и осторожной.

Но в Аделине Патти не было этой сдержанности, и даже несмотря на то, что Натаалья знала, что это не она будет стоять на сцене и петь перед людьми, она всё равно страшилась переживаний, порождённых симуляцией, и надеялась, что Уильям не вернётся с оставшейся частью гонорара.

– *Интересно*, – раздался голос Монро.

– Что именно? – спросила Натаалья.

– *Аделина Патти была замужем три раза, но в записях нет ни слова о её детях.*

– Ну, она мой предок, значит, дети у неё были в любом случае.

– *У неё было несколько интрижек. Возможно, она тайно родила или что-то в этом роде.*

– Три брака? Интрижки? – Натаалья тряхнула головой. – Она действительно делала, что хотела и как хотела.

– *Похоже на то.*

Несколько мгновений спустя, Уильям постучал в дверь, и Натаалья откланялась.

– Войдите, – сказала Аделина.

Уильям открыл дверь и зашёл обратно в комнату, продолжая вытирать лоб.

– Они у вас? – спросила Аделина.

– Я принёс восемьсот долларов, – ответил Уильям.

Он достал пачку банкнот из своего пальто и протянул их Аделине.

– Я надеюсь, этого достаточно. Театр полон, и, я уверен, вы не захотите, чтобы ваши поклонники томились в ожидании.

Аделина улыбнулась и приняла деньги, положив их в сумку, к её золоту. Затем она потянулась за своей левой туфлей и надела её. Уильям глубоко выдохнул.

– Спасибо вам, мадемуазель, спасибо. Я...

Аделина протянула руку и вручила ему свою правую туфлю, которую он принял, будто она одновременно хрупка и горяча. Затем, она откинулась на спинку стула, с одной обутой ногой.

– Я надену вторую туфлю, когда вы принесёте мне оставшиеся две сотни долларов. Мои поклонники подождут.

Уильям заметно побледнел, и, запинаясь, поспешно вышел из комнаты с торопливым поклоном, продолжая держать её туфлю.

Наталья почти хихикнула в сознании этой молодой девушки. Во времена, когда у женщин было не так много возможностей, Аделина использовала свой талант, чтобы достичь богатства, и, что, возможно, было даже главнее, власти.

Но время её выступления приближалось, и Аделина была полностью спокойна. Наталья же – нет.

Когда Уильям вернулся, его стук в дверь звучал настойчиво и отчаянно.

– Войдите, – очень весело произнесла Аделина.

Он ворвался в комнату, запыхавшись.

– Здесь, мадемуазель, всё здесь.

Он протянул ей вторую пачку купюр и вторую туфлю.

– Две сотни долларов. Весь гонорар, полностью.

Она приняла и деньги, и туфлю с грациозным поклоном.

– Спасибо вам, сэр. – она положила деньги в сумку и, пока Уильям смотрел на свои карманные часы, надела вторую туфлю. – Я с удовольствием выступлю.

– Вы позволите мне сопроводить вас? – спросил Уильям, согнув руку в локте.

Она взяла его рукой в перчатке.

– Конечно.

Они покинули комнату, которую Уильям закрыл, и проследовали в заднюю часть театра.

Это было на самом деле изумительное место, пожалуй, самый современный театр, который Аделина видела. Мили трубопроводов для газового освещения. Арочное пространство пересекали рабочие помосты, и бесчисленные, сложные системы тросов и блоков для поднимания и опускания декораций. И вместимость зала – более трёх тысяч мест.

Нервозность Натальи при этой мысли выросла на столько же, на сколько и предвкушение Аделины.

Первые выступления уже начали ночную программу, короткие виньетки, призванные усилить восторг и ожидание для главного

выступления, отгремели, и ведущий уже был на сцене, представляя её публике.

Аделина стояла за кулисами, ожидая свой выход.

Уильям, стоящий рядом, наклонился и прошептал:

– Знаете, вы за неделю зарабатываете больше, чем президент Соединенных Штатов за год.

Ведущий как раз произносил: «...всемирно известный и несравненный талант, мисс Аделина Патти!»

Публика разразилась аплодисментами. Момент её выхода на сцену наступил.

– В таком случае, Уильям, в следующий раз пригласите президента спеть, – улыбнулась Аделина и вышла на сцену.

Аплодисменты усилились, как только она вышла на свет, и Аделина остановилась, отвесив низкий и грациозный поклон. Ведущий уже удалился, и она заняла его место в центре сцены.

Зрители, сидящие перед ней, заполнили каждую секцию театра, от партера до самого высокого третьего ряда позолоченных балконов над ней. Она улыбнулась в сторону ложи, и аплодисменты не ослабевали ещё какое-то время.

Когда они наконец стихли, дирижёр взмахнул рукой, приведя оркестр в действие, и как только музыка зазвучала, Наталья обнаружила, что она испытывает нечто, на что никогда бы не решилась в реальной жизни.

Аделина выросла в семье певцов, её дом был пронизан духом развлечений и представлений. Наталья же выросла в тихом доме, пронизанном воспоминаниями её дедушки и бабушки о трудной жизни в Казахстане, когда он был в составе Советского Союза, и молчаливым решением не поднимать головы и достичь хорошей жизни через тяжелую работу.

Аделина была певчей птичкой.

Наталья была плугом.

Но сейчас Наталья пела перед залом в три тысячи человек, то, о чём Наталья в обычной жизни не могла даже подумать. Но она напоминала себе, что это на самом деле не она, и её сознание и сдержанность позволяли ей оставаться за кулисами и позволять Аделине сверкать.

Она исполнила арию Зерлины из *«Дона Джованни»*. Она исполнила Эльвиру из *«Пуритане»* и Мари из оперы Доницетти *«Дочь Полка»*. Её голос, кристально чистый, заполнил театр, и публика обожала её. Сначала

Натаалья наблюдала за ней, как бы издалека, сохраняя безопасное расстояние. Но с каждой песней Натаалья заставляла себя выйти немного дальше из-за занавеса сознания, пока представление не закончилась, и она почувствовала, что готова попробовать что-то.

Как только Аделина отвесила свой финальный поклон, Натаалья пересилила себя и, дрожа, ступила на свет сцены, задвинув Аделину назад. Заполненный зал будто упал на неё. Блестящая и сверкающая громада театра, необъятная и заполненная людьми, с ревущим потоком аплодисментов. Это было слишком, и Натаалья потеряла дыхание, обхватив руками живот. Симуляция Анимуса пошла разводами, скрыв дальние ряды в тёмно – сером тумане.

– *Всё в порядке?* – забеспокоился Монро.

– Всё нормально, – прошептала Натаалья, и она заставила себя остаться, чувствуя давление внимания публики, отчасти из любопытства, отчасти, чтобы бросить себе вызов. Она выпрямила спину, принимая позу Аделины, и целостность симуляции постепенно возвращалась. Она подняла лицо к огням, стоящим в линии на верхних балконах. Она улыбнулась, поклонилась и убедилась, что симуляция полностью восстановилась, прежде чем она уступила и вернула контроль Аделине.

После выступления Уильям сопровождал её до небольшой, изысканно обставленной гостиной для частных встреч с наиболее выдающимися покровителями театра.

И снова Натаалья, находясь за сознанием Аделины с трепетом наблюдала, как певица скользила по комнате, очаровывая остальных. Она потягивала охлажденное шампанское, ела устрицы, пирожные и другие деликатесы. Апельсиновое и ванильное мороженое были предназначены, чтобы отвести тепло жаркого вечера и духоту тесной комнаты.

Но одну вещь Натаалья начинала осознавать. Аделина чувствовала себя одиноко. Так или иначе, даже среди всех этих людей, она оставалась одна. Аделина очень хорошо знала, что ни один из этих театральных покровителей и не думал о ней. Она развлекала их, и, если бы не это, она бы заслужила только их вежливое равнодушие.

Некоторые из разговоров, в которых Аделина участвовала или которые были нечаянно подслушаны, заинтересовали Натаалью гораздо больше, нежели Аделину, но Натаалья ничего с этим не могла поделать. Всё что она могла – слушать и обращать внимание, проживая воспоминания Аделины, как и до этого.

– Будь прокляты эти медноголовые¹⁵, чтобы их черти в ад забрали, – восклицал мужчина с белыми волосами и густыми белыми усами, широко раскинувшимися по его щекам. – И пусть заберут Твида и Тамманцев с собой.

– Будь осторожен, Корнелиус, – предупредил один из мужчин, стоящих рядом.

– С чего бы? Ли¹⁶, поджав хвост, бежит обратно в Вирджинию. Победа Гранта при Виксберге¹⁷ повернёт ход войны, я уверен. У меня нет никакого страха перед этими сочувствующими южанам демократами.

– Ты слишком смел, Корнелиус, – возразил другой мужчина. – Исход войны далёк от решения. И, независимо от победителя, вы по-прежнему будете вести дела. Лучше не наживать врагов, если немного благоразумия может позволить избежать этого.

– Ха! – фыркнул Корнелиус.

Аделина немного прошла и присоединилась к разговору с несколькими дамами, одетыми в роскошные платья и кружева, с украшениями, стоящими даже больше, чем те, что были на ней. После сердечного приветствия и серии комплиментов выступлению Аделины, разговор вернулся к теме.

– Они всё ещё продолжают с призывом? – спросила рыжая женщина.

– Да, – подтвердила дама с проседью.

– Я боюсь, это ошибка.

– Призыв? – переспросила Аделина.

– Ах да, вы же живёте в Англии. Президент Линкольн объявил мобилизацию всех трудоспособных мужчин на войну с повстанцами. Город ополчился на него. Я думала, что это, возможно, остановило бы призыв.

¹⁵ Таким термином называли жителей Севера, симпатизировавших южанам из-за постоянных поражений в первые годы Гражданской войны. Эта кличка произошла от названия одного из видов змей — медноголовой змеи. Если кобра шипит перед нападением и поэтому считается «благородным врагом», то медноголовая змея нападает без предупреждения. Это слово (“copperheads”) существует в английском языке и сегодня, означает «воплощение коварства» и является кличкой для всякого, кто в военное время симпатизирует врагу. – примечание переводчиков.

¹⁶ Роберт Эдвард Ли (19 января 1807 – 12 октября 1870) – американский военный, генерал армии Юга (Конфедеративных Штатов Америки), с 31 августа 1861 года стал главнокомандующим армией Конфедерации.

¹⁷ Осада Виксберга (18 мая – 4 июля 1863) – крупнейшая операция Гражданской войны, завершившая Виксбергскую кампанию Гранта. В результате успешной осады под контроль армии Севера перешла река Миссисипи. Эта битва считается историками переломным моментом в войне наряду с битвой при Геттисберге.

– Остановило бы, если бы губернатор Сеймур¹⁸ и мэр имели свободу выбора, – сказала пожилая женщина. – Но Генерал–майор Вул¹⁹ решил идти до конца и продолжил призыв.

– У вас есть сыновья? – спросила Аделина. – Вы беспокоитесь, что их призовут?

– Нисколько, – произнесла женщина, сверкнув своими бриллиантами. – Закон о воинской обязанности позволяет мужчинам избежать призыва за трёхсотдолларовое пожертвование. Даже если моих сыновей призовут, они не будут сражаться.

– На самом деле, они просят довольно мало, – заметила рыжеволосая женщина.

Несмотря на то, что она была состоятельной девушкой, Аделина подумала, что значение «мало», вероятно, означает нечто совсем другое для тех, кто работает на заводах и улицах, для рабочих, живущих в Пяти Точках и Бауэри, для которых триста долларов, скорее всего, означает годовой заработок или даже больше. Они не могли использовать свои богатства, чтобы избежать кровавой резни на полях сражений. Но Аделина придержала это наблюдение при себе.

Разговор мягко свернул к светской ерунде, и затем как Аделина, так и Наталья заскучали.

Когда встреча наконец завершилась, и гости разошлись, было уже довольно поздно, и Уильям, нервничая, проводил Аделину к повозке, неся сумку с её гонораром.

– Я бы очень хотел проводить вас, – предложил Уильям. – Или послать кого–нибудь с вами, если вы находите мою компанию неприятной.

– Это не так, – возразила Аделина. Наглая выходка Уильяма относительно гонорара не беспокоила её теперь ни малейшим образом. – Просто я способна следовать своим путём.

– В этом у меня нет сомнений. Но я бы хотел, чтобы ваш менеджер был с вами.

– А я бы нет, и вы тоже не должны, если вы тоже не хотите заболеть.

Уильям улыбнулся и неохотно кивнул.

– Очень хорошо.

– Спокойной ночи, – смягчилась Аделина. – У вас прекрасный театр, и я надеюсь спеть здесь снова в скором времени.

¹⁸ Горацио Сеймур (31 мая 1810 – 12 февраля 1886) – американский юрист и политик. Занимал пост губернатора Нью-Йорка два раза: с 1853 по 1854 гг. и с 1863 по 1864 гг. Также был кандидатом в президенты на выборах 1868 г.

¹⁹ Джон Вул (20 февраля 1784 – 10 ноября 1869) – генерал армии Севера. На начальном этапе командовал Восточным военным округом, а затем занял пост командующего военным округом Вирджинии. В августе 1863 года (через месяц после событий бунта) он вышел в отставку.

– Как и я, – ответил Уильям и приказал кучеру отвезти Аделину к отелю на Пятой Авеню, где она остановилась.

Жара июльской ночи ещё не сошла, но, по крайней мере, воздух в Нью-Йорке был чище, нежели давящие миазмы сажи, которые душили дом Аделины в Лондоне. Она думала о её предстоящем турне в Германии, в освежающих, с большим количеством водоёмов, Манхейме и Франкфурте, в конце месяца.

Экипаж вёз её по Бродвею, где проходила загадочная активность, несмотря на время, которое уже было далеко за полночь. Аделине не понравился тип мужчин, стоящих тут и там. Они выглядели как хулиганы и эксперты в плане беспорядков, члены уличных банд, правящих Пятью Точками и Бауэри, вдалеке от центра города. Они носились туда–сюда, вверх и вниз по улице, с определённой целью, хотя Аделина и не знала, что этой целью может быть.

Но Наталья знала. Бунт надвигался. Лидеры банд, скорее всего, координировались и планировали свои действия прямо сейчас. И Аделина, сидящая в карете в два утра, имела при себе четыре тысячи долларов в золоте и ещё одну наличными. Будучи в Анимусе, в первый раз, Наталья не была в такой опасности. Она переживала прибытие своей бабушки в Америку; страх, волнение и радость от этого. Но сейчас ситуация была совсем другой.

Она хотела бы как–то предупредить Аделину, но после того, как они проехали с дюжину кварталов и оставили позади Юнион сквер, экипаж остановился. Наталья хотела закричать Аделине, чтобы та убегала, но...

– Кучер? – спросила Аделина. – Почему мы остановились?

Но кучер не отвечал. Более того, мужское лицо появилось в окне экипажа.

– Вечер добрый, мисс, – процедил он.

– Кучер! – крикнула Аделина, но затем поняла, что экипаж остановился не случайно. Она потянулась к ручке двери, чтобы мужчина её не открыл, но тот вырвал ручку из её рук и, дёрнув, открыл дверь. Его глаза окинули внутренности экипажа и его глаза остановились на сумке. Он нырнул в салон за ней, но Аделина схватила за ремни сумки в то же время, что и он, и они стали тянуть сумку каждый в свою сторону, рыча и ругаясь. Мужчина упёрся ногой в дверь с другой стороны, Аделина поступила также. Наталья не могла поверить, что она такая сильная.

– Эй, полегче, – пробурчал мужчина. – Мне просто нужна сумка!

– Помогите мне! – кричала Аделина. – Кто–нибудь, помогите!

Мужчина перегнулся через дверной проём, чтобы тверже встать на ноги, и Аделина воспользовалась моментом, чтобы немного отодвинуться вглубь экипажа, и затем она ударила его в лицо свободной ногой. Его голова откинулась назад с хрустом, и, когда он выпрямился, из носа по подбородку и губам потекла кровь. Он отпустил ручки сумки, и Аделина увидела его ярость. Она приготовилась к его атаке, как только он, рыча от злости, нырнул в экипаж.

Натаалья захотела выйти из симуляции. Она не соглашалась на это. Она не хотела переживать это.

– Отпустите меня! – завопили одновременно Натаалья и Аделина.

ГЛАВА 9

Грейс стояла напротив стены обеденной комнаты, четверо мужчин сидели за столом перед неё, а сервант, заставленный едой, стоял справа от неё. Дэвид стоял с другой стороны серванта, смотря на ней своими странными глазами пожилого беловолосого мужчины. Странными, потому что мысль о нём, как о её отце, заставляла её смеяться. Он был таким доверчивым, наивным и искренним, но она любила это в нём и не хотела видеть, как мир выбивает и выжигает это из него. Поэтому она была обычно тем, кто заботится о нём.

– Элиза, всё в порядке? – спросил один из мужчин за столом.

Он был очень... большим. Две сотни с половиной фунтов или даже три²⁰, он выглядел так, будто часть этого веса в молодости составляли мышцы, но не теперь. Он и остальные мужчины за столом смотрели на неё. Они все были одеты в костюмы–тройки, с изящными, ниспадающими цепями карманных часов и драгоценностями, сверкающими на их манжетах и лацканах.

– Я в порядке, – ответила Грейс.

Мужчины нахмурились, а один из них хмыкнул.

²⁰ От ста тринадцати до ста тридцати шести килограммов – примечание переводчиков.

Грейс почувствовала, что симуляция будто отталкивает её, как из заполненного вагона метро, а мир становился размытым. Она посмотрела на Дэвида. Его широко раскрытые глаза умоляли её сделать что-то, сказать что-нибудь, но это что-то должно быть правильным.

Грейс ненавидела эту часть в Анимусе. Она ненавидела давать контроль над своим сознанием, который оставался единственной вещью, которую никто не мог тронуть. Её разум был её дворцом, её храмом, её садом, в конце концов. Но теперь кто-то пытается попасть внутрь, сознание-захватчик пытается забраться по стенам и захватить её резиденцию.

– Элиза, да что с тобой? – снова спросил большой мужчина.

– Ничего, – сказала Грейс. Она была его слугой, и она ненавидела уже саму эту мысль. Скорее всего, она должна была звать его «сэр» и сделать реверанс или, что-то подобное.

– Это должно быть, из-за жары, мистер Твид, – вступился Дэвид, но Грейс могла сказать, что это уже был не Дэвид. Взгляд в его глазах стал старше, с другим видом беспокойства. – Если ей нужно прилечь, я смогу продолжить один, сэр.

Симуляция стала ещё более размытой, и Грейс ощутила, будто двери закрываются у её лица, оставляя её позади.

Большой мужчина снова обратил своё внимание на Грейс.

– Это так? Тебе нужно прилечь?

Вторгающийся разум испытывал отчаяние, пытаясь попасть внутрь. Если Грейс не откроет ворота и не впустит это, прямо сейчас, она выпадет из симуляции, и оставит Дэвида здесь одного. Грейс не могла позволить этому произойти, поэтому она сжала зубы, ненавидя то, что случится и Монро, заставляющего её делать это, и сняла защиту со своего сознания.

На её место ворвалась Элиза, девушка с мягким голосом, потерявшая мать в возрасте восьми лет, чей отец любил и заботился о ней, как мог, последние девять лет служа мистеру Твиду, при котором она не могла себе позволить прилечь.

– Мне так жаль, мистер Твид, – извинилась она, сделав реверанс. – Я забылась на мгновение, должно быть, из-за жары. Я приношу свои извинения, сэр.

– Всё нормально, – сказал мистер Твид, засунув свои большие руки за пояс. – Сейчас ты в порядке?

– В полном, – сказала Элиза. – Всё прошло.

– Хорошо, – расслабился мистер Твид. – Я бы хотел ещё утки.

– Да, сэр.

Элиза повернулась к серванту, где были расположены блюда. Помимо утки, там были устрицы, обжаренный ростбиф, ветчина с соусом из

шампанского и сладкое мясо. Она взяла блюдо с уткой и принесла его мистеру Твиду. После того как он взял себе несколько кусков, она обнесла остальных гостей.

– Босс, ваша кухарка так же хороша, как и Ранхофер, – похвалил мистер Конолли, весьма вежливый человек с квадратной головой.

– Я на это тоже очень надеюсь, – поддержал его мистер Твид. – Я послал её к Делмонико, чтобы она взяла у него пару уроков. И не называй меня Боссом.

– Мне нравится этот термин, – сказал мистер Холл, чьи искорки в глазах поблескивали из-под пенсне очков, и чьи губы тронула улыбка под элегантной бородой. – Босс Твид, тебе идёт.

– Посмотрим, прилипнет ли она к тебе, – угрюмо произнёс мистер Суини, обладатель широких и толстых усов.

– Если прилипнет, то прилипнет, пусть, – сказал мистер Твид. – Я принимаю людей этого города такими, какие они есть, и они могут называть меня как им, чёрт возьми, угодно. Но здесь я Твид или Билл, понятно?

Мистер Твид сел обратно на свой стул.

– Или Великий Вождь, – добавил он, и смешок обежал стол. – Жаль, что генерал Сэнфорд²¹ не смог к нам присоединиться. Но меня заверили в его сотрудничестве завтра.

– Он будет сдерживать войска? – спросил мистер Суини.

Мистер Твид кивнул.

Элиза и её отец обслуживали гостей следующий час или около того, пока не закончилась еда, причём большая часть стараниями мистера Твида, а вино – благодаря усердствию остальных.

– Джентельмены, – объявил мистер Твид, – Как бы ни был прекрасен вечер, у нас имеются несколько важных вопросов, которые следует обсудить, прежде чем мы разойдёмся, а моя жена высказалась в исключаящих двоякое толкование выражениях, что она ждёт меня до рассвета. Следовательно, не должны ли мы проследовать в библиотеку?

Остальные ответили согласием и поднялись со своих стульев. Как один они вышли из обеденной комнаты в главный холл, их голоса раздались через минуту, которые позже были заглушены закрытой дверью библиотеки.

– Давай уберём остатки, – сказал отец Элизы. – А потом посмотрим, что нам приготовила Маргарет.

²¹ Генерал-майор Чарльз Сэнфорд (5 мая 1796 – 25 июля 1878) – американский военный, адвокат. Командовал первой дивизией Нью-Йоркского городского ополчения более тридцати лет и участвовал в подавлении многих бунтов в городе.

– Хотела бы я, чтобы мистер Твид нанял больше людей нам в помощь, – пожаловалась Элиза, складывая пустые серебряные тарелки. Дом не был большим, но здесь было много работы для двух слуг, кухарки и их щёток. И Элиза хотела нечто большее, чем уборка дома мистера Твида. Она хотела сделать что-то сама, не то, что чёрные мужчина и женщины обычно делают. Может, открыть магазинчик или ресторан.

– Ему нет резона нанимать кого-то ещё, – ответил отец. – Мистер Твид не бывает здесь. Если бы он не использовал этот дом для встреч своей ассоциации, как он это и делает, я сомневаюсь, что он держал бы кого-нибудь из нас здесь. Просто будь благодарна. Большинство живущих здесь...

Он не закончил, но Элиза поняла, что он имел в виду. Нью-Йорк и Бруклин были переполнены ирландцами и немцами, и работы на всех не хватало. Чернокожие создавали конкуренцию, и город не хотел принимать ещё больше освобожденных рабов с юга, искавших работу. Вот почему были разговоры о восстании и беспорядках. Вот почему медноголовые, тайные сторонники южан среди Демократов в Нью-Йорке, симпатизировали Конфедератам и желали поражения Содружеству.

Грейс переживала эти мысли с тем же гневом и бессилием, как и воспоминания её прапрабабушки о местах «только для белых». Это всё было неправильно, но Грейс не могла ничего поделать с этим. Она посмотрела на поднос с блюдами, который держала в руках и застыла на мгновение, пораженная сходством с тем, что она видела, пребывая в Анимусе, в прошлый раз. Её прапрабабушка убирала в доме богатой белой леди, и в этот момент Грейс казалось, что целые поколения её предков не держали в руках ничего, кроме стопок грязной посуды.

Она опустила поднос слишком быстро, и сервировочная ложка упала с него на пол. Она оставила её там, несмотря на то, что она почувствовала, что симуляция ослабевает.

– Элиза? – спросил пожилой мужчина, бывший её отцом и Дэвидом одновременно. С тех пор, как симуляция Дэвида экстраполировалась, он действовал в этот момент так, как Элиза запомнила его, и делал работу лучше её, даже когда она была полностью синхронизирована. – Что-то не так?

– Всё в порядке, – ответила Грейс.

– Это не выглядит «в порядке», – настаивал он.

Элиза заставила себя наклониться и поднять ложку, почувствовав, что симуляция укрепляется.

— Я знаю, что ты беспокоишься за меня, — сказал отец Элизы. — Но ещё больше я беспокоюсь насчёт тебя. Я хочу увидеть, что ты сможешь позаботиться обо всём, когда меня не станет...

— Пожалуйста, не надо...

— Я говорю правду, — он поднял свою мозолистую руку. — Нет смысла избегать правды, она всегда найдёт тебя. Твоя бабушка так и не увидела свободы, но я был уверен, что каждый мой ребёнок родится свободным. Я знаю, что ты хотела бы большего, чем это, и я хочу этого ещё больше для тебя. Однажды ты будешь иметь больше, гораздо больше. Я знаю, что будешь. Но сейчас наступили тяжёлые времена, и у тебя есть работа и наниматель.

Элиза и Грейс, обе, посмотрели на него, и обе поняли, что он был прав. Грейс не могла изменить историю, и любые её яростные, но справедливые, действия сейчас, приведут только к коллапсу симуляции. Она пришла сюда, потому что Монро сказал, что найти эту Частицу Эдема будет лучшим вариантом обезопасить её и Дэвида. Так что этим она и должна заняться.

— Да, отец, — сказала Элиза.

Она подошла и помогла ему собрать столовое серебро.

— Ты решительна и отважна, — похвалил он её. — Твоя бабушка гордилась бы тобой.

— Надеюсь, — согласилась Элиза.

Грейс позволила Элизе выйти из угла, дав полный доступ к её сознанию. Элиза тут же стала очищать тарелки и стол, с эффективностью и скоростью наравне с отцом, который стал немного медленнее с возрастом, который морщился от боли в суставах, когда думал, что она не видит. Сейчас она могла компенсировать разницу, и мистер Твид не видел причин увольнять её отца.

Они отнесли все тарелки на кухню, где сначала щётка Маргарет позаботится о них, а после этого отец Элизы отполирует серебряные части. Маргарет сварила голень ягнёнка для гостей, но до него так очередь и не дошла, что позволило маленькой горстке obsługi насладиться редким и восхитительным блюдом. Они расположились вокруг кухонного стола и ели, но быстро, чтобы сразу же выйти к гостям, которые скоро должны были вернуться. Маргарет даже приготовила немного мятного студня к мясу.

Закончив с едой, они услышали, как двери библиотеки открылись, и мужские голоса раздалась в главном холле. Элиза и её отец отправились туда посмотреть, не нужно ли чего-нибудь гостям, но они уже уходили через парадный вход, селились в свои экипажи и скрывались в темноте тёплой ночи. После того, как все они ушли, мистер Твид позвал отца Элизы

в библиотеку и закрыл за собой дверь снова. Это вызвало некоторое беспокойство у Элизы, и, несмотря на возможные проблемы, она встала у металлической решётки у соседнего коридора, где она могла бы подслушать разговор.

– Есть какой-нибудь способ предотвратить это?

– Боюсь, что даже отмена призыва не изменит уже ничего. Это больше не та проблема, которую предстоит решить, но та, которую можно будет урегулировать.

– Насколько всё будет плохо?

– Это, к сожалению, будет тем, что этот город ещё не видел, – сказал мистер Твид. – Возможно, даже страна.

– Даже хуже полицейских беспорядков²²?

– Я полагаю, что да. Но добро восстанет из пепла. Я будут там с властью Таммани Холл за мной, чтобы перестроить город заново, с мудростью и крепостью. Но мы должны действовать быстро. Вы готовы помочь мне?

– Я готов, мистер Твид, – сказал её отец.

– У меня есть письмо, которое вы должны доставить. Мне нужен посланник, который не вызовет интереса или подозрений. К тому же, мне нужен кто-то, кому я могу доверять, и по прошествии этих лет, я считаю, что могу довериться вам.

– Куда мне его доставить, сэр?

– Есть заведение в нижней части Четвертого Района, – сказал мистер Твид. – Бар «Дыра в стене». Вы слышали когда-нибудь о нём?

– Да, сэр. Не самое приятное место, сэр.

– Так и есть. Там есть бармен по имени Каджел Кормак.

– Каджел? Не похоже на христианское имя.

– Не похоже, – согласился Твид. – Как раз противоположное христианскому, которое могло бы повергнуть в шок любого священнослужителя. Доставьте ему это письмо.

– Да, сэр. Когда?

– Сегодня ночью.

– Сегодня ночью?

– Да. Вы сможете это сделать?

– Конечно, мистер Твид.

²² Полицейские бунты (1857) – бунты, вызванные неразберихой в полиции. В конце 50-х мэр Вул попал под пристальное внимание общественности в связи с продажей полицейских должностей. Была создана городская полиция и предпринялась попытка роспуска муниципальной, но те отказались распускаться. В течение двух месяцев они существовали бок о бок, пока не потребовалось назначение уличного комиссара. Мэр и губернатор не пришли к согласию, что привело к столкновениям между двумя подразделениями прямо в мэрии. Верховный суд Нью-Йорка проголосовал за Вула и его муниципальную полицию, но в следующего году Вул был отправлен в отставку.

– Отлично! – воскликнул мистер Твид. – А теперь я отбуду, и надеюсь, что миссис Твид ещё не легла. Но прежде, я бы хотел поговорить с вашей дочерью.

Элиза не знала, о чём мистер Твид хотел с ней поговорить, но она как можно быстрее и тише двинулась от своего подслушивающего места в сторону холла, ведя себя так, будто она оказалась здесь по какой-то иной причине, и уже достигла цели, когда двери библиотеки открылись.

– О, Элиза, – окликнул мистер Твид. – Я только что говорил твоему отцу, что хотел бы перекинуться парой слов с тобой.

– Конечно, мистер Твид, – сказала Элиза.

– Мы получили известия из Таммани, что завтра на улице возможны проблемы. Поэтому господа Конолли, Холл и Суинни, были здесь.

– Какие-то проблемы? – спросила Элиза.

– Этот ужасный призыв, устроенный Линкольном, – посетовал мистер Твид. – Имена первых призывников вывесят завтра. И, конечно же, начнутся протесты. Но мы ожидаем, что они обернутся насилием. Для тебя будет лучше держаться подальше от улиц до завтрашнего утра.

– Как пожелаете, мистер Твид. Но...

– Такие, как ты, не в безопасности, Элиза.

Мистер Твид смотрел её прямо в глаза.

– Гнев – это горячий уголёк, и когда люди в гневе, они ищут место, куда его можно положить. Есть множество тех, кто винит представителей вашей расы в этой ситуации. Пожалуйста, внемли мне, и держись подальше от улиц. Ты будешь в безопасности здесь, в этом доме.

Элиза ответила, с лёгким поклоном:

– Я буду здесь, мистер Твид.

– Я прошу простить мою грубость, но это так.

Он прошёл к входной двери, и взял свою шляпу и трость со стойки возле входа.

– Ты знаешь, я не питаю неприязни ни к какой-либо расе или религии. Я смотрю на человека, и вижу его только в одном качестве. Знаешь, в каком?

– В каком, сэр?

– В качестве потенциального избирателя, – мистер Твид открыл дверь. – Если Конгресс сочтёт нужным дать право голоса собакам, я возглавлю движение против кошек и стану председателем комитета по выведению блох. Доброй ночи.

Элиза удивилась, что мистер Твид считал, что скорее собакам дадут право голоса, нежели чем темнокожим или женщинам.

– Доброй ночи, сэр.

Отец Элизы сопровождал мистера Твида на улицу, где помог ему забраться в его экипаж. После того, как тот уехал, её отец вернулся и вручил Элизе ключ от дома.

– Закрой за мной.

– Отец, не уходи.

– Уходи? – переспросил отец и посмотрел в её сторону. – Ты опять подслушивала?

– Я не могу ничего с этим поделать. Я беспокоюсь.

– Насчёт чего? Обо мне?

Элиза склонила голову. Она уже потеряла свою маму, и эта рана ещё не затянулась. Она не могла представить свою жизнь, если она потеряет своего отца тоже.

– Элиза, – начал он. – Я неделями выживал в болотах, скрываясь от охотников за головами. Я прошёл сотни миль, прячась на чердаках и подвалах, без света, воздуха и надежды. Я видел страшные вещи, которые ты никогда не увидишь, но они были во имя Господа нашего Всевышнего и победы Содружества президента Линкольна. – Он взял её за плечи и поцеловал в лоб. – Я думаю, что смогу спокойно пересечь город и доставить письмо, даже в такое логово пиратов, как «Дыра в Стене».

– Будь осторожен, – попросила она.

– Буду. Меня не будет, скорее всего, несколько часов. Запри дверь, жди и слушай, когда я приду. Меня не воодушевляет идея провести ночь снаружи, на веранде.

– Да, отец.

Он прошёл через дверь, и кивнул ей снаружи, дожидаясь, пока Элиза закроет дверь и запрет на замок с помощью ключа, который он её дал. Как только она сделала это, она продолжила уборку обеденной комнаты. Она отнесла скатерть в прачечную, и стала полировать серебро, очищенное Маргарет к тому времени. Это было тем, что она могла бы сделать для отца.

Дом был убран, и Элиза обычно шла к этому времени в постель, как это уже сделала Маргарет. Но Элиза решила подождать, да и в любом случае, она бы не заснула до тех пор, пока не убедилась бы в том, что её отец вернулся домой. Она решила найти в библиотеке книгу для чтения. Мистер Твид никогда специально это не запрещал, поэтому она осторожно вошла в комнату и посмотрела на полки, стоя в окружении запаха табака и кожи вокруг неё.

Интересных книг здесь было на удивление мало, но это объяснялось тем, что это была не основная резиденция мистера Твида, если она вообще

таковой была. У него была спальня, обставленная мебелью, наверху, но, насколько Элиза знала, он никогда не ночевал там.

Она пересекла комнату, подойдя к его столу с огромной столешницей из богатого, морёного, полированного дерева, по краям несущую изображения квадратных крестов. Пространство стола занимали различные предметы, включая стопку с бумагой, такой же, на которой мистер Твид написал письмо, которое отец Элизы должен был доставить.

Она гадала, что может быть настолько важным, что её отец должен доставить это ночью, накануне беспорядков. Насколько это письмо ценно, ради чего он подвергает себя такой опасности?

Она потянула на себя верхний лист и посмотрела на него поближе.

Тяжелая рука мистера Твида оставила призрачный след написанного им на обороте другого листа. Но каким-то образом Элизе не нужно было напрягаться, чтобы разобрать написанное: ей помогла её специфическая способность, проявляющаяся время от времени.

Текст сообщения как будто испускал едва уловимое сияние, которое она скорее чувствовала, чем видела. Но по мере того, как она читала письмо, мороз начинал пробираться по коже.

Мастер Кормак,

В поле зрения Ордена попал ассасин, внедрившийся в город Нью-Йорк. Его зовут Вариус, и мы знаем, что он будет в «Астор Хаус» этой ночью. Мы не знаем, что он ищет там, но это должно быть необычайно ценно, если Братство решилось пойти на риск вторжения в такие непростые времена. Вы должны найти ассасина и остановить его. Убейте его без колебаний. Я верю в ваше умение таинственно проникать в этом деле. Чем бы ни было то, за чем он пришёл, принесите это в мой дом на 36-ой улице завтра вечером. Я приду, как только смогу, но прежде мне нужно показаться на публичном заседании, выполняя свои обязанности перед мэром и Членами Муниципалитета.

Нельзя допустить, чтобы что-то сорвало наши планы. Завтра город вспыхнет, сметая Опдайку и губернатора Сеймура. Город и штат тогда будут принадлежать Таммани и Ордену, а, опираясь на Нью-Йорк, мы перевесим чашу весов этой войны на нашу сторону и вернём нацию.

У вас есть цель. Выследите её и убейте.

Великий Магистр.

Элиза смотрела на письмо, которое, казалось, горит в её дрожащих руках. Она не поняла многого из того, что написано, но она знала — могущественные и безжалостные намерения стоят за этим, а мистер Твид не тот, кем кажется. Это письмо выходило за рамки политической борьбы и голосов избирателей, это было чем-то большим и гораздо более опасным, и она знала, что это означает разрушение города и даже всего того, что за ним, если письмо будет доставлено по назначению. Это было письмо, которое её отец не должен доставить.

Но за спиной Элизы, Грейс думала о том, что она знала, что это письмо означает. Упоминание «Астор Хаус» и чего-то, обладающего огромной ценностью, означало только одно — Частица Эдема. Это было тем, зачем они погрузились в Анимус, это было тем, что они искали. Грейс испытывала давление десинхронизации, возвращая контроль Элизе, делая то, что она собиралась делать. Но Грейс чувствовала напряжение недолго, через секунду Элиза вскочила из-за стола и понеслась в главный холл. Она сомневалась, что сможет перехватить отца вовремя, но она должна попробовать. Она взяла платок из стойки со шляпами, прикрыть волосы, открыла дверь и шагнула наружу, в ночь.

ГЛАВА 10

Хавьер знал, что это был другой тип ночи в «Дыре в Стене», когда работа закончится ещё до рассвета. По мере того, как поступали доклады, становилось ясно, что только свиньи, слизняки и цепные псы²³ не догадывались об адском пламени, которое обрушится на город утром. Главари банд знали, что что-то грядёт, но также они знали о том, что будут действовать и другим образом тоже. Твид позаботился об этом.

– Каджел, – Галлус Мэг прошептала прямо ему в ухо. – Ты разбодяжил выпивку?

– Да, – ответил он.

– Но зачем водой? У нас что, она заканчивается?

– Нет. Но нам нужно, чтобы их разум оставался с ними до утра. Нам не будет никакой пользы, если они будут в плохом состоянии и проспят всё на свете.

Галлус Мэг подалась обратно, кивнула и зашагала прочь. Она была такой же высокой, как и Каджел, и носила брюки с подтяжками, чтобы держать пистолет и мешочек с мокрым песком, свисающий с её пояса, если

²³ Разговорный жанр. Свиньи = полицейские, слизняки = политики, цепные псы = бандиты.

нужно было кого–нибудь вырубить. Но сегодня ночью её оружие не понадобится.

На протяжении всего дня, парни приходили и уходили с сообщениями, под белым флагом перемирия. Здесь и повсюду в городе главари банд координировали свои действия на завтрашнюю бойню. Парни из Бауэри, Тараканья Стража²⁴, Парни Рассвета²⁵ и ещё несколько поменьше, все оставили в сторону конфликты и разногласия за шанс выиграть куда более ценный приз. В случае успеха в этом деле, они будут владеть всем чёртовым городом, разрезав его на куски и поделив между собой после убийств.

Посетитель хлопнул три цента на стойку и кивнул в сторону бочки, стоящей на стойке позади бара.

– Без стакана, – сказал он.

Каджел кивнул и протянул ему конец резинового шланга. Мужчина принял его и, зажав конец между зубами, кивнул бармену. Каджел повернул кран на бочке с самым дешевым и скверным джином, которое только можно было найти в «Дыре в стене». Затем он смотрел, как дёргается кадык у заплатившего за дешёвое пойло, как снова и снова он проглатывает эту жуткую, дешёвую дрянь.

Наконец он остановился, чтобы перевести дыхание, и Каджел закрыл кран. Он научился замечать это мгновение, когда широко раскрытые глаза и наливающееся кровью лицо говорили о начинающемся удушье, и поворачивал кран в нужный момент, чтобы участник этого аттракциона не пролил ни капли.

Мужчина вытер рот рукавом пиджака и покачнулся. Каджел не знал его и не ожидал от него великих свершений завтра, вне зависимости от того, пьян он будет или нет.

– Повторить? – спросил Каджел. – Есть медяк?

Мужчина покачал головой.

– Этого достаточно.

Каджел кивнул и смотал шланг, повесив его обратно, рядом с банкой Галлус Мэг, заполненной 마리нованными человеческими ушами. Некоторые из них она оторвала, некоторые отрезала, но большинство из них оказались там благодаря её зубам. Все эти уши стояли в банке на полке на видном месте, в качестве трофея и предупреждения каждому, кто подумает о том, чтобы вести себя неподобающе в этом месте. Козлина Сэди как–то наплевал на предупреждение Мэг и оставил доказательство

²⁴ Тараканья Стража (Roach Guards) – одна из банд, входящих в состав Банды Пяти Точек. Ранее была создана как охрана производителей ликера. Были ярыми врагами с Парнями из Бауэри.

²⁵ Парни Рассвета (Daybreak Boys) – банда, созданная в 40–е года 19 века, специализирующаяся на ничем не спровоцированных убийствах и саботаже кораблей и другой собственности, вне зависимости от её ценности.

действия правил на полке позади. Где-то в этом настое плавало ухо человека, просто спросившего у Мэг её возраст.

Ещё несколько парней из доков зашло внутрь, и Каджел кивнул в сторону задней части бара, где раздавались указания по поводу завтрашних событий. Ключ к победе – одновременная атака. Пока полки всё ещё стояли в Пенсильвании, единственной силой в городе была Столичная Полиция, и их численность позволяла быстро ошеломить их, если в городе возникнет множество очагов сопротивления.

Седовласый, пожилой, немного сторбленный в спине, чёрный мужчина, одетый в пальто слуги, вошёл в бар. Некоторые из посетителей заметили его и провожали взглядами. Галлус Мэг сдвинулась, приготовившись вмешаться, если потребуется. Остановившись и оглядевшись по сторонам, он остановил свой взгляд на барной стойке и направился к ней.

Находящийся за сознанием Каджела Хавьер вспомнил, что видел его в Коридоре Памяти, это был предок Дэвида, но он ничего не предпринял из-за риска десинхронизации и поэтому ничего не сказал в переполненном баре.

– Я ищу Каджела Кормака, – произнёс слуга, подойдя к стойке.

– А вы кто? – спросил Каджел.

– Меня зовут Абрахам, – сказал мужчина. – Я работаю на мистера Уильяма Твида.

Каджел не видел Магистра лично уже несколько недель, это было слишком рискованно для всего плана. Твид и Таммани должны были выглядеть как сторонники *окончания* беспорядков, а не как их агитаторы, если план сработает.

– Я Каджел Кормак, – наконец представился Каджел.

Абрахам достал конверт из внутреннего кармана своего пиджака.

– Мистер Твид попросил меня доставить это вам.

Каджел принял письмо, и Абрахам развернулся, чтобы уйти.

– Стойте, – остановил его Каджел. – Ждите здесь, пока я не прочитаю.

Часто эти письма содержали приказы, что следует сделать с посланником. Абрахам кивнул и остался на месте.

Каджел сломал восковую печать, оттеснённую тамплиерским крестом, и достал письмо. По мере прочтения кровь начала стучать в ушах, отзываясь в них барабанным боем, зовущим его на войну.

Его дед, Шэй Патрик Кормак, был грозным охотником на ассасинов. И сегодня ночью Каджел был призван, чтобы с честью последовать по пути его наследия. Вариус покорится Ордену тамплиеров или падёт от руки Каджела.

– Это всё, сэр? – спросил Абрахам.

Каджел приподнял письмо и посмотрел ему прямо в глаза:

– Мистер Твид доверяет вам.
– Я стараюсь быть достойным этого доверия.
– Хорошо, – ответил Каджел. – В свою очередь, мне следует убедиться в том, что вы доберётесь домой целым и невредимым.
– Я могу добраться сам, – заверил его Абрахам.
– Не сомневаюсь в этом, – кивнул Каджел. – Но это не изменит моего решения.

Он сложил руки рупором и крикнул:

– Галлус Мэг!

– Чего?! – проорала она в ответ через всю комнату.

– Босс хочет меня видеть, – ответил Каджел.

Она кивнула в сторону двери.

– Иди тогда.

Каджел стянул фартук и вышел из-за барной стойки.

– Ждите здесь.

Абрахам кивнул, и Каджел спустился вниз, чтобы вооружиться. Сначала он прикрепил несколько кусков жёсткой кожаной брони, один вокруг шеи, остальные распределил по спине и груди. Затем он натянул своё длинное кожаное пальто и пристегнул к поясу несколько ножей, кастетов, и пистолет.

Взяв подозрную трубу Гершеля²⁶, он повесил на плечо пневматическую винтовку, вместе с патронташем дротиков и гранат. Винтовка оригинальной конструкции досталась ему от его деда, а тому от самого Бенджамина Франклина, поэтому он носил её с гордостью.

Хавьер тем временем оценивал пребывание в молодом теле. Чимальпопока нёс тяжесть и боль прожитых лет, и это было довольно странным опытом. Его влечение к той переводчице, Марине, также было странным. Каджел любил женщин тоже, но единственное, что болело у него – многочисленные травмы, полученные в сражениях и при обучении.

Поднявшись наверх, его вооруженный вид, казалось, испугал Абрахама в тот момент, когда Каджел прошёл мимо него и сказал:

– Пошли.

Он вывел Абрахама из бара на улицу. Члены банд двигались вверх и вниз по улице, некоторые из них толкали тележки с обломками кирпича и камней дорожной брусчатки, вооружаясь для битвы.

Каджел провёл Абрахама кварталом западнее с Доуэр на Перл Стрит и, увидев там Тощего Джо с его повозкой, свистнул ему.

²⁶ Уильям Гершель (15 ноября 1738 – 25 августа 1822) – английский астроном немецкого происхождения, известен открытием инфракрасного излучения.

– Я хочу, чтобы ты отвёз этого человека домой, – приказал Каджел ему. Тоший Джо посмотрел на Абрахама.

– Его?

– Это человек Босса Твида, – пояснил Каджел. – Какие-то проблемы?

– Сэр, я в самом деле могу добраться сам, – возразил было Абрахам, но Каджел проигнорировал его.

Тоший Джо пожал плечами.

– Никаких проблем, – сказал он. – Если он человек Босса.

– Хорошо.

Каджел был против рабства и не имел ничего против чёрного населения города. Они не были проблемой. Но он знал, что за адский денёк их ждёт завтра.

Великий Магистр был против рабства тоже. Он говорил, что это дестабилизирующая система, душащая прогресс. Но он был готов использовать вопрос об отмене рабства открытым, чтобы вогнать клин в трещину, разделяемую страну, и вернуть его в случае необходимости.

– Отвези его туда, куда ему нужно, – приказал Каджел Тощему Джо. – И смотри, чтобы он добрался туда целым и невредимым.

Абрахам забрался в экипаж, и Тоший Джо тронул лошадей вверх по Перл Стрит. После того как они повернули и скрылись за углом, пропав из поля зрения, Каджел вернулся к выполнению своего задания. «Астор Хаус» находился в полумиле отсюда и нескольких мирах дальше от «Дыры в стене».

Это было местом, где женщины искрились драгоценностями, словно работающий металлоплавильный завод, а мужчины пили из хрусталя, а не резинового шланга.

Каджел однажды мельком увидел меню. Шесть курсов блюд – суп, рыба, отварное жаркое, основное блюдо, печенье, и десерт, подающиеся каждую ночь в комнате с мраморными колоннами и столами на белоснежных скатертях. Беспечное существование обитателей Форты Уорда оставалось непоколебимым, поскольку мистеру Твиду были нужны деньги богачей, так же, как и мускулы уличных бандитов. Орден держал город в балансе.

Но иногда была необходима коррекция.

От Перл Стрит Каджел двинулся западнее Франкфорта, пройдя Таммани Холл, пока не достиг центрального городского парка и путей Гарлемской железной дороги.

Частью завтрашней стратегии станет разрыв железнодорожных путей в ключевых точках для предотвращения быстрого перемещения патрульных

или оружия. Это, плюс перерезание телеграфных линий сможет дать бандам преимущества, необходимые для захвата острова.

Каджел смог увидеть «Астор Хаус», вздымающийся над деревьями, как белая крепость, около южной части парка, где Парк Роу встречал Бродвей и шпиль часовни Святого Павла к югу от него.

Здесь он решил применить свои навыки скрытности, которые он получил от своего деда и отца, и начал карабкаться по ближайшей стене, используя трещины, уступы и водосточные трубы, пока не добрался до крыши. Подобные методы скоростного перемещения были традиционными умениями ассасинов, но Кормаки уже давно использовали тактику Братства против них.

Каджел пересёк Спрюз, а затем и Бикман, прыгая по крышам, огибая дымоходы и скользя по гребням крыш, разгоняя удивлённых птиц с их насестов.

Город под ним, ночное небо над ним.

Добравшись до Энн Стрит и Бродвея, прямо напротив часовни и отеля, он остановился и занял позицию, следя за происходящем внизу.

Вариус не использовал бы главный вход, как и сам Каджел, поэтому Каджел сосредоточил своё внимание на окнах и крыше, но после часа наблюдения не было ни следа ассасина.

Каджел решил сменить позицию на более выгодную, поэтому он спустился на улицу, пересёк Бродвей и прошёл через четыре колонны в передней части часовни Святого Павла.

Он забрался по облицовке угла юго-западной стены и залез на шпиль часовой башни, подобно тому, как это бы сделал ассасин.

Одно время шпиль часовни был самой высокой точкой на острове. Но теперь горизонт стали заслонять другие церкви, видимые в отдалении – Святого Марка и Троицы, будто пронзившие плоть города клинки. Каджел теперь заполучил господствующую позицию для наблюдения за «Астор Хаус», и ещё больше времени без признаков присутствия ассасина.

Несмотря на то, что ночь опустилась на город, он ещё не спал, дрожа в ожидании.

А затем Каджел увидел его. Он появился с запада и с лёгкостью забрался на отель. Он был вне досягаемости для пневматической винтовки, поэтому Каджел просто продолжил наблюдение за ним, не двигаясь, стараясь не выдать своё местоположение. Вариус был одет в длинное пальто «Парней из Бауэри», хотя и без их обязательного атрибута – бобровой шапки. Одежда имела важное значение, показывая

приверженность «Парням из Бауэри», которые были за Республиканцев и против Таммани, а, следовательно, и тамплиеров.

Хавьер по-прежнему нёсся через воспоминания Каджела, но он узнал одежду предка Оуэна. Часть Хавьера хотела крикнуть, предупредить, но так же, как и в случае с Дэвидом в «Дыре в Стене», это несло риск десинхронизации. Ассасин определённо знал, куда он должен попасть, судя по тому, как он обогнул угол, замер в какой-то определённой точке и перевесился через карниз. Затем он спустился и, как паук, забрался в какое-то тёмное окно.

Каджел гадал, что же ассасин искал в отеле. Великий Магистр сказал, что это что-то, обладающее невысказанной ценностью. Возможно, это какой-то предмет, или информация в каком-либо виде. В первом случае это «что-то» будет достаточно просто изъять, но второй вариант открывает более приятные перспективы. Для начала он отдубасит парня своими кулаками, ну а если не получится, то познакомит его со своими ножами. Но за его сознанием, Хавьер знал, за чем Вариус пришёл, или, по крайней мере, надеялся на это.

Кинжал. Частица Эдема.

Вот причина, по которой Хавьер позволяет Каджелу продолжить шоу. Как только он прочитал письмо от Великого Магистра, Хавьер знал – это предмет и был той причиной, по которой Монро положил их всех в Анимус.

Каджел начал действовать, и Хавьер снова отступил и вернул контроль сознанию тамплиера. Спустившись с крыши, он пересёк окутанный тьмой и ошетилившийся зубами надгробий Церковный погост. Достигнув дерева, он замер. Окно в поле зрения и хорошо просматривается, чистый выстрел. Каджел приготовил винтовку, зарядив её дротиком со снотворным. Падение с такой высоты могло убить ассасина, но Каджела это не волновало. Более того, он полагал, что изъять предмет, за которым пришёл ассасин, будет проще с мёртвого тела.

Прошло несколько душных минут без единого порыва ветра в ветвях над головой. Москиты проникли за воротник и за уши, но он не отводил взгляда от окна.

Наконец длинный сюртук ассасина показался из тени в глубине окна. Каджел дождался, пока мужчина подойдёт чуть поближе, собираясь забраться на крышу, и затем он выстрелил.

Пневматическая винтовка тихо хлопнула, дротик свистнул, но, когда он попал в цель, ткань одежды смялась внутрь, словно яичная скорлупа, и сюртук исчез из окна.

Каджел попался на приманку.

Проклиная себя, он закинул винтовку на плечо, забрался на дерево и перепрыгнул через забор Церкви на Визи Стрит. Спрыгнув на улицу и перекатившись, он побежал прямо к отелю и забрался к открытому окну. Но прежде, чем ввалиться внутрь, Каджел, повиснув на одной руке на подоконнике, достал дымовую гранату и бросил в окно. Не нужно было недооценивать ассасина, который, несомненно, ждал его.

Она взорвалась с приглушенным треском, и Каджел перепрыгнул через подоконник и, приземлившись на толстый ковёр, сразу же перекатился от окна, подальше от облака дыма, но сразу же понял, что он один. Ассасин уже сбежал, либо дымовая граната выкурила его из комнаты. В любом случае, Каджел должен найти его.

Он стал продвигаться вперёд, только при том свете, который пропускали шторы с улицы. Турецкий ковёр, рабочие и письменные столы, но пока ни одной догадки, кто бы мог здесь обитать. Две двери, та что слева, открыта, и Каджел пошёл туда.

Он вооружился двумя ножами, по одному в каждой руке, держа в уме тактику против излюбленного оружия ассасинов – скрытых клинков. Достиг двери он остановился прислушавшись, но так ничего и не услышал, ни дыхания, ни сердцебиения, поэтому он просто прошёл эту комнату, чтобы войти в следующую, тоже пустую, но роскошно обставленную. Над камином висела эмблема, военный крест со словами: «ОККУПАЦИОННАЯ АРМИЯ ГОРОДА МЕХИКО», образующими круг.

Эти комнаты принадлежали Ацтекскому Клубу, который Великий Магистр однажды подозревал в связях с Братством ассасинов. Но зачем тогда Вариусу вламываться к своим союзникам?

Каджел прошёл в следующую дверь, держа клинки наготове, очутившись в отделанных мрамором апартаментах. Следующая дверь была открыта уже справа, и она вела в обеденную комнату, а затем в библиотеку. Следов ассасина по-прежнему не было.

Вторая дверь в библиотеке привела его обратно в первую комнату, и Каджел тут же вспомнил, что эта дверь была закрыта, когда он вломился сюда через окно.

Ассасин обвел его вокруг пальца.

Каджел подбежал к окну и посмотрел вниз на пустую улицу, а затем сразу же наверх, как раз вовремя, чтобы увидеть, как полы сюртука ассасина скрылись за краем крыши.

Засунув ножи в ножны, он взобрался по стене отеля на крышу. Перевалившись через край, он сразу же нырнул в укрытие и стал прислушиваться. Рядом не было ни одного здания, чтобы перебраться на него по крыше, что означало одно – ассасин здесь, прячется в тени, в лабиринтах печных труб и световых люков.

– Я не знаю, что там у тебя в башке, – крикнул Каджел, его голос эхом разнёсся по крыше, – но ты мне не ровня! Мой дед выслеживал таких, как ты! Он превзошёл лучших из вас!

Наступила тишина.

Он услышал свист летящего ножа и бросился на крышу. Нож полетел вниз на улицу.

– Твой дед тоже был ассасином когда-то! – раздалось в ответ. Голос доносился откуда-то справа. – Он предал Братство и Кредо, которые он когда-то клялся защищать. И он был не более, чем трусом и предателем!

– Он никогда не предавал истину! Он никогда не предавал Орден тамплиеров! – Каджел перезарядил винтовку ещё одним дротиком со снотворным. – И он научил меня убивать таких паразитов, как ты!

Каджел знал, что ассасин мог создать видимость того, что его голос доносится откуда-то с другой стороны. Он закрыл глаза, успокоил дыхание и задействовал другие чувства.

Когда он услышал шелест ткани слева, то направил винтовку на звук всё ещё с закрытыми глазами, полагаясь на слух и другие чувства. И выстрелил.

Каджел услышал сдавленный хрип, открыл глаза и побежал к краю крыши, с которой упал ассасин.

ГЛАВА 11

Томми шагал по Бродвею, к дому, в котором он жил с тех пор, как вернулся с войны. Фешенебельное здание новейшей постройки, построенное у Мэдисон Парка, принадлежало его богатому старшему брату и его жене. У них не было детей, но было достаточно места, чтобы великодушно позволить ему остаться даже после того, как он выздоровел. Но он надеялся, что не будет и дальше находится под давлением их жалости. Не то, чтобы ему не нравилось жить с ними, но они абсолютно не понимали, через что прошёл Томми на войне. Временами, ему казалось, что в целом городе не было ни единой души, которая бы его поняла. Он чувствовал себя одиноко, даже в компании. Особенно в компании, и это знакомое чувство Шон знал и чувствовал очень хорошо, несмотря на радость «использования» ног Томми. Он был всё ещё в полицейской форме, только что закончив смену, и его присутствие на улице сейчас оказывало несколько иной эффект на пешеходов. Они смотрели на него искоса, и хоть и держались на расстоянии, всем видом показывали самоуверенность и враждебность.

Он видел «Парней из Бауэри» и «Тараканью Стражу», спокойно разгуливающих не на своей территории. Они шли по улице в одиночку или

группами, игнорируя своих заклятых врагов с мрачной решимостью. С собой они таскали дубинки, обломки кирпичей и камней, железные прутья и топоры. Что-то явно шло не так.

– Куда вы собрались с этим, парни? – спросил Томми ближайшего парня ирландской наружности, выдававшей в нём принадлежность к банде «Пять Точек»

– Я те отвечу завтра, – ответил тот с улыбкой, за которой прятался хищный оскал. – Зуб даю, отвечаю. – и он ушёл.

Томми мог задержать его, заставить рассказать правду, но было слишком поздно, он уже закончил смену в патруле и был один, а улицы были полны пособниками этого человека. Так что Томми просто продолжил свой путь домой.

Его старший брат преуспевал в бизнесе, и, пока Томми был на войне, он сколотил состояние, продавая снаряжение, которым пользовались Томми и его товарищи из Армии Содружества. Большинство из поставляемых на фронт вещей было бесполезно по прибытии. Ботинки, разваливающиеся на куски под дождём, рационы, уже пришедшие просроченными в консервных банках. Его брат уверял его, что не знал об этих дефектах, так же, как и в своём желании как-то компенсировать и загладить свою вину. И Томми хотел верить в его искренность.

Он дошёл до Юнион Сквер и проходил мимо высокой статуи Джорджа Вашингтона верхом на коне, когда услышал женский крик, зовущий на помощь. Томми отцепил от пояса полицейскую дубинку и помчался на север, через парк, а находящийся за сознанием Томми Шон испытывал возбуждение и подъём от развивающегося ветра в волосах и ударов сапог о гравий дорожки.

Когда Томми достиг дальней стороны парка, он увидел экипаж, судя по всему, приехавший сюда с Бродвея. Двое мужчин бандитской внешности стояли рядом с ним, а ноги ещё одного торчали из открытой двери. Кучер сидел так, будто ничего не происходило, а значит, он тоже участвовал в ограблении. Остальные пешеходы разошлись.

– Стоять! – воскликнул Томми, взмахнув дубинкой. – Полиция!

– Сайк, у нас тут коп! – крикнул один из стоящих на стреме, и двое остальных повернулись к Томми. У одного в руках была дубинка, у второго мясницкий нож.

Томми притормозил в полутора метрах от них, где он пару раз взмахнул своей дубинкой, разминая руку.

– Иисусе, да он здоровяк, не так ли? – спросил первый у остальных. – Поэтому они и падают с жутким грохотом.

– Думаешь, можешь завалить меня? – усмехнулся Томми. – Дерзайте, парни. Я из «Бродвейского отряда».

Бандиты сделали вид, что проигнорировали его слова. Но так и остались стоять на месте, перетаптываясь с ноги на ногу. Мужчина, который был внутри экипажа, выбрался наружу и прошёл между своих компаньонов. Его кровоточащий нос был определённо сломан. Женщина выглянула из экипажа позади них, её волосы были растрёпаны, но выглядела она невредимой. Даже метаясь внутри памяти Томми, Шон узнал певицу, предка Натальи.

– Я слышал, что нужно, по крайней мере, пятеро парней, чтобы вырубить свинью из «Бродвейского отряда», – главарь провёл пальцами по кастету с гвоздями. – Я держал пари на то, что мы сможем это сделать втроём.

– Я бы не поставил на вас, парни, – съязвил Томми, вставая в стойку.

Они набросились на него втроём, разом. Томми увернулся от мясницкого ножа, а его широкий взмах дубинки задел сразу двоих, одного по руке и в рёбра другому. Они отступили, и Томми впечатал кулак в челюсть бандита с кухонным ножом, ломая зубы. Он осел на землю, но остальные двое ринулись на Томми снова.

Томми увернулся от кастета, но пропустил удар дубинки в плечо, который его только пошатнул, но не нанес серьёзных повреждений. Собравшись с силами, он вернул нападшему удар своей дубинкой, которая переломила дубинку бандита пополам, заодно обездвигив руку, держащую оружие. Развернувшись ко второму, он ударил его по руке с кастетом. Поставленный блок только усугубил удар, закончившийся в итоге мешаниной сломанных костей в руке. Оба мужчины теперь катались по земле, стонав от боли.

– Осторожно! – закричала женщина.

Томми развернулся как раз в тот момент, когда лежащий на земле бандит со сломанными зубами собирался бросить в него мясницкий нож, но прежде чем тот покинул его руку, женщина вышла из экипажа и ударила его по голове своей даже на вид тяжело выглядевшей сумкой. Тело бандита осело кучей на землю.

Кучер, без сомнения, шокированный повернувшейся к нему спиной фортуной, стеганул лошадей и галопом умчался в сторону Бродвея.

– Что у вас в кейсе? – спросил Томми.

– Несколько фунтов золота, – ответила она, тяжело дыша. Она была красива, и удивительно миниатюрна, что не вязалось с ударом, который Томми только что видел. – И к счастью, золото тяжёлое, – улыбнулась она.

– Серьёзно? – спросил он. – Что вы делаете здесь с несколькими фунтами золота? В этот час? И без сопровождения?

– А что? – спросила она. – Или вы собираетесь вменить мне мою вину в том, что я была атакована?

– Ну, это выглядит...

– Это выглядит так, что если вы обвиняете жертву преступления, то вы должно быть из тех людей, кто возлагает вину за ужасающую жару на термометр, что является довольно любопытной гражданской позицией для полицейского.

Томми открыл рот, но сразу же закрыл, борясь с пытающейся прорваться наружу улыбкой.

– Возможно, вы правы.

– Конечно, я права, – ответила она.

– Но я думаю, что нам следует продолжить наш разговор где-нибудь в другом месте.

Томми пнул носком ботинка одного из лежащих и продолжающих стонать нападавшего.

– Позволите ли вы мне сопроводить вас до дома?

– Вы не собираетесь арестовать их?

– Судья не научит их ничему более полезному, чем тот урок, который преподал им я. Он окончен.

Она кивнула.

– Очень хорошо, тогда я была бы очень благодарна вам, если вы составите мне компанию. Вы не пострадали?

– Пара ушибов, – он поднял её кейс с золотом. – Какой адрес?

– Отель на Пятой Авеню, – сказала она. – Не так далеко отсюда, на самом деле.

Томми жестом предложил ей идти, и они двинулись к Бродвею, шагая близко друг к другу, образуя странную пару из-за разницы в росте.

– Вы выглядите знакомо, – сказал он. – но не могу понять, как.

– О, ну, моё лицо периодически появляется на постерах.

Её лицо определённо смотрелось бы на постерах, но он гадал, почему оно могло быть там. А потом он вспомнил.

– Ах, да, – вспомнил он. – Вы певица.

– Так и есть.

– Как вас зовут, могу ли я спросить?

– Аделина Патти. А вас?

– Томми Грейлинг, – сказал он. – К вашим услугам.

– Очевидно, – сказала она. – Их список довольно большой, я полагаю.

То, насколько кокетливо она это произнесла, заставило вспыхнуть щеки румянцем. Он приподнял кожаный кейс.

- Мисс Патти, часто ли вы одна перевозите несколько фунтов золота?
- Только, когда я получаю плату за выступление.
- Вы выступали сегодня? – спросил он. – Где?
- В «Ниблс», – ответила она.

Это был театр не для простых граждан. Подобные места брат Томми и его жена посещали при okazji. Единственным театральным представлением, на котором Томми был, это на кровавой мелодраме в Бауэри, которая ему не особо понравилась.

– «Метрополитен» прямо за следующей дверью с «Ниблс». Но вы решили там не оставаться?

– «Отель на Пятой Авеню» мне более нравится, – сказала она. – Вы знали, что у них есть вертикальная железная дорога?

– Простите, мисс?

– Эскалатор, – пояснила она. – Движимый паром. Он поднимает вас с земли на крышу. И кроме того, Женни Линд²⁷ останавливается в этом отеле.

– Кто такая Женни Линд?

– Вы не знаете своих артистов, не так ли? У неё изысканный голос, и она старше меня на несколько лет. Поэтому я не могу останавливаться в меньших отелях, чем она, иначе театральные менеджеры подумают, что я более дешёвая певица, чем она. То, что я делаю, это только наполовину талант. Остальное – аккуратная иллюзия.

Томми покачал головой.

– Вы с другого мира для меня, мисс.

– Как и вы для меня. Вы всегда были полицейским?

– Нет, мисс. – Томми не решался продолжать. Казалось, сделав это, он вернёт свой разум в опасное место, остающееся во власти хаоса, где смешалось прошлое и настоящее. И воспоминания о войне затягивали его туда. Едкий запах чёрного воздуха, повисшего в воздухе настолько плотной пеленой, что ничего не было видно в трёх метрах от тебя, ужасающие стоны и крики повстанцев, ощущение чего-то под ногами, но и без взгляда было понятно, что это чьи-то оторванные конечности и тела. Но ощущение её присутствия рядом успокаивало его, и он решил немного рассказать.

– До этого я был солдатом.

– В самом деле?

– Да.

– И вы сражались? В войне с Конфедератами?

Но затем она сразу же спрятала руки за спину.

²⁷ Йоханна Мария Линд, более известная как Женни Линд (6 октября 1820 – 2 ноября 1887) – шведская оперная певица, которую прозвали «шведским соловьём». Известна своими выступлениями в партиях сопрано в опере в Швеции, а затем и по всей Европе, а также в США. Член Королевской Шведской академии музыки с 1840 года.

– Простите меня. Вам вероятно не очень приятно говорить об этом.
– Нет, всё в порядке. – успокоил он её. – По правде говоря, я не так часто говорю об этом. Я сражался на той войне. Я был там до тех пор, пока меня не ранили.

Она вздохнула.

– Вы были ранены?

– Да, был, – он постучал по раненой ноге, поверх того места, где находился шрам. – Но пуля прошла мимо кости, поэтому я сохранил ногу. Многим, очень многим мужчинам так не повезло. И я боюсь, что ещё многим не будет везти в дальнейшем.

– Вы имеете в виду призыв?

Он кивнул.

– Это навело суматохи в городе.

Но дело было не только в этом. Обе стороны, и Содружество, и повстанцы, видели в любом успехе, и не важно, насколько незначительным он был, знак надежды на победу, но Томми боялся, что конфликт будет продолжаться ещё долго. Даже несмотря на недавнюю победу при Геттисберге²⁸, Ли и армия Юга не будут долго оставаться в Вирджинии.

– Я сейчас живу в Лондоне, – сменила тему мисс Патти. – Это лучше для моей карьеры, с тех пор как я часто езжу с гастрольями по Европе. Но это отдаляет меня от того, что происходит здесь.

– Вам нравятся гастроли? – спросил он, радуясь, что можно сменить тему для разговора.

– Временами да, – согласилась она. – Но бывает одиноко. Я почти постоянно окружена людьми, но всё же, я одинока. Разве это не смешно?

– Не для меня, – сказал Томми.

Она подняла голову, посмотрев на него, глядя на него изучающе до тех пор, пока он не почувствовал, что неловкий румянец снова не заливает его щёки.

– Нет, не для вас, – наконец произнесла она. – Я думаю, вы меня понимаете, а это редко кому удается.

Они дошли до парка у Мэдисон Сквер, и там был её отель, пятиэтажное здание, окруженное модными магазинами, закрытыми на ночь. Томми сделал пару шагов к отелю, но понял, что мисс Патти остановилась на тротуаре. Он повернулся к ней.

– Что-то не так, мисс?

²⁸ Битва при Геттисберге (1–3 июля 1863) – самое кровопролитное сражение в истории Гражданской войны: погибло более 40 тысяч человек. Ценой огромных потерь и кратковременного отступления Поттомаская армия Севера нанесла поражение Северовирджинской армии Ли. Наряду с осадой Висксберга считается коренным переломом в войне.

– Не хотели бы вы прогуляться со мной в парке? – предложила она и засмеялась, выглядев смущенно. – Я понимаю, что это звучит абсурдно в этот час. Но после произошедшего я навряд ли смогу уснуть. И мне нравится ваша компания.

Томми сглотнул. Он был в форме и технически всё ещё на службе, и, несмотря на то, что другие могли увидеть некую некорректность в её просьбе, его это не волновало. Каким-то образом ей удалось внести непринуждённость в его разум и спокойно отнестись к мыслям пойти в места, которые он обычно избегал.

– Я тоже наслаждаюсь вашей компанией, мисс Патти, – сказал Томми.

– Зовите меня, Аделина, – сказала она. – Тогда, вы прогуляетесь со мной?

– Сочту за честь, мисс Аделина.

Ощущения от этой симуляции восторгали Шона, и он позволял им нести его. Ему нравилось быть Томми Грейлингом, гордо шагая и участвуя в уличных драках. К тому же, он становился всё более и более осведомлённым о романтической стороне этой истории, и знал, что на другой стороне была Наталья. Она привлекала его, и он думал, что, возможно, их опыт здесь, в Анимусе, однажды позволит ей не замечать инвалидного кресла вне симуляции, но, думая об этом, становилось тяжелее расслабиться, чтобы продолжать двигаться через поток памяти.

Они вошли в парк, и мисс Патти сказала:

– Похожее место есть рядом с моим домом в Лондоне. Иногда я гуляю там поздно ночью.

– Почему ночью? – спросил Томми.

– Тишина, – ответила она. – Нет зрителей. Нет людей. Даже моего голоса нет.

– Я постараюсь тогда не мешать тишине.

– Вы и не мешаете.

И всё же ни один из них не говорил несколько следующий минут. Они просто шли в одиночестве по одной из дорожек парка, дубовые, березовые и кленовые ветки были абсолютно неподвижны, будто ночная жара изгнала прохладу и ветер. Звезды над ними должны были бороться со светом огней от отеля и фонарей уличного освещения, чтобы быть увиденными. Не так далеко отсюда находился дом брата Томми. В этот момент он упомянул об этом, и они стали говорить о своих семьях и своём детстве, которое у них сильно отличалось. Она родилась в Испании, её родители, итальянцы, приехали в Нью-Йорк, когда она была маленькой девочкой. Он родился в Бруклине, его дедушка и бабушка приехали из Германии сразу же после свадьбы. Они провели вместе часы, гуляя по парку, по одному и тому же пути снова и снова.

Когда первые рассветные лучи показались сквозь здания и кроны деревьев на востоке парка, мисс Патти объявила, что она чувствует себя уставшей и присела на скамейку. Она положила свою ладонь на место рядом с собой.

– Пожалуйста. Присядьте рядом со мной.

Томми кивнул и сел, положив кожаную сумку на землю.

– Простите меня, если мой вопрос покажется вам грубым, но вы всегда получаете так много за выступление?

– Всегда, – подтвердила она. – Без исключений.

– Сколько здесь?

– Четыре тысячи долларов в золоте, – отчеканила она без колебаний. – Ещё тысяча наличными.

Томми снова посмотрел на сумку.

– Это...

Но он не продолжил, а только покачал головой. В этом кейсе было гораздо больше, чем Томми заработал за всю свою службу в армии, и это выглядело одновременно правильно и неправильно.

– Это хорошо для вас, – наконец выдавил он.

Она нахмурилась, и в тенях от ветвей деревьев черты лица стали резче.

– Я не стану извиняться за это.

– Я и не прошу вас.

– Но я вижу ваше осуждение.

– Я не осуждаю вас, – сказал он. – У вас есть право объявлять ту сумму, которую люди готовы заплатить. Если я и не одобряю кого-то, то только этих людей.

Её выражение смягчилось.

– Вы не слышали, как я пою, – сказала она, оправив платье на коленях.

– Но я понимаю вашу позицию.

– У меня нет позиции.

– Да, у вас она есть. Я говорю себе, что моя музыка несёт какие-то последствия людям, – она посмотрела вниз на ногу Томми. – Но одна единственная пуля стоимостью в пару пенни и та несёт в себе последствий больше, чем все мои песни вместе взятые.

– Разрушать что-то всегда выходит дешевле.

– На что похожа война? – спросила она. – Я чувствую, что должна знать.

Томми восхищался её стремлением и её честностью. Искренняя прямота в её вопросе, не смотря на наивность, заставил его напрячься в поисках ответа.

– Я вступил в Четырнадцатый регулярный полк из Бруклина. Это была первая битва при Булл–Ране. Повстанцы заняли высоту, которая называлась Спринг Хилл, и нам было приказано взять её. Но они там окопались, и у них было больше орудий. Мы наступали несколько раз и несли большие потери. Их гаубицы рвали нас на куски. – Томми остановился на мгновение, держа себя от падения в пучину воспоминаний о той резне. Он прочистил горло. – Холм получил имя Генри из-за семьи, которая жила там. Доктор, кажется. Он уже скончался, но его вдова всё ещё жила в том доме на холме, прямо посреди битвы. Ей было около восьмидесяти. Она была инвалидом, прикована к постели.

Мисс Патти прикрыла рот руками.

– Она была в доме?

Томми кивнул.

– Командир одной из батарей, Рикеттс, думал, что огонь вёлся по нам из этого дома, поэтому он развернул стволы орудий на него. Взорвал его к чёрту артиллерийским огнём. Миссис Генри была...

Он остановил себя, не зная, как много деталей рассказать ей.

Но мисс Патти положила свою маленькую, тёплую ладонь поверх его и крепко сжала её.

– Пожалуйста, скажите мне.

– Она... она очень серьёзно пострадала. Я помню, что одна из её ног была почти полностью оторвана. Она умерла позже, в тот же день. И в этом доме не было ни следа повстанцев. Она была просто одинокой престарелой вдовой. И мы убили её.

Голос Томми пошёл хрипами, почти сломавшись под тяжестью посмертных угрызений совести.

– Вот какая война на самом деле, мисс Аделина. Я могу ответить на ваш вопрос только этой историей, и бесчисленным количеством историй, подобной этой. Война – это звучное и большое слово, но пишется оно всего несколькими буквами, и каждая жизнь, так же, как и каждая смерть, имеют значение.

Только сверчки заполняли наступившую тишину.

– Спасибо вам, что рассказали мне, – сказала она, её голос опустился практически до шёпота. Она посмотрела вниз на кожаную сумку.

– Что бы вы сделали с этими деньгами?

Томми не хотел отвечать. Он подозревал, что она захочет отдать эти деньги ему, тронутая его словами о беспокойстве за его товарищей по оружию. Но не поэтому он рассказал ей обо всём, ему не нужна была эта ответственность также, как и её жалость.

– Поставлю всё на чёрное, – отшутился он.

– Не поставите, – ответила она. – Пожалуйста, ответьте мне честно.

– Честно? – он немного отодвинулся от неё. – Были люди, из тех, с кем я пришёл с войны, в более худшем состоянии, чем я. Они потеряли ноги или руки, или же всё сразу. Они не могли работать, и их семьи старались изо всех сил. Некоторые из них находятся в отчаянном положении. Я бы использовал эти деньги, чтобы помочь им.

Она решительно кивнула.

– Я хочу, чтобы вы взяли их. Я хочу, чтобы вы сделали то, о чём только что говорили.

– Мисс Аделина, я...

– Пожалуйста, просто Аделина.

– Аделина, – поправился он. – Это очень щедро с вашей стороны, но...

– Но что?

Он посмотрел в её глаза и не усомнился ни на секунду в её искренности. Ни одно из его возражений не стоило сейчас той решимости и почтения, которые были в её глазах.

– Ничего, – сказал он. – Это удивительно.

– Это ничто, – ответила она. – Если бы я могла...

Движение в юго-западной части парка прервали её. Встав, Томми увидел, как шумная толпа мужчин и женщин шла на север по Бродвею, к верхней части города. Они несли с собой оружие – вилы, дубинки, топоры и ножи... и транспаранты с надписями «НЕТ ПРИЗЫВУ», написанные неровными буквами. Колонне потребовалась целая минута, чтобы пройти. Их количество превышало сотню.

– Куда они идут? – прошептала Аделина.

– Похоже на акцию протеста, – сказал Томми, но он знал, что ситуация была гораздо хуже. Вся ночная активность проявилась сейчас, он сразу же вспомнил слова бандита из «Пяти Точек».

«Я те отвечу завтра. Зуб даю, отвечаю».

Что бы ни происходило, это всё спланировано. Более тревожно становилось от того, что всем этим кто-то управлял, собрав банды Бауэри, Пяти Точек и Четвёртого Района²⁹ и поставив их под одно знамя, сплотив против общего врага.

– Это бунт, – сказал Томми, и, по всем признакам, этот, скорее всего, будет самым худшим из всех, что пережил город.

– И армия не сможет его подавить?

²⁹ Банда Скотобойников (Slaughter House gang) – банда, орудовавшая в Четвертом Районе (Fourth Ward) с 1840-е по конец 1860-х. Известна тактикой заманивания горожанина в бар, где его грабят, а иногда и убивают. Но если горожанин отказывался идти в бар, то бандиты его выслеживали до тех пор, пока он не доходит до окна, где женщина-соучастница швыряет в него пеплом из ведра, ослепляя его, затем его проталкивают в помещение, где жертву грабят вчистую, вплоть до верхней одежды, а затем горожанина вышвыривают на улицу.

– В городе нет армии, – ответил Томми. – Все полки, которые дислоцировались в городе, получили приказ выдвинуться к Пенсильвании. Полиция – это всё что осталось здесь.

– О Боже, – выдохнула Аделина.

Каждый патрульный будет нужен, Томми не сомневался в этом. Но было то, что он собирался сделать прежде.

– Мне нужно доставить вас куда–нибудь в безопасное место, – сказал он ей.

ГЛАВА 12

Вариус сидел в одиночестве за столом в пивной в Атлантик Гарденс. Выпивка перед ним стояла нетронутой, люди, окружающие его, были невероятно молчаливы. Никто не обращал внимания на пианиста или танцоров, сосредоточившись на планировании и серьёзных обсуждениях.

Он пытался удержать «Парней из Бауэри» от участия в надвигающемся восстании, но потерпел неудачу. Его влияние на Кузнеца Рэдди, их лидера, тоже имело свои пределы, и, в конце концов, банды Бауэри сформировали малообещающий и хрупкий альянс с бандами из Пяти Точек и речными пиратами в общем участии против призыва.

Такое развитие событий изменило повестку дня Братства, и Вариус теперь ждал в назначенном месте встречи, в ожидании новых приказов, хотя он не был уверен ни в том, как они будут доставлены, ни в том, как будет рассматриваться его провал.

Из всех предполагаемых способов связи, ни один из них не включал в себе личного присутствия Наставника, который только что зашёл в пивную, опираясь на свою трость с серебряным наконечником. Хоть он и был чернокожим в городе, где чёрных ненавидят, Наставник не выдавал ни

знака страха или покорности, и Вариус соболезнавал каждому, кто попробует нагрубить ему. Он носил синее бархатное пальто цвета глубокого моря, с сочетающимся цилиндром на бритой голове и золотой китайской монетой в мочке левого уха.

Заметив Вариуса, он пересёк комнату и сел за стол.

– Наставник, – поприветствовал Вариус тихо.

– Ты когда-нибудь видел, как столько людей так серьёзно занимаются уничтожением самих себя? – спросил Наставник.

– Это не их вина, – попытался их оправдать Вариус. – Тамплиеры годами работали через Таммани, чтобы добиться этого.

– Мы должны были это предвидеть, – Наставник оглядел пивную. – Мы должны были предотвратить это. *Ты* должен был сделать что-нибудь.

Вариус винил себя такими же словами, но никогда не слышал их ни от кого в Братстве, не говоря уже о Наставнике. Позор опустил его голову ниже.

– Я сожалею, – прошептал он. – Могу я спросить, что привело вас из Вашингтона?

Приход Наставника означал нечто большее, чем затеваемое восстание. Вариус начал думать, что его отзывают.

Наставник поднялся из-за стола.

– Давай продолжим разговор где-нибудь в другом месте.

Вариус кивнул и, поднявшись, последовал за Наставником к выходу из пивной, где они свернули на юг. Бандиты растекались по улице, выбегая и заходя в дома и притоны, выполняя поручения своих главарей, накапливая оружие и доставляя послания.

– Мятаж – это грязно, но эффективно, – объяснил Наставник, отбивая тростью в такт шагам по брусчатке мостовой. – Отдаю им должное.

– У нас есть скрытые клинки, – сказал Вариус. – У тамплиеров есть сила денег и толпы.

– Они уже пытались провернуть что-то похожее в Париже.

– Это другое, – возразил Вариус. – Люди здесь не восстают против знати. Они презирают президента и политику. Если бы город отозвал призыв...

– То тамплиеры бы нашли другой способ разжечь пламя. Толпа – грубое орудие, но Орден хорошо умеет ею управлять.

Они достигли дома 42, клуба «Парней из Бауэри», но, вместо того, чтобы пройти внутрь, Вариус повёл Наставника дальше, в переулок, где была дверь, ведущая в подвал. Зайдя внутрь, они попали в узкий коридор. Немного пройдя внутрь, оказавшись у ещё одной двери, Вариус вставил специальный ключ в замок и, повернув его определённым образом, открыл

вместо двери секретный проход в кирпичной стене рядом. Этот путь вёл вниз, в логово Вариуса.

– Не помню, чтобы я был здесь с тех пор, как всем заправлял твой отец, – сказал Наставник.

– Он всегда хорошо о вас отзывался, – заметил Вариус.

Толстые деревянные столбы внутри комнаты поддерживали каменный арочный потолок, газовые лампы, развешанные вокруг, мерно мерцали, ведущие к ним трубы змеями вились по всей комнате. Письменный стол, книжный стеллаж и стойка со снаряжением и бронёй Вариуса, вот и всё убранство. Наставник подошёл к столу и, широко расставив руки, опёрся на него ладонями, вдавив их в дерево.

– Завтра Нью-Йорк будет гореть.

Вариус сделал шаг к столу.

– Наставник, я могу остановить...

Он поднял руку.

– Нет. Ты позволишь этому произойти. Ты ничего не сможешь сделать, чтобы остановить это. Битва уже проиграна.

В комнате словно стало жарче. Вариус вытер пот со лба.

– Как я могу искупить свою вину?

– В твоём искуплении нет нужды. Дело не в тебе и не в твоём великом наследии. Мы должны переключить своё внимание на другую задачу, чтобы выиграть более важную битву.

– Какую?

– Частица Эдема.

Оуэн, внутри разума Вариуса, напрягся. Он и остальные сели в Анимус, чтобы найти эту реликвию, и, похоже, у его предка была такая задача. Оуэн предполагал, что Монро сейчас слушает и наблюдает за ним.

– Артефакт? – спросил Вариус. – Один из них у вас?

– Мы знаем, что один из них сейчас в Нью-Йорке.

– Где?

– В «Ацтекском Клубе», – сказал Наставник. – «Астор Хаус». Это кинжал, принадлежащий в своё время Эрнану Кортесу.

– Если вы знали об этом, – спросил Вариус, – почему никогда не говорили мне? Простите меня, конечно, но почему мы оставили этот артефакт здесь?

– Мы только недавно получили подтверждение его существования. Члены «Ацтекского Клуба» не знают, чем они обладают, иначе мы, возможно, обнаружили бы его раньше. Они относятся к нему с суеверием, для них это, в некотором роде, тотем. Они не должны были заполучить его, как это, собственно, и произошло.

– Что вы хотите, чтобы я сделал?

– Ты должен его украсть. Ночью. Вывези из города и доставь генералу Гранту в Миссисипи. Он один из членов «Ацтекского Клуба», так что он узнает его. Ты должны убедить его в важности этого артефакта, не раскрывая его свойств.

– Улиссу Гранту?

– Да, с его захватом Виксберга, мы верим, что он – лучший шанс для победы Содружества, и самый сильный кандидат для оппозиции генералу Ли. Но Линкольн должен поверить в него. Его солдаты должны поверить в него. Север должен поверить в него, – наставник шагнул к Вариусу. – Если Конфедераты победят или даже вынудят пойти на мирные переговоры, тамплиеры получат контроль над всей страной. Ты понимаешь?

– Я понимаю.

– Всё, чего мы добились. Всё, за что моя бабушка сражалась в Новом Орлеане. Всё это будет потеряно.

– Я не подведу вас, Наставник.

Наставник кивнул.

– Я надеюсь, что нет, Вариус. И если кто-то встанет на твоём пути, упокой их душу.

– Да, Наставник.

– Ты молод, но у тебя такой потенциал. Ты сын своего отца, и Братство с тобой.

Наставник ушёл, оставив Вариуса с чувством одиночества, к которому он уже давно привык. Смерть отца сделала его единственным ассасином, работающим в Нью-Йорке, что Наставник поддерживал, избегая таким образом внимания тамплиеров из «Таммани-Холл», оставляя Вариуса наедине со своим наследием и честью. Его отец был успешен, практически в одиночку сдерживал Орден в бухте города. Этот бунт был провалом Вариуса, свидетельством его недостатка – чувства личной ненависти, вызванной махинациями политиков Таммани.

Вариус пересёк комнату, в сторону оружейной, чтобы экипироваться. Хотя более новая конструкция наруча уже использовалась в Англии, с дротиками и выстреливающим шэнбяо, Вариус отдавал предпочтение простому скрытому клинку, который уместился под рукавом пальто. Он прицепил к поясу с дюжину метательных ножей, взял револьвер, и сунул в карман пару кастетов. Также прихватил набор отмычек, но оставил высокую бобровую шапку.

Поднявшись на улицу, он проследовал на запад Баярда, который обычно был вражеской территорией. Но сегодняшней ночью, в связи со временным перемирием, он направился на юг Бакстера, вплоть до Парадайз

Сквер, жестокого и злобного сердца «Пяти Точек». Здесь «Тараканья Стража» и остальные банды собирали свои силы, и, хоть Вариус и обратил на себя внимание и услышал несколько ирландских ругательств, адресовавшихся ему вслед, ни один ни бросил ему вызов. Отсюда, он проследовал на запад Ворс Стрит, пересёк Бродвей и снова повернул на юг, на Церковную улицу.

Затем, забравшись по стенам, он поднялся на крышу, откуда быстро побежал по крышам, двигаясь плавно и беззвучно. Быстро преодолев девять кварталов, он достиг Барклая и оказался перед «Астор Хаус», рядом с часовней Святого Павла, которая стояла южнее. Часовня возвышалась над городской жарой, и Вариус почти пожалел, что ему не придётся забираться на неё, чтобы осмотреть окрестности. Вместо этого он сосредоточился на отеле, задействовав свои чувства, чтобы обнаружить то, что находилось внутри «Ацтекского Клуба».

Его Орлиное Зрение никогда не было таким сильным, как он хотел, но Вариус никогда не позволял этому факту заставлять себя чувствовать более плохим ассасином нежели, чем те, у кого дар был более мощным. Он обладал достаточной силой, чтобы найти Частицу Эдема. Подобный объект будет излучать явное сияние, если знать, как смотреть.

Вариус сосредоточился на здании, контурах холодного и безжизненного камня, кирпичах, строительном цементе, брусках и металле. Он вглядывался в самое сердце здания, до боли напрягая глаза, стараясь обнаружить ту силу, которая исходила от реликвии.

Прошло несколько мгновений. И он обнаружил её. Слабую вибрацию, будто что-то колеблется за изнанкой мира. Это была Частица Эдема, и она покоилась на пятом этаже.

Вариус спустился вниз со своей высокой позиции, пересёк улицу и стал забираться на крышу отеля. Каждый шаг по уступу приближал его к артефакту, всё ближе и ближе, пока он не точно не узнал, где артефакт, встав прямо над ним. Спустившись по стене, он нашёл открытое окно на пятом этаже.

Внутри комнаты было темно, толстый турецкий ковёр стелился под ногами. Стол расположился рядом с камином, окруженный мягкими креслами и письменным столом рядом. Частица Эдема была не в этой комнате, поэтому Вариус направился в комнату слева, следуя своему чутью и пульсирующей энергии артефакта.

Следующая комната была большей, чем первая, с тремя столами и стульями, стоящими у трех стен.

Четвёртую стену занимал большой камин, над которым висел герб «Ацтекского Клуба». Сувениры и памятные подарки выстроились в ряд на

каминной полке, как и часы, пистолеты и медали. Среди них Вариус увидел кинжал.

Он пересёк комнату и взял его, почувствовав поток энергии от кончиков пальцев до руки. Его конструкция была довольно любопытной. У него не было гарды, лезвие было слегка искривленно, с острой гранью около рукояти, почти такой же, как у зубца гарпуна. Рукоять была обернута кожей и скреплена золотой проволокой, но сама форма была удлиненной, словно её целью было удержание лезвия в руке.

Наконечник, пожалуй, был самым примечательным, он образовывал треугольник с острыми углами, которые, судя по всему, должны были соединяться с чем-то. Вариус пришёл к выводу, что это не было кинжалом, а сломанной частью гораздо более крупного оружия.

Он достал кусок шёлка из пальто, аккуратно завернул в него оружие и положил в карман. Затем он вышел из комнаты и направился к окну, через которое он вошёл.

Но подойдя к нему, он почувствовал то, что до этого заглушала энергия Частицы Эдема.

Его обнаружили.

Но если бы наблюдатель был из отеля, или просто обычным прохожим, он бы уже поднял крик, указывая на взломщика. Вместо этого, наблюдатель сохранял тишину, наблюдая за ним.

Это не мог быть простой прохожий. Вариус должен был что-то предпринять, заставив его преследователя действовать в открытую, чтобы понять, с чем он столкнулся, и не быть застигнутым врасплох с Частицей Эдема в кармане. Он подкрался к окну и выглянул из тени, потянувшись Орлиным Зрением.

Человек, сидевший внизу, на кладбище часовни Святого Павла, ждал его. Вариус снял пальто и выставил его из окна, будто он собирался вылезти и забраться по стене на крышу. Человек выстрелил в него, и, спустя мгновение, дротик ударил в ткань приманки.

Вариус засунул дротик в карман, аккуратно, не забывая о кончике иглы, встряхнул пальто и снова надел его. Человек внизу был тамплиером, и не обычном тамплиером, а Охотником. Тем, кто тренировался как ассасин, чрезвычайно грозный противник.

До Вариуса доходили слухи, что один из них в Нью-Йорке, и при других обстоятельствах, он охотно бы столкнулся с ним в прямом бою. Но сейчас риск попадания Частицы Эдема в руки тамплиеров, если столкновение обернётся его поражением, был слишком велик.

Он отступил вглубь комнат «Ацтекского Клуба» и достиг мраморной лестницы, как услышал звук взрыва дымовой гранаты. Он подождал, пока Охотник не достигнет комнаты с большим камином, прежде чем выскользнуть в другую дверь, в обеденную комнату, а затем в библиотеку. Когда он услышал шаги Охотника на холодном мраморном полу, Вариус открыл дверь библиотеки в первую комнату и бросился к открытому окну через ещё висящее дымное облако.

Он выскочил наружу и забрался по наружной стене на крышу. Через минуту его ноги ударили по гравию, и он нырнул в укрытие за ближайший дымоход. Множество их было на крыше, образующих кирпичный лабиринт, в котором он мог спрятаться.

Спустя мгновение сапоги охотника ударили по крыше.

– Я не знаю, что там у тебя в башке, – крикнул он, и Вариус понял, что его преследует мужчина. – Но ты мне не ровня! Мой дед повергал таких, как ты! Он превзошёл лучших из вас!

Это могло означать лишь одно. Охотник был потомком Шэя Патрика Кормака, величайшего предателя Братства, убившего ассасинов, доверявших ему, и сделавшего инвалидом своего собственного Наставника.

Вариус дал волю внезапно поднявшейся волне гнева, снял с пояса метательный нож и отправил его в полёт, но Охотник вовремя пригнул голову.

– Твой дед тоже был ассасином когда-то! – крикнул в ответ Вариус, направив свой голос влево, затеряв его в эхе от печных труб и световых окон. – Он предал Братство и Кредо, которые он когда-то клялся защищать. И он был не более, чем трусом и предателем!

– Он никогда не предавал истину! – заорал Охотник. – Он никогда не предавал Орден тамплиеров!

Теперь, когда Вариус лучше узнал своего противника, он почувствовал, что нужно спешить. Этот Охотник мог превзойти его, и в этом случае, побег был единственным выходом. Частица Эдема не должна попасть в руки Таммани.

Он беззвучно пробежал к краю крыши, но услышал звук винтовки Охотника, прежде чем достиг её. Дротик ударил его в бок, и Вариус знал, что у него остались считанные секунды до того, как токсин начнёт действовать. Он предпринял отчаянный спуск, наполовину контролируемый, наполовину свободное падение, лишь цепляясь кончиками пальцами за стену на пути вниз, замедляя его падение.

Вариус тяжело ударился о землю, но вскочил на ноги, ничего не сломав. Он выдернул дротик, попавший в кожаную стропу его ножен. Значит, игла не полностью вошла в кожу, и, возможно, он получил неполную дозу. Хотя

он уже начал чувствовать что-то. Земля стала рыскать под ногами, а здания грозили обрушиться на него. Сейчас он был слишком уязвим, чтобы сражаться.

Шатаясь, Вариус пересёк Бродвей, и дальше, направился вниз по Энн Стрит, в ближайший переулок, где он скрылся в тени. С этой позиции он наблюдал, как Охотник спустился на улицу и стал смотреть во все стороны. Он подошёл к Бродвею и пересёк его, но затем остановился, будто неуверенный в том, что делать дальше. Вариус подумал, что он, возможно, сможет уйти от Охотника.

Люди всё также шли вверх и вниз по оживлённой улице, готовясь к завтрашнему бунту. Охотник не обращал на них никакого внимания, доставая что-то из своего кожаного пальто. Увидев, что это, Вариус в отчаянии закрыл глаза. Шпионский телескоп Гершеля, позволяющий видеть тепло живых тел в темноте. Вариус попытался побежать, но осознал, что его ноги буксуют и отказываются ему подчиняться. Он посмотрел на них, и ему казалось, что это не его конечности. Токсин настиг его нервы и мышцы.

Охотник медленно обвёл пространство вокруг подозрной трубой и остановился, глядя прямо на Вариуса. Убрав подозрную трубу, он скользящим движением зарядил винтовку. Вариус ничего не мог сделать, кроме как смотреть, как Охотник поднимает винтовку, прицеливается и, наконец, стреляет в него. Дротик попал в плечо, погрузившись в этот раз полностью, но ощутив больше давление, нежели боль. Через несколько секунд сознание начало меркнуть, ощущения самого себя и присутствия стали пропадать, но осталось понимание, что он подвёл своего отца и Братство уже во второй раз.

Вскоре неясная фигура встала над ним и начала говорить. Под утекающим сознанием Вариуса, Оуэн узнал предка Хавьера.

– Мой дед убил бы тебя, – произнёс Охотник. – Я думал, что тоже тебя убью. До этого момента. Я Каджел Кормак, и я бы предпочел, чтобы ты жил с этим позором.

Сознание Вариуса заволокла беззвёздная и безлунная ночь, и для Оуэна симуляция стала полностью чёрной. Он плавал в пустоте, как в Коридоре Памяти, но если там ощущалось хоть какое-то присутствие, то в этом месте была только пустота.

– Что произошло? – спросил он в никуда.

– *Твой предок находится в бессознательном состоянии*, – раздался в ушах голос Монро. – *Но он не мёртв, иначе симуляция уже бы закончилась.*

– Тогда что мне делать?

– Ждать. Если бы ты был в симуляции один, то я бы смог перемотать этот участок, но я должен держать тебя на одной скорости с остальными.

– Я видел её, – сказал Оуэн. – Я держал в руках Частицу Эдема.

– Я знаю.

– Но теперь она у Хавьера.

– Не у Хавьера. У его предка. Важно не забывать об этом.

– Это сбивает с толку.

– О да.

– Но в любом случае, теперь мы знаем где она, правильно? Мы скоро закончим с симуляцией?

– Я боюсь, что нет, – возразил Монро. – Это воспоминание далеко от завершения.

ГЛАВА 13

Абрахам никогда бы не произнёс этого вслух, тем более в присутствии Элизы, но он был рад, когда экипаж привёз его к дому мистера Твида. Дэвид тоже. Его старые кости словно цеплялись друг за друга острыми концами, что было довольно странным и неприятным ощущением для него. Но Абрахам не мог остановиться и жаловаться на суставы, потому что поклялся никогда не жаловаться.

— Быть большому пожару завтра, — произнёс Тощий Джо через плечо. — Гигантскому, на самом деле.

— Да, я слышал, — ответил Абрахам.

— *Итак, — раздался голос Монро в ушах Дэвида, — ты сейчасходишь в другую часть экстраполированных воспоминаний. На некоторое время этот пустой промежуток будет заполнен историческими данными и воспоминаниями других людей, в комбинации с твоей прошлой жизнью, на которую влияли гены. Просто спокойно сиди, попробуй делать то, что делал бы Абрахам. Помни, у тебя есть пространство для манёвра, но, если будешь вести себя совсем не как твой предок, то есть риск десинхронизации.*

– Тебе повезло, что Босс приглядывает за тобой, – сказал Тощий Джо, с едва уловимой угрозой, скрывающейся за его словами.

– Это почему? – спросил Абрахам.

– Завтра будет тяжелый для негров день.

Дэвид не был уверен в том, как понимать это заявление. Мистер Твид предупреждал его о подобном ранее, и прежде чем он подумал о том, может ли сказать такое Абрахам, Дэвид спросил:

– И всё это приемлемо для вас?

Тощий Джо нахмурился, и симуляция пошла глюками.

– *Воу, – опешил Монро. – Что я только что говорил? Ты должен оставаться в роли. У тебя всё ещё есть пересечение в будущем с остальными, и ты должен быть с ними, но у тебя это сделать не получится, если так и будешь выводить его из себя до того момента, как он сделает что-то с тобой.*

– Приемлемо? – переспросил Тощий Джо. – Ты это спрашиваешь у меня, приятель?

– Я просто спросил, считаете ли вы, что это наша вина.

– Я не знаю, считают ли себя негры виноватыми, но, ради Бога, не за них ли сейчас идёт война, а? Бедных людей призывают сражаться и умирать за негров, которые получают их работу. – его голос стал звучать громче и обвиняюще. – Эти негры стали причиной всех их проблем, и, видит Бог, завтра мы покажем им.

Дэвид знал, что Абрахам ничего бы не сказал на это и держался тихо, не чувствуя себя в безопасности внутри экипажа, несмотря на приказы Каджела. Но Дэвид ощутил поднимающийся гнев, который потихоньку рос с самого начала симуляции, гнев на этот идиотский расизм, и он не смог удержать в себе слова:

– Может, вам стоит заняться своими проблемами...

Симуляция словно завизжала и начала искривляться. Дэвид почувствовал, будто он сам разрывается на части, истончаясь и превращаясь в ничто. Что-то резко стало давить на его разум, и он закричал. Это не помогло. Всё стало чёрным, ни симуляции, ничего, и он подумал, что умирает...

– *Расслабься, – успокоил Монро. – Это случилось. Ты десинхронизировался.*

С Дэвида стянули шлем, и он снова оказался на складе, свет потолочных ламп которого выжигал его глаза. Внезапно накатило головокружение, хуже, чем когда-либо. Желудок свело, и его самого

скрутило. Монро уже держал наготове ведро, и Дэвида стошнило в него. Потом ещё раз. И ещё.

– Это тяжело, – сказал Монро, протягивая ему полотенце, чтобы вытереть рот. – Десинхронизация вносит сумятицу в теменные доли мозга, отвечающие за твоё ориентирование во времени и пространстве. Это пройдёт.

Дэвид никогда не чувствовал себя так плохо. Это было словно самое отвратительное головокружение после самых отвратительных американских горок. Он наклонился над ведром в четвёртый раз, но дальше позывов дело не пошло, и он откинулся на спинку кресла, тяжело дыша. Потолок с комнатой кружились вокруг него, и он сражался с болью, вгрызающейся в его череп. Остальные сидели в своих креслах вокруг него, не обращая ни на что внимания, и пугающие осознанием того, что они были не совсем *здесь*.

Новая волна боли накрыла его, и он застонал:

– Я не хочу это делать снова, никогда.

– Я не виню тебя, – сказал Монро.

– Я всё испортил?

– Пока нет. Но нам нужно вернуть тебя. Скоро будет пересечение с остальными. Пока этого не произошло, симуляция будет держаться.

Дэвид не был готов. Но он знал, что у него нет времени на подготовку. По крайней мере, в желудке не осталось, что извергать.

– На самом деле, в симуляции тебе станет лучше, – заверил Монро. – Часть твоего мозга всё ещё думает, что ты там.

– Тогда давай сделаем это, – прошептал Дэвид, и Монро помог ему надеть шлем. Накрывшая его темнота обуздала чувство вращения.

– *Сначала я загружу тебе Коридор, а потом полноценную симуляцию. Ты уверен, что готов?*

– А это имеет значение?

– *На самом деле, нет.*

– Тогда давай.

Визор шлема загорелся, и через секунду Дэвид оказался в сером тумане Коридора Памяти, в старом, но уже знакомом теле Абрахама. Монро был прав: ему стало лучше, он будто встал под горячий душ после купания в холодной воде. Головокружение остановилось, и боль стала утихать.

– *Лучше?* – спросил Монро.

– Немного.

– *Хорошо. Симуляция готова. Анимус заново откалибровал воспоминания, исключив ту расистскую часть. Но будь осторожен, окей?*

– Окей.

Дэвид больше не нуждался в предупреждениях о десинхронизации. Пережитый опыт подсказывал ему держаться подальше даже от возможности её начала.

– *Тогда, поехали. Три, два, один...*

Дэвид снова ехал в экипаже, и Тощий Джо вёл его, будто ничего не произошло. Дэвид не проронил ни слова по пути к дому мистера Твида, используя тишину, чтобы вернуться в разум своего предка. Он прислушивался к Абрахаму, словно малец, сидящий на коленях у старика, и чем дальше он слушал, тем лучше себя ощущал, чувствуя, как головокружение и головная боль уходят. Вскоре он начал чувствовать себя даже лучше, чем до синхронизации.

Проезжая по ухабистому Бауэри, обнаружился мешок с грязными булыжниками в углу экипажа, подпрыгивающий на кочках. Абрахам с волнением смотрел на происходящее на улицах, осознавая, что мистер Твид и Тощий Джо были правы насчёт беспорядков, которые наступят вместе с завтрашним днём. Но само слово «беспорядки» не совсем точно описывало то, что происходило сейчас. Настоящие беспорядки всегда были хаосом. Здесь же всё указывало на наличие стратегии и плана, и Абрахам гадал, что, если война была не просто обычным восстанием.

От Бауэри, потом по Четвёртой Авеню, они повернули на запад по Четырнадцатой улице, мимо статуи Джорджа Вашингтона у Юнион Сквер, и на противоположной стороне парка, сквозь деревья, Абрахам увидел патрульного, настоящего Голиафа, дерущегося с несколькими бандитами.

– Перевес завтра будет не на стороне этого здоровяка. – сказал Тощий Джо со злым смешком. – Мы им покажем, а?

Абрахам ничего не сказал, но гадал, с кем он думал, что разговаривает.

Они проехали дальше, и, когда достигли Шестой Авеню, они повернули на север и проехали ещё двадцать два квартала. Было довольно поздно, но они наконец доехали до дома мистера Твида.

– Вот мы и приехали, – сказал Тощий Джо. – В целости и сохранности.

– Спасибо вам, – сказал Абрахам, выгружая себя из экипажа на тротуар. Хоть лучше, чем пешком, но тряска всё равно корёжила его тело по–своему, той болью, к которой Дэвид всё ещё привыкал.

Тощий Джо кивнул на дом:

– Не выходите из дома завтра.

– Не выйду, – согласился Абрахам, думая о том, почему он и Элиза должны быть в безопасности, когда остальные черные мужчины, женщины и дети в городе были подвержены опасности.

Тощий Джо умчался на своём экипаже в ночь, по своим тёмным делам, и Абрахам направился к двери. Она была закрыта, но он постучал и позвонил в звонок.

Элиза не появилась.

Он постучал и позвонил снова.

Элиза всё ещё не появлялась.

Он подумал, что она уснула и не смогла присмотреть за своей Гефсиманией³⁰. Там, возможно, было открытое окно, через которое он мог бы войти, но, вместе с тем, он подумал о настроениях в городе, враждебных к нему и ему подобных, и он не рискнул попасться кому-то на глаза, лезущий в окно, как взломщик.

Как Абрахам беспокоился об Элизе, так и Дэвид переживал по поводу Грейс. Он чувствовал себя непросто в её отсутствие, будто не был в безопасности, и он не знал, что делать. Он не хотел рисковать десинхронизацией, совершая что-то глупое, но он хотел попасть внутрь дома и убедиться, что его сестра всё ещё там.

Абрахам решил сесть на ступеньки, как он и предупреждал Элизу. Ночь была тёплой и душной, и, должно быть, у него будет всё болеть несколько дней, но этой ночи было далеко до самых худших ночей, которые он переживал. Ни одна из них не будет хуже тех, что он переживал, прячась в болотах много лет назад, сжираемый насекомыми, дрожащий и промокший, с загноившимися ранами, в которые попала грязь. Ни даже та, которую он провёл в гробу с гниющим мясом, изнемогая от жары, пока аболиционист³¹ переправлял его через границу в Пенсильванию.

Абрахам поднял голову и, глядя на звёздное небо, погрузился в воспоминания, глубоко-глубоко, где всем правили вина, гнев и ненависть, душа и оплетая, словно корни деревьев, туда, где под ногами до сих пор текла гнилая вода болот. Его худшей ночью была та, когда его первую жену убил другой раб, пришедший на плантацию сломленным и без обеих ушей. Абрахам убил его. Страх заставил Абрахама убежать, ужас того, что его господин узнает, что это сделал он, а вина и сожаление поддерживала его в минуты бегства. Потом было много дней, когда только чувство вины и поддерживало в нём жизнь, даже когда он должен был умереть. Всё эти

³⁰ Гефсимания (от ивр. «масличный пресс») – местность у подножья западного склона Елеонской горы восточнее Старого Иерусалима, в Израиле. В данном контексте упоминается как отсылка к Гефсиманскому саду: традиционно этот сад почитается как место моления Иисуса Христа в ночь ареста. Согласно Новому Завету, Иисус и его ученики регулярно посещали это место, и именно там Иисус молился, когда был предан Иудой и арестован.

³¹ Аболиционизм – движение за отмену рабства и освобождение рабов, в конце XVIII века стало частью европейского движения Просвещения. Результаты были медленными, но успешными: в 1833 году рабство отменили в Британской империи, даже в их землях Вест-Индии. В США было отменено в 1865 году, а в 1948 году рабство было объявлено незаконным во Всеобщей декларации прав человека. Но последняя страна, Мавритания, отменила рабство президентским указом лишь в 1981 году.

годы спустя, Абрахам по-прежнему знал, где он мог найти своё чувство вины. И гнев. И ненависть.

И он часто туда заглядывал, пока путешествовал по подземной железной дороге, наверх, через остров Стейтен, где получил своё образование в Африканской Методистской Епископальной Сионской церкви³². Но с рождением Элизы от его второй жены он перестал туда заглядывать, поняв, что ему не нужно оставаться там. Он мог покинуть это тёмное место, которое было вниз по реке, и построить свой дом на холме, рядом с чистой водой из родника. Он мог выбрать место, где его душа бы успокоилась. Люди, бежавшие от проблем – белые или черные, рабы или свободные – были теми, кто продолжал думать, что у них нет выбора и возможностей что-либо изменить. Но нельзя избежать болота, лишь стерева его с карты.

Ночами, подобной этой, когда Абрахаму казалось, что ничего не изменится, даже если он попытается, сколько бы президентов не приходило со своими воззваниями, и даже не важно, что эти воззвания провозглашали ночами, подобных тем, когда он потерял обоих жён, он позволял себе плыть по течению, напоминая себе, что он оказался в том месте, какое он выбрал, и какой выбор он сделал, и о том, что этот выбор нужно сделать снова.

Кто-то закричал.

Абрахам открыл глаза, увидев проходящую толпу. Ещё не рассвело, а они уже кишели в пригороде, выглядя свирепыми дикарями. Их вид беспокоил его, и он гадал, как мистер Твид может быть уверен в том, что он и Элиза будут в безопасности в его доме. У неуправляемой толпы собственный разум, не принимающий никаких приказов, даже от «Таммани Холл».

Нигде в городе не было безопасно. Абрахам знал это и решил уехать из него с Элизой с первыми лучами солнца, до начала беспорядков. Это означало подготовку к поездке, и он должен был попасть внутрь, даже несмотря на риск показаться кому-то грабителем. Он поднялся на ноги и прошёлся вокруг дома, за живой изгородью по газону, к подвальной двери, его лучшей возможностью для входа. Маргарет часто оставляла посыльных спустить вниз продукты и потом забывала запереть дверь, и, к счастью, сегодня она сделала это снова.

³² Африканская Методистская Епископальная Сионская церковь – вторая по численности последователей африканская церковь в США. Истоки Африканской методистской епископальной сионской церкви относятся к 1796 году, когда афроамериканцы Нью-Йорка, недовольные тем, что им не разрешают участвовать в церковных конференциях, а также проповедовать (в том числе и в качестве странствующих проповедников), обратились к епископу Методистской епископальной церкви с просьбой разрешить им проводить свои собственные собрания, и это разрешение было получено.

Абрахам был способен забраться в дом под землёй. Он вошёл на кухню, и сразу же в холл.

— Элиза? — позвал он.

Нет ответа. Она не может так крепко спать.

Он проверил каждую комнату на первом этаже, потом все комнаты наверху, и даже мансарду, пока не убедился, что её нигде нет.

Дэвид разделил панику Абрахама, поднявшуюся от мысли, что Элиза где-то там, на улице. Он понятия не имел, почему она покинула дом, но он направился в библиотеку и написал записку.

Элиза,

Если ты читаешь это, я хочу, чтобы ты была в доме и дождалась меня, как я тебя просил. Если мы не пересечёмся до шести часов вечера, я хочу, чтобы ты встретила меня на паромной станции у Кристофер Стрит. В городе не безопасно, и я должен вывезти тебя отсюда. Если я не буду там в указанное время, ты должна сесть на паром без меня. Я присоединюсь к тебе, как только смогу.

Твой любящий отец, Абрахам.

Абрахам оставил записку на столике в главном холле, там, где Элиза точно заметит её, если вернётся домой. Сейчас он думал, что она последовала за ним, подслушав его инструктаж мистером Твидом. Это значит, что она последует вниз, по направлению к Четвертому Району, и сама мысль об этом заставила хрупкие и старые ноги Абрахама перейти на бег, едва он достиг тротуара.

Дэвид тоже беспокоился. Он знал, что Анимус всего лишь создавал симуляцию, но, если с Элизой произойдёт всё то, о чём боялся Абрахам, знающий, что обычно происходит во время таких бунтов, то Грейс тоже ощутит всё сполна. Через несколько кварталов Абрахам замедлил шаг. Омнибусы и железная дорога ещё не работали, поэтому весь путь придётся пройти пешком. По пути он пропустил несколько толп,двигающихся в противоположном направлении, к центру города, и каждый раз он боялся, что они набросятся на него.

К тому времени, как он достиг Четырнадцатой улицы и повернул на восток, его ноги начали кричать на него, угрожая полностью игнорировать его команды, если он не даст им отдохнуть, поэтому он сел у статуи Вашингтона, чтобы отдохнуть. Солнце ещё не выглянуло из-за горизонта, но Абрахам не двигался.

Дэвид не знал, сможет ли старик пройти ещё один квартал, не говоря уже об остальном пути к «Дыре в Стене». Он перестал слушать разум

Абрахама и занял его место. И, поднявшись на ноги, пошёл дальше вниз по улице. Но едва он сделал шаг, как симуляция замерцала.

– *Воу, воу, воу!* – остановил его Монро. – *Дэвид, что происходит?*

– Прости, – извинился он. – Я не подумал.

Он заставил себя вернуться обратно к статуе и сесть, все его тело было напряжено. Симуляция в ответ сгладилась.

– *Вот так, теперь лучше,* – сказал Монро. – *Всё в порядке?*

– Я просто беспокоюсь за Грейс, – объяснил Дэвид.

– *Она в порядке. Её симуляция по-прежнему сильна. Не о чем беспокоиться.*

Дэвид кивнул, чувствуя некоторое облегчение. Пока Абрахам не решался встать и продолжить путь, Дэвид мог сидеть и предаваться своим мыслям.

– Ты всё ещё здесь, Монро?

– Угу.

– Это трудно.

– *Что именно?*

– Я не могу изменить того, через что они прошли. Это произошло. Это уже происходит.

– *Так и есть.*

– Но сейчас я чувствую, будто это моя жизнь тоже, и я так...так зол.

– *Это нетипично для тебя?*

– Я не знаю. Я считал, что мой отец и Грейс всегда будут защищать меня.

– *И теперь твоя защита исчезла. Так?*

– Наверное.

– *Тогда, наверное, пришло время защищать себя самому.*

– Наверное, – согласился Дэвид, но затем Абрахам снова начал давить, желая делать то, что произошло.

Он встал, немного отдохнув, и продолжил свой путь, решив стереть кости в пыль, но найти Элизу. Боль в коленях была мучительной, и Дэвид знал это, смотря на это со стороны, словно он вспоминал об этой боли после того, как она была, даже если она была сильной.

Абрахам начал хромать, прошёл ещё три квартала по Четвертой Авеню и затем сел в благословенный омнибус, следующий на юг. Он был почти полон, и Абрахам со всех сторон ловил злобные взгляды, но сумел избежать неприятностей на всём протяжении пути до Бауэри. Он сошёл на Перл–Стрит, и, пока омнибус отъезжал дальше по дороге, один из пассажиров, тощий мальчик не больше двенадцати или тринадцати лет, посмотрел прямо в глаза Абрахаму и провёл пальцем по шее.

Его взгляд шокировал Абрахама, пригвоздив его к тротуару и заморозив кровь в жилах до тех пор, пока омнибус не покинул его поле зрения. Дети тоже будут участвовать в беспорядках? Осталась ли в этом городе хоть какая-нибудь надежда?

Тьма болот снова всплыла в воспоминаниях, но Абрахам обратился к чистому свету, к воспоминаниям о своей дочери, и ускорил свой шаг на пути к Доуэр Стрит. «Дыра в стене» был почти пуст внутри, но всё ещё открыт. Великанша, раздающая раньше указания толпе, стояла теперь на месте Каджела, за барной стойкой. Абрахам вошёл, и она нахмурилась, откинув прядь рыжих волос, как пламя, бушующих у неё на голове.

– Снова ты? – она облокотилась кулаками на барную стойку. Дерево застонало.

– Да.

Абрахам подошёл к барной стойке, как и в прошлый раз. Но сейчас у него не было письма Мистера Твида, которое бы защитило его.

– Я приношу свои извинения, мадам, но...

– Как видишь, у меня больше не осталось барменов, которых ты бы мог забрать с собой, – перебила его она.

– Я здесь не поэтому.

– Больше никаких приказов Босса?

– Не совсем, – сказал Абрахам. – Я здесь из-за одного из его слуг. Моей дочери Элизы.

– А, её.

– Вы видели её?

– Она была здесь какое-то время назад, хотела узнать, куда ты ушёл, – хмыкнула она со звуком упавшего с горы булыжника. – Довольно иронично, не находишь?

– Пожалуйста, мадам, – произнёс Абрахам, не увидев в этом ничего смешного. – Что вы сказали ей?

– У меня не было причин лгать ей, так что я сказала, что знаю. Ты передал Каджелу сообщение, а затем Каджел забрал тебя с собой.

– И что она сказала на это?

– Ух, помнится мне, она поблагодарила меня. А потом я сказала ей, что лучше бы она вернулась в дом мистера Твида, как и тебе следует поступить.

Абрахам надеялся, что Элиза так и поступила. Но также была вероятность, что, выйдя из бара, она отправится на поиски Каджела, чтобы найти Абрахама, но у него не было ни малейшего понятия, куда отправился Каджел после того, как он посадил его в экипаж к Тощему Джо.

– Вы знаете, где сейчас Каджел?

– Конечно, нет.

– Я понял, – сказал Абрахам. – Спасибо. Вы мне очень помогли.

– Помогла? Я? – спросила она и снова засмеялась. – Нечасто я слышу это, кроме тех случаев, когда помогаю кому–нибудь напиться или в драке выбивать из кого–то душу.

Абрахам заметил банку с ушами на полке на стене позади.

– Без сомнения, это помогает им увидеть неправильность выбранного ими пути.

– Именно так. Я Пастырь, – усмехнулась она, похлопав по дубинке, висящей на поясе. – А это моя проповедь.

– Я уверен, вы очень красноречивы, – убедился Абрахам. – Доброй ночи, мадам.

– Доброй ночи, – пожелала она. – И да поможет тебе Бог завтра.

ГЛАВА 14

– Вы уверены, что это перерастёт в беспорядки? – спросила Аделина, и Наталья подумала, как же ей не понравился вид людей, только что прошедших по улице.

– Эти люди несли плакаты с протестами, – ответил Томми, – но каждый из них бандит или хулиган. Судя по виду, большинство из них из Тараканьей Стражи. Поверьте мне, несмотря на то, кем они хотят казаться, это всё перерастёт в бунт.

– Я буду в безопасности в отеле? – спросила Аделина.

Томми потёр подбородок.

– Боюсь, что он превратится в их цель, если дела пойдут совсем плохо.

– Тогда, что вы предлагаете?

Томми обернулся и посмотрел в другую сторону от отеля.

– Дом моего брата, для начала. Когда нам станет известно больше, я смогу отвезти вас куда-то ещё.

– Очень хорошо, – Аделине было не привыкать посещать дома незнакомых людей во время её турне, и она доверяла Томми. Если он сказал, что это наилучший вариант, то так и есть. – Давайте пойдём туда, для начала.

– Но я должен сообщить вам заранее, – предупредил Томми, со всей честностью взглянув на неё. – Мой брат и его жена сейчас в Бостоне.

– Я поняла. Но у вас есть ключи, чтобы попасть внутрь?

– Да, но...

– Что «но»?

– Мы будем одни в доме.

Аделина улыбнулась, найдя его честность довольно милой.

– Если это проблема для вас... – сказал он.

– Это не проблема для меня, – уверила она его.

Томми кивнул.

– Тогда... Пойдёмте?

Она кивнула в ответ, и они отправились в другую сторону, к Четвертой Авеню, по Двадцать Четвертой улице, пока она не пересекла Лексингтон.

– Это здесь, – сказал Томми, подходя к четырёхэтажному кирпичному зданию, с серыми каменными рамами вокруг окон и короткой лесенкой к парадной. Подойдя к двери, он стал возиться с ключами в своих огромных ладонях, явно нервничая.

Он был так непохож на мужчин, которых она обычно встречала в своих путешествиях. Для начала, многие из тех мужчин, которых она знала, не предупредили бы её о том, что они останутся наедине. Даже наоборот, скорее стремились такие условия создать преднамеренно, поскольку были явно убеждены в том, что знают, чего желают все без исключения актрисы и певицы. Ни богатство, ни самоуверенность в отношении дел с бандитами на улицах не преследовали Томми в делах с противоположным полом. Она положила руку на его плечо, надеясь успокоить его.

Спустя мгновение, с ворчанием он заставил ключ работать как надо, и они вошли в фойе. Дом был прекрасен как изнутри, так и снаружи. В центре устланного деревянным паркетом пола было выложено мозаичное панно, на котором стоял круглый столик с красивой китайской вазой на нём. Через холл они прошли к лестнице, ведущий на второй этаж. Свет был только от уличных фонарей снаружи, солнце ещё не так высоко поднялось, чтобы предложить что-нибудь ценное.

– Сюда, – сказал Томми, показывая наверх. – На этом этаже, в основном, только кухня.

Толстый ковёр, покрывающий деревянные ступеньки, заглушал звуки её шагов, оставляя только шелест платья. Дойдя до лестничной площадки, она заметила гостиную справа и столовую слева. Без приглашения она повернула направо и вошла в гостиную через двустворчатые стеклянные двери. Даже в тусклом свете уличных фонарей Аделина смогла увидеть очень хорошую отделку и убранство. Турецкий ковёр под их ногами был из

роскошной ткани и с потрясающим рисунком. Симметрично поставленные диваны стояли напротив друг друга, кресла гармонично примостились в конце. Готический сервант стоял в углу комнаты, а огромная картина корабля, несущегося сквозь бушующие волны, висела над пианино. Зеркало в позолоченной раме висело на противоположной стене, над камином, на каминной полке которого стоял бюст женщины.

– Да, думаю, мы можем какое-то время провести здесь, – сказала она, подойдя и облокотясь на один из диванов. – Вы согласны?

– Как вам угодно, – отозвался он, но прежде, чем сесть, он подошёл к окну и посмотрел вниз на Двадцать Четвертую улицу через занавески.

– Вы не присоединитесь ко мне? – спросила она.

Он обернулся, чтобы взглянуть на неё, и мгновение спустя он отошёл от окна и сел в кресло, стоящее напротив неё, на другой стороне комнаты, садясь беспокойно, с прямой спиной, крепко сжимая руками подлокотники.

– Вы все ещё беспокоитесь за нас здесь? – спросила она.

– Нет, думаю, что мы в безопасности, пока.

– Тогда вам не нравится эта комната?

– С чего вы взяли?

– Вы заняли это кресло так, словно боитесь испачкаться об него.

Он окинул взглядом комнату.

– Достаточно милая гостиная.

– Тогда, если не эта комната, что вас так напрягает? Этот дом?

Пауза, последовавшая за этим, привела Аделину к мысли, что она попала точно в цель, и если она хочет, то может продолжить, пока не докопается до сути.

– Это дом моего брата, – наконец сказал он. – Это не мой дом.

– Он заставляет вас чувствовать себя, будто вам здесь не рады?

– Нет, он очень добр ко мне. Как и Кристина, его жена.

– Тогда что же?

Кресло закрипело, когда он чуть пошевелился.

– Я полагаю, чувство того, что тебе здесь рады, и чувство того, что ты здесь свой, разные.

– И вы здесь не свой?

Он снова осмотрел комнату.

– Я – нет, – он посмотрел на неё. – Но вы — да.

Она почувствовала в его голосе неуловимое обвинение. Даже если его и не было, в любом случае она не собиралась извиняться перед ним за то, кем она была, и какой путь она выбрала. Ей было нечего стыдиться.

– Я научилась быть своей где угодно, Томми Грейлинг.

– Думаю, это великолепно – иметь такой навык, – сказал он.

– Мне повезло, что он легко пришёл ко мне.

Аделина чувствовала себя своей на фуршете после её выступления прошлой ночью, но это не заглушало её чувство одиночества, когда она была там.

– Если не этот, то какой дом вы хотели бы себе? – спросила она его.

– На самом деле, думаю, я покину этот город когда-нибудь, – ответил он. – Я прожил здесь всю свою жизнь. Когда я ушёл сражаться с повстанцами, я промаршировал почти через всю эту прекрасную страну. Фермы и поля. Много раз я думал про себя зажить такой жизнью однажды.

– О... на ферме?

Он кивнул.

– Вы выглядите разочарованно.

Аделина бы так не сказала. Чувство, которое она испытала, было не разочарованием, а, скорее, страхом.

– Нет. Просто вы слеплены из более хорошего теста, чем я. Это звучит благородно и чисто.

– Но это требует денег гораздо больше, чем те, что я имею, или когда-нибудь буду иметь.

– Возможно, ваш брат сможет помочь вам? – Аделина могла догадываться о стоимости комнаты, в которой они сидели, и тем более о стоимости остального дома. Брат Томми был явно богат.

– Он может, – покачал головой Томми. – Но я его не попрошу.

– Почему нет?

– Я знаю, откуда у него эти деньги. И это ещё одна причина, по которой я чувствую себя неуютно в этом доме.

Таким образом, чем дальше она погружалась в глубины его души, тем чище он ей казался; его обезоруживающая честность не была лишь внешним лоском, а самой его сутью. Простое его присутствие – он, сидя напротив неё, такой большой и напряженный, в своей полицейской форме – словно бросало ей вызов. Она хотела бы узнать, хорош ли он так же, как и выглядит, и на одно, короткое мгновение, она подумала о том, чтобы спросить, где здесь его спальня. Но у неё не было намерения вести его туда, и подобный вопрос заставил бы его чувствовать ещё более неуютно. Кроме того, у неё не было цели спровоцировать его, но в то же время, она хотела доказать, что не сможет это сделать.

Она встала с дивана.

– Хотите, я спою для вас?

– Я... эм...

Но она не дала ему времени на поиск подходящих слов, подойдя к пианино и сев за него. Она никогда не была сильным музыкантом, но навыки у неё были. Поэтому она выбрала песню, которую она спела для президента Линкольна и его жены. Она знала, что эта песня популярна среди солдат, и эти слова должны были прекрасно подойти ко всему тому, о чём Томми говорил.

В некотором роде, Наталья была в ужасе от предстоящего выступления в столь интимной обстановке, так же, как и от выступления на сцене перед полным залом. Поэтому она успокоилась, как только могла, чтобы Аделина показала всё, что может. Она немного колебалась, нажимая на клавиши в тусклом свете, но её голос ни сфальшивил ни одной ноты.

*Mid pleasures and palaces though we may roam,
Be it ever so humble, there's no place like home;
A charm from the skies seems to hallow us there,
Which seek through the world, is ne'er met with elsewhere.*

*Home! Home! Sweet, sweet home!
There's no place like home,
There's no place like home.*

*An exile from home, splendor dazzles in vain,
Oh, give me my lovely thatched cottage again;
The birds singing gaily that come at my call,
Give me them, with peace of mind, dearer than all.*

*Home! Home! Sweet, sweet home!
There's no place like home,
There's no place like home.*

*To thee, I'll return, overburdened with care,
The heart's dearest solace will smile on me there.
No more from that cottage again will I roam,
Be it ever so humble, there's no place like home.³³*

Она сыграла последнюю ноту и взглянула на него. Томми сидел в кресле, опустив голову так низко, чтобы она не могла видеть его лица. Он сидел так довольно долго, и она начала думать, что своим пением вогнала его в сон. Но через секунду он посмотрел на неё глазами, полными слёз.

³³ Home, Sweet Home (Дом, милый дом). – известная на протяжении 150 лет песня. Слова американского актера Джона Ховарда Пэйна, музыка сэра Генри Бишоп. Адаптированная из оперы «Клари», песня обрела настолько широкий резонанс, что очень быстро были проданы 100 тысяч копий. В 1852 году Бишоп переделал её в балладу, что вызвало её резкую популярность среди солдат Гражданской войны. Также её использовали другие авторы: например, Гаэнтано Доницетти для оперы «Анна Болейн», а также Генри Вуд как одну из песен в попури «Фантазия британских морских песен» в 1905 году.

– Вы стоите каждого пенни, – сказал он мягким и спокойным голосом.
– Нонсенс. Мне жутко переплывают, – возразила она, вставая из-за пианино. – Но, если вы скажете об этом кому-нибудь, я буду всё отрицать.

– Спасибо за песню.

– Всегда пожалуйста, – ответила она, возвращаясь к своему дивану.

– Многие из тех, с кем я сражался плечом к плечу, любили эту песню.

Она села на диван.

– Я знаю.

– Многие из них... вернулись домой. В первый дом их душ.

– Я знаю, мне очень жаль.

Солнце взошло. Томми встал из кресла и вернулся на прежнюю позицию у окна.

– Они всё ещё идут, – вымолвил он, выглядывая вниз по улице, в сторону парка. – Господи, это целая толпа.

– Вы будете нужны?

– Буду. Но для начала я хочу убедиться, что вы в безопасности.

– Не беспокойтесь обо мне. Я уверена, что здесь я буду в порядке.

Делайте то, что должны.

Он позволил занавескам упасть и направился к двойным дверям.

– Я пойду осмотрюсь. Может, что-то узнаю. Вы уверены, что не против остаться здесь?

– Уверена.

– Наверху есть библиотека, – показал он. – Я вернусь скоро, как смогу.

С этими словами, он спустился по лестнице, и она услышала, как он выходит через парадную дверь. Из окна она наблюдала, как он идёт по улице, пока не завернул за угол и не пропал из виду. Теперь, когда она осталась в одиночестве, Наталья почувствовала, что может выйти на сцену.

Большую часть ночи она намеренно держалась подальше от каких-либо действий, позволяя событиям течь так же, как они отпечатались в памяти её предков. В большинстве своём, она просто хотела смотреть, как Аделина была Аделиной, женщиной, которая так отличается от неё. Она также помнила, что Томми – это Шон, и не хотела бы неловких ситуаций, когда они покинут Анимус. Но, может, не о чем и волноваться. Эта часть всей симуляции просто была странной, вот и всё.

Пока Аделина ждала возвращения Томми, Наталья решила посмотреть дом настолько, насколько ей не будет угрожать десинхронизация. Она любила историю в школе и ещё любила дизайн. Даже несмотря на то, что её особо не волновал стиль Викторианской эпохи, находиться здесь было интересно, словно гулять по музею.

Она вышла из гостиной и прошла в столовую, которая была просто изумительна: красивый длинный стол с серебряными подсвечниками, и ещё большой сервант или буфет, как подумала Наталья, в стиле времён королевы Анны. В столовой была своя кладовая и лестница, ведущая вниз, на кухню.

Наталья вернулась в главный зал и поднялась наверх, на следующий этаж, обнаружив библиотеку и затем хозяйскую спальню, где на туалетном столике стояли косметические средства, которые Наталья не смогла распознать. Да и она сама не то, чтобы много пользовалась косметикой в реальном мире. На следующем этаже была спальня, которая, скорее всего, принадлежала Томми, и ещё одна комната, пустая. Ну, не совсем пустая. Эта комната выглядела так, словно кто-то начал её готовить как детскую. Здесь стояла детская кроватка и один из этих старомодных складных детских стульев на колесиках, покрытый кружевом, и оба были задвинуты в угол. Половина комнаты была обклеена обоями с розами, но всё выглядело так, словно ремонт бросили на пол-пути, и Наталья подумала, что эта комната могла бы рассказать много историй, большинство из них печальных.

На следующем этаже был чердак для хранения, но здесь было немного места под карнизом, и Наталья подумала, что здесь могла бы быть весьма уютная спальня, с маленькой дверью, ведущей на крышу. Солнце встало полностью, и верхние этажи уже начали собирать поднимающееся тепло.

Наталья вернулась в гостиную и села за пианино. Она положила свои пальца на клавиши и сыграла нестройно звучащую мелодию. Мать Натальи играла на пианино. Её бабушка с дедушкой и ей родители хотели, чтобы она играла на скрипке, и она несколько лет брала уроки у дорогого русского учителя с фамилией Крупин. Но он вполне прямо сказал Наталье и её семье, что её способности к музыке малы, и, в конце концов, она бросила. Она могла унаследовать воспоминания Аделины, но точно не её талант.

Ни одни часы в доме не показывали правильное время, некоторые даже не тикали – очевидно, Томми пренебрегал необходимостью заводить их – но, по ощущениям, он отсутствовал час или два. Солнце на улице уже светило вовсю, когда Наталья увидела, как Томми возвращается. Когда она услышала звук парадной двери, она бросилась за кулисы и вытолкнула Аделину на свет, пока уставшие шаги с трудом поднимались по лестнице.

– Город в хаосе, – объявил Томми, как только вошёл в гостиную.

– Серьёзно? – Аделина посмотрела в окно на улицу, которая была почти пустой.

– Я связался с патрульным из другого района. Та толпа, которую мы видели прошлой ночью и сегодня рано утром, собралась в Центральном

парке. Оттуда, около восьми утра они начали движение на юг. И их, как минимум, десять тысяч человек.

– Десять... десять тысяч?

Томми кивнул.

– Они посетили все заводы, фабрики и литейные цеха. Остановив производство, они угрозами заставили рабочих пойти с ними. Перерезали телеграфные линии и разобрали железнодорожные пути, лишив город связи и средств передвижения. И перегородили всё, что могли, пустыми омнибусами.

– Господи, – прошептала Аделина.

– Это не беспорядки, – заключил Томми. – Это бунт. Основная толпа сейчас атакует главное полицейское управление, куда приходят все призывники. Но я не думаю, что всё на этом и остановится.

– Что нам делать?

– Опасно находиться снаружи, на улицах. Мы пока останемся здесь.

– И вы?

– Я останусь с вами, – сказал он. – Я хочу убедиться в вашей безопасности.

– Я уверяю, я буду в безопасности, вам...

– Я останусь с вами, – повторил он стальным голосом. – До тех пор, пока я не буду уверен, что вы в безопасности.

Аделина кивнула, понимая, что его не переубедить. Томми занял позицию у окна и, несмотря на дальнейшие попытки Аделины вовлечь его в разговор, он, казалось, решительно настроился избегать любого отвлечения внимания от его наблюдения. Она поднялась в библиотеку и спустилась вниз с собранием поэм, чтобы почитать, но сделала это, не проронив ни звука.

Прошёл час, дневная жара вновь начала наступать. Даже если бы они открыли окно, она видела, что ветки деревьев снаружи не колышутся. Полный штиль.

Ещё один час, и Томми выпрямился.

– Небольшая группа направляется сюда. С Третьей Авеню.

– Что они делают?

– Грабят, – сказал он.

Аделина подошла к окну и выглянула наружу. Вверх по улице через несколько домов от них, толпа мужчин шла от дома к дому, останавливаясь, чтобы пошвырять камни в окна. Несколько женщин и детей уже были изгнаны из своих домов на улицу, смотря, как грабители вторгаются в их дома и обкрадывают их, выбрасывая мебель, картины и посуду из окон на мостовую.

– Где же полиция? – спросила Аделина.

– Сдерживает толпу, большую, чем эта, – ответил Томми.

– Они скоро будут здесь, – сказала Аделина. – Я думаю, нам надо уйти. Но сначала вам нужно избавиться от вашей формы. Если они увидят вас в ней, думаю, они забудут даже о грабежах.

Он неохотно согласился и прошёл в комнату переодеться, пока Аделина смотрела в окно. Толпа была всего в трёх дверях от них. Пожилая женщина стояла на коленях, рыдая, мужчина с белыми, редкими волосами держался за голову, прижимая кровоточащую рану, которую ему только что нанесли. Аделина с удивлением обнаружила, увидев, что в толпе было больше женщин, одетых в грязные платья и юбки, с неряшливо растрепанными волосами, прилипшими к их лицам из-за пота.

– Я готов, – сказал Томми, стоя в дверном проёме гостиной.

Аделина обернулась посмотреть на него.

Он был одет в клетчатые шерстяные брюки с подтяжками, в белую рубашку с воротничком, и высоко засученными рукавами. Она обнаружила, что эта версия Томми ей нравится куда больше, чем версия Томми–патрульного.

– То, что надо, – оценила она.

– Мы можем выйти через чёрный ход, – сказал он.

Они спустились на первый этаж в прихожую, и только повернулись в сторону кухни, когда огромный булыжник пробил окно, рядом с дверью, заставив ливень разбитого стекла разлететься по всему полу.

– Бегом! – воскликнул Томми.

Аделина побежала на кухню, но не увидела там двери чёрного хода.

– Вниз по лестнице, в подвал, – сказал Томми, двигаясь позади неё.

Аделина заметила металлический блеск винтовой лестницы в углу и бросилась по ней вниз, в темноту. Спустившись, она не знала куда идти, глаза ещё не приспособились к тусклому свету подвала.

– Сюда, – прошептал Томми, обходя её. – Я думаю, они пробрались в дом, так что нам надо идти тихо.

Он прошёл дальше в тень, и Аделина слышала, как он возится с замком. Она встала за ним и, открыв дверь, вышла вместе с Томми на улицу, оставив дом на растерзание грабителей.

ГЛАВА 15

Элиза держала путь на запад от «Дыры в стене», к «Астор Хаус». Эта ирландская женщина, Галлус Мэг, сказала ей, что Каджел взял её отца с собой. Элиза не знала, что этому человеку было нужно от её отца. Но она знала, что нет лучшего пути найти её отца, чем отыскать Каджела, а письмо, которое она прочитала в библиотеке мистера Твида, указывало на «Астор Хаус», куда было приказано прийти Каджелу. Это также означало, что её отец уже доставил письмо, что Элиза хотела предотвратить.

Она повернула к Франкфурту, через Парк Роу от Перла, надеясь, что присутствие «Таммани Холл» на углу убережёт её от опасности. Активность на улицах подтверждала предупреждение мистера Твида. Мятёжники составляли планы и собирались в стаи, состоящие из головорезов из трущоб и доков.

Одна группа обратила на неё внимание, когда она проходила мимо, глядя на неё с ненавистью и отвращением.

– Куда ты собралась? – спросил один из них у неё, подойдя к ней, преграждая ей путь.

– Я бегу с поручением мистера Твида, я его горничная, – сказала она, надеясь, что это отпугнёт его.

Это остановило его наступление, но не заставило отступить.

– В самом деле?

– Да, это так, – сказала она, подняв подбородок, когда проходила мимо него.

– А что, если ты лгунья? – спросил он её в спину.

Она обернулась и посмотрела прямо ему в глаза.

– А ты хочешь проверить?

Его выступающий кадык дёрнулся.

– Похоже, что нет, – добавила она и продолжила свой путь самым спокойным и уверенным образом, которым только могла, несмотря на то, что ей хотелось бежать со всех ног.

После этого она держалась в тени или смешивалась с группками прохожих, если они не казались ей угрожающими. Она всегда была хороша в плане скрытности, и поэтому отец часто ласково называл её «маленькой воришкой», нежели девочкой.

Когда она добралась до Парк Роу и пересекла железнодорожные пути, окружающие Сити Холл, она обнаружила, что ей здесь легче прятаться среди деревьев. Она скользила в тених на юго–восток, мимо фонтана Кротона, к самому краю парка, и осталась стоять в тени, напротив, через Бродвей, смотря на «Астор Хаус».

Ей не пришлось долго ждать, чтобы увидеть фигуру внизу, среди надгробий на погосте часовни Святого Павла. Вскоре после этого она заметила и вторую фигуру, выбравшуюся из окна отеля на пятом этаже. Тот, что находился на церковном кладбище, выстрелил чем–то в окно, слишком тихо, для огнестрельного оружия, и фигура в окне исчезла.

Затем человек, сидящий в церковном дворе, словно взлетел по деревьям и перескочил через забор на улицу. Не успела Элиза и глазом моргнуть, как он забрался по голой стене на пятый этаж, словно кто–то выбросил для него из окна лестницу. Элиза никогда не видела такой ловкости.

Она отступила глубже в тень и стала ждать, что же произойдёт дальше. Несколько минут прошло – и другая фигура выбралась из окна и залезла на крышу отеля, преследуемая человеком из церкви. Спустя ещё несколько минут один из них упал с крыши, но, словно в припадке, он хватался за стены и замедлил своё падение. Элиза подумала, что он сломает себе шею, но он тяжело упал на землю и с трудом поднялся на ноги. Встав, он поплёлся, шатаясь по Бродвею, в сторону Энн Стрит. Вскоре после этого человек с погоста спустился по стене на улицу так же легко, как и забрался наверх, и последовал в направлении своей преследуемой жертвы. Затем он остановился и достал из пальто интересный телескоп, который он использовал, чтобы осмотреть улицу.

Элиза захотела спрятаться ещё сильнее, но он не направил свой телескоп на неё. Но когда он взглянул в направлении Энн Стрит, он сразу же убрал свой телескоп, снял с плеча винтовку, зарядил её и выстрелил с приглушенным хлопком. Затем он просто пошёл туда, куда он только что выстрелил.

Элиза была уверена, что один из этих двоих – Каджел, но она не знала, кто именно. Письмо мистера Твида указывало ещё на одного человека, по имени Вариус. Из того, что она только что видела, оба человека выглядели одинаково опасно и были способны на невероятные вещи, такие, как восхождения по голым стенам и выживание после падения со смертельной высоты.

Когда мужчина с погоста вышел с Энн Стрит, перед Элизой встал выбор. Она могла проследовать за ним и попытаться столкнуться с ним, надеясь, что это Каджел. Но также была вероятность, что Каджелом мог быть и другой мужчина лежащий где-то на Энн Стрит, вероятно, умирающий или мёртвый к этому моменту.

Прежде чем она что-нибудь решила, человек с погоста забрался по стене на ближайшее здание на крышу и исчез, убив все шансы на возможность преследовать его. Поэтому ей остался только один вариант, заставивший её выйти из парка и бежать по Бродвею к Энн Стрит.

Она не сразу увидела того мужчину. Ей потребовалось дважды пройтись вверх и вниз по улице, прежде чем она заметила его в темноте переулка. На первый взгляд, она подумала, что он мертв, и внутри, в углу своего разума, Грейс узнала предка Оуэна. Но её паника быстро исчезла, когда она села рядом с ним и увидела, как вздымается его грудь. Он просто был без сознания, отравлен или что-то в этом роде. Элиза дала ему пару пощёчин, пытаясь разбудить, но это не помогло. Грейс решила рискнуть десинхронизацией и задвинула Элизу в угол своего сознания, прошептав:

– Монро?

Ничего.

Она подумала, а слышит ли он её?

– Монро? – спросила она более громко.

– Да, – прозвучало в её ухе. – Я здесь. Извини, немного занят, пытаюсь следить за всеми вами сразу.

– Оуэн в порядке?

– Он в порядке, просто без сознания.

– Тогда что же мне делать?

– То же, что и он. Ждать. Так долго, как ждала Элиза, в любом случае.

– Но Оуэн ведь не Каджел, так?

– Нет, не он. Но Элиза об этом ещё не знает.

– Как Дэвид?

– Он тоже в порядке.

– Где он?

– На самом деле, он ищет тебя. Я думаю, он, должно быть, вернулся в «Дыру в Стене». Но опять же, Элиза этого не знает. Если ты выйдешь за рамки...

– Я знаю, – закончила Элиза. – Произойдёт десинхронизация.

– Правильно. Так что сиди спокойно и позволь Элизе вести шоу так долго, как можешь, хорошо? Мы приближаемся. У Хавьера сейчас Частица Эдема. Мы просто должны все быть на этой волне до конца.

– Ладно, – сказала Грейс, подумав о том, что трудно кому-то позволить вести шоу, даже человеку, чью память просматриваешь. Но она заставила себя вернуть Элизу в управление и дала девушке полный доступ ко всем комнатам своего разума.

Элиза подумала насчёт того, чтобы позвать доктора, но отвергла эту идею. Это могло вмешать в дело полицию и другие службы, которые затем могли бы ей помешать найти её отца. Поэтому, вместо этого, она села в переулке позади него, этого незнакомца, и смотрела за ним, следя за тем, дышит ли он, и не нашёл ли их ещё кто-нибудь.

Так прошёл час, потом ещё один, и первые лучи рассвета потянулись вдоль улицы, сразу нагревая её и обещая очередной душный день.

Незнакомец зашевелился.

– Эй, – сказала Элиза. – Эй, просыпайтесь.

Его веки затрепетали, и он застонал.

– Вы меня слышите? – спросила Элиза.

Его глаза были открыты слишком широко, и она могла сказать, что он пока не может сфокусироваться. Он выглядел словно пьяница, прошедший всю тяжёлую ночь на ногах.

– Кто... кто вы? – пробормотал он.

– Элиза, – сказала она. – Пожалуйста, скажите мне, что вы Каджел.

Он покачал головой.

– Я бы хотел убить его, скорее.

Значит, Каджел был другим, тем, за которым Элиза не смогла последовать по крышам. Но это означало, что она знала, кто перед ним.

– Вы Вариус, – констатировала она.

Испуганный взгляд сменил ранее недоумённый.

– Да. Как, вы сказали, вас зовут?

– Элиза, – повторила она. – Каджел куда-то забрал моего отца.

– Где Каджел? – спросил Вариус.

Элиза кивнула вверх.

– Давно ушёл. Забрался по стене, как вы.

– Вы многое видели, мисс Элиза, – заметил Вариус, потерев лоб. – Зачем Каджелу понадобился ваш отец?

– Я не знаю, – ответила она, всё ещё не доверяя этому человеку. – Зачем Каджел хотел застрелить вас?

Он замялся.

– Скажем так... мы очень давние враги.

Но ни Каджел, ни этот человек не казались очень старыми.

– Вы знаете, как найти его?

– Я постараюсь, – сказал Вариус. – Кроме того, почему вы не сказали мне о том, как узнали моё имя?

Элиза всё ещё не была готова полностью довериться ему и не ответила. Вариус прикрыл глаза.

– Послушайте, мисс Элиза. Мы оба хотим одного и того же. Но Каджел очень опасный человек...

– А вы не опасный?

– Я тоже опасный, – сказал он. – Это правда. Но если вы поможете мне, то, клянусь, я помогу вам и не причиню вреда. Вы могли убить меня, пока я был без создания, но вы этого не сделали.

– Только потому, что я не знала, кто вы.

– А теперь знаете. Так как вы узнали моё имя?

Элиза прищурила глаза, рассматривая его. Она подумала о содержимом письма и о том, что сейчас происходит. Мистер Твид и Каджел были теми, кто хотел уничтожить город и нацию, а этот человек, лежащий перед ней, был их врагом, что могло сделать его её другом. Но, помимо этого, видение Элизы, та же способность, которая помогла ей прочитать письмо, дало ей представление о намерениях этого человека. Она знала со всей определённойностью, что он не причинит ей вреда и сдержит своё слово.

– Прочла его, – сказала она. – Так я узнала ваше имя.

– Прочли его где?

– В письме, написанном мистером Твидом.

– Твид? – переспросил Вариус, всё более настораживаясь. – Босс Твид?

– Да, – подтвердила Элиза. – Я горничная в его доме. Он послал моего отца доставить письмо Каджелу, и затем Каджел увёл куда-то моего отца.

– Вы видели письмо?

– Фигура речи. Я видела следы, которые остались от бумаги, на которой это письмо писали.

Ещё одна пауза.

– Твоё зрение удивляет.

Она сделала вид, что осматривает его.

– Вы так и будете лежать здесь или что?

– Я бы хотел встать, – посетовал он, – но без твоей помощи не смогу. Токсин всё ещё сковывает мои ноги.

– Тогда позвольте мне помочь вам, – Элиза пододвинулась поближе к Вариусу и обхватила руками его шею и плечи. Вместе они поставили его на ноги, хотя он был далёк от того, чтобы стоять самостоятельно.

– Что ещё было в письме? – спросил он.

– Он называл вас ассасином, – ответила она. – Также там говорилось, что вы придёте за чем-то важным в отель, и то, что сегодня начнутся беспорядки и что это сдвинет чашу весов во всей войне.

– Будем надеяться, что нет, – Вариус опёрся на Элизу, и вместе они пошли к Бродвею. – В письме было что-то ещё?

– Там говорилось, что Каджел должен остановить вас или убить, забрать то, что у вас есть, и принести это вечером к дому мистера Твида.

– Этим вечером, – кивнул Вариус. – Значит, ещё есть надежда.

– Надежда на что?

– На спасение этой страны.

Они прошли Бродвей, повернули на север и увидели толпу.

– О нет, – пролепетала Элиза.

– Началось, – сказал Вариус.

Два квартала дальше, вверх по Парк Роу, на маленькой площади перед зданием Нью Йорк Трибьун, количество бунтовщиков возросло. Сотни, возможно, тысячи их, блокировали улицы и железнодорожные пути. Трибьун был за Линкольна, не скрывавший свои взгляды сторонника отмены рабства, что делало его целью для тех, кто приходил в бешенство от призыва и эмансипации. Мужчина стоял на крыше экипажа, одетый в легкое пальто и шляпу, вскидывая кулак в воздух; он что-то кричал, что-то, чего Элиза не могла разобрать оттуда, где они стояли.

– Тебя не должны увидеть, – забеспокоился Вариус, до сих пор неспособный стоять на своих двоих. – Для чернокожих сегодня самый небезопасный день.

– Куда нам идти?

– Куда-нибудь, где я смогу отдохнуть. Я бесполезен, пока мои ноги отказываются подчиняться.

Неподалёку была столовая под названием Виндаст, на углу Энн Стрит и Парк Роу, которая уже открылась, и Элиза помогла Вариусу дойти до двери. Хоть метрдотель был немного озадачен их появлением – черная женщина в костюме прислуги, и опирающийся на неё белый мужчина – тем не менее, он провёл их к столу и предложил им меню. Они были единственными посетителями в это время, и Элиза помогла Вариусу сесть за стол, прежде чем села на своё место.

– Вы в порядке, сэр? – спросил метрдотель.

– Буду, – ответил Вариус. – После того, как отдохну.

– На улице переполох, – заметил метродотель.

Вариус кивнул.

– Они протестуют против призыва, не так ли?

– Кроме всего прочего, – добавил Вариус.

– Демократы, конечно, не любят Трибьюн. Мистер Грили³⁴, редактор газеты, часто здесь обедает. Я надеюсь, он будет в безопасности от протестующих.

– Если он умён. Он на пути из города прямо сейчас.

Вариус заказал кофе и яичницу по-бенедиктински³⁵ из меню и настоял на том, чтобы то же самое принесли Элизе. Она не была уверена, как вести себя и что делать в ситуации, в которой она оказалась. Её отца забрал куда-то человек, который спокойно взбирается по отвесным стенам, и она только что помогла признавшемуся ассасину подняться на ноги и привела его в ресторан, где они теперь собираются вместе позавтракать.

Принесли еду, и, как только Элиза попробовала кусочек, она сразу же осознала, насколько она голодна, и накинулась на еду. Она чувствовала, что Вариус наблюдает за ней, не спеша со своей едой, и она старалась держать себя в руках, чтобы он не заставил её чувствовать себя застенчиво.

– Расскажи мне о своём видении, – нарушил он молчание.

– Я не знаю, что ещё об этом сказать, – Элиза положила вилку и вытерла рот салфеткой. – Временами я вижу что-то и понимаю, что это важно. Иногда я вижу человека, как вас, и я могу сказать, с хорошими или плохими он намерениями. Иногда, как с письмом, я могу видеть оставленные следы, словно их что-то подсвечивает.

– У твоего отца есть такая способность?

– Нет. Но он говорил, что у моей матери была.

– Извини. Сколько тебе было, когда она умерла?

– Восемь.

– Она тебя научила этому?

– Нет, – ответила Элиза, поморщив лоб. – Почему вас это так интересует?

Он не ответил, вместо этого принялся за еду и глотнул кофе.

– Если вы не хотите отвечать, скажите лучше, что Каджел забрал у вас, – Элиза не забыла, что Вариус забрал нечто важное из «Астор Хауса».

³⁴ Хорас Грили (3 февраля 1811 – 29 ноября 1872) – американский журналист, редактор и политический деятель. Был главным редактором газеты New York Tribune. Выдвигался совместным кандидатом от Либерально-республиканской и Демократической партий на выборах в 1872 году, но проиграл Гранту, а спустя месяц умер с целью смещения с поста главного редактора Tribune. Согласно вселенной Assassin's Creed, его отравили тамплиеры внутри администрации президента (см. Assassin's Creed Locus #1).

³⁵ Яичница по-бенедиктински состоит из обжаренных на масле в сковороде половины булочки и бекона, и вылитого на булочку жидкого яйца с уксусом. Чёрный молотый перец по вкусу.

– Это сложно, – сказал Вариус. – Возможно...

Дверь ресторана распахнулась, и пожилой мужчина вошёл в ресторан. Он носил на шее белую повязку, словно сельский проповедник, небрежно сидящую шляпу, фермерские ботинки, и очки на носу.

– Мистер Грили! – воскликнул метрдотель. – Вы в порядке, сэр?

– Так же хорошо, как и следовало ожидать, – заявил мистер Грили.

Это был редактор Трибьюна. Элиза невольно восхитилась его смелостью.

– Там снаружи огромная толпа, вы знали? – спросил мистер Грили. – Я предполагаю, они хотели бы меня повесить на одном из деревьев в парке. Но если я не могу позавтракать, когда я голоден, моя жизнь ничего для меня не стоит.

– Вы должны быть более осмотрительны, мистер Грили, – предостерег метрдотель. – Более осторожны.

– Осторожен? – мистер Грили направился к их столу и без приглашения сел с таким видом, будто это его место. – Сейчас не время для осторожности. Судьба нации висит на волоске. Осторожность приведёт к поражению от миролюбивых демократов и повстанцев. Я бы сам баллотировался на пост президента, если бы думал, что это необходимо.

В этот момент, он словно только увидел Вариуса и Элизу и кивнул им. Вариус кивнул в ответ и повернулся к Элизе.

– Мои ноги восстанавливаются. Я бы предпочёл, чтобы тебя здесь не было, когда толпа придёт за ним.

Элиза согласилась, и Вариус расплатился за еду. Затем они вышли на улицу. Вариус провёл их через Бродвей, выглядя полностью здоровым, затем вниз по Веси Стрит, между отелем и церковью Святого Павла. Жара снаружи моментально прилипла к коже Элизы, влажная и неумолимая. Когда они достигли Чёрч Стрит, они направились к верхней части города.

– Где дом мистера Твида? – спросил он.

– Тридцать Шестая улица, – сказала Элиза. – Между Пятой и Шестой Авеню.

– Довольно далеко для города, в котором зреет восстание, – сказал он и, прищурившись посмотрел на Элизу, будто обдумывая что-то. – Мы можем пойти сверху.

– Сверху? Вы же не имеете в виду взбираться по стенам?

– Именно это я и имею в виду, – улыбнулся он. – Поверь мне. Это в твоей крови.

ГЛАВА 16

Абрахам вышел из «Дыры в стене», неуверенный, что ему делать или куда идти. Он прибыл сюда уже истощенным, и он знал, что оно может отказать ему без предупреждения. Он подобрался к своему пределу, пройдя всю ночь без сна, и боль уже ждёт его в квартале или двух. Для Элизы не будет никакой пользы, если он упадёт в обморок прямо на улице.

– *Этот пробел, в котором ты сейчас, довольно широкий,* – сказал Монро. – *Симуляция будет экстраполироваться, используя исторические данные. Она будет ощущаться не как... реальность.*

– Так что мне делать? – спросил Дэвид.

– *Оставайся в безопасности и будь готов добраться до следующего временного пересечения. Ты встретишь Шона и Наталью завтра во второй половине дня.*

– Оставаться в безопасности где?

– *Может, Абрахам знает, где. Прислушайся к нему.*

Дэвид знал: без отдыха Абрахам просто не дойдёт обратно до дома мистера Твида, и, даже если все условия сложатся, всё будет под вопросом. Улицы затихли из-за бандитов, перенесших свои действия в северную часть города. Абрахам не знал, какова опасность и сколько бунтовщиков

сейчас между ним и Элизой, но, вспомнив мальчика, прошедшего пальцем по горлу, кровь в жилах снова словно заморозилась.

С надеждой, что Элиза послушалась Галлус Мэг и вернулась обратно в дом мистера Твида, Абрахам двинулся вниз по Доуэр Стрит и через квартал достиг Дома Цветных Рабов. Абрахам никогда не посещал это место прежде, но знал о нём, и надеялся найти здесь временное прибежище. Это было пятиэтажное здание из крупного кирпича, со скромной вывеской.

Абрахам постучал в дверь, но в столь ранний час потребовалось сделать это несколько раз, прежде чем ему ответили. Когда дверь наконец открылась, коренастый чёрный мужчина среднего роста и возраста приветствовал его босиком и в расстёгнутой, свободно висящей на нём рубашке. Его глаза были обращены больше на улицу, чем на Абрахама.

– Да? Чем я могу вам помочь?

– Я надеялся, что смогу укрыться у вас, – сказал Абрахам.

– Ох, конечно, – мужчина потёр лицо и отступил, позволив Абрахаму войти. – Конечно, конечно, прошу, входите. Мы рады всем, кто приходит с миром.

Абрахам прошёл в фойе, с двумя дверями по сторонам. Коридор уходил дальше вглубь здания, частично освещённый светом с лестницы.

Пригласивший Абрахама войти закрыл за ним дверь и повернул замок.

– Могу я спросить, как вас зовут?

– Абрахам.

Индианка вышла из одной из комнат в фойе, одетая в ночную рубашку, и того же возраста, что и мужчина, открывший дверь.

– Абрахам, добро пожаловать, – поприветствовала она его.

– Меня зовут Уильям Поуэль, – сказал мужчина. – Это моя жена, Мёрси, и мы вместе заправляем домом.

– Я благодарен вам за ваше гостеприимство, мистер Поуэль, – сказал Абрахам. – И мне жаль, что я побеспокоил вас в такой ранний час. Мне просто нужно место, чтобы передохнуть, я провёл на улице почти всю ночь.

– Конечно, – сказал мистер Поуэль. – Наверху есть кровати.

Он и его жена провели Абрахама по коридору, где его на мгновение ослепило солнце, когда они проходили мимо окна, ведущего на улицу.

– Как там снаружи? – спросил мистер Поуэль.

– Угрожающе, – ответил Абрахам. – Бунтовщики начали двигаться в верхнюю часть города для чего-то, что они запланировали, что бы это ни было.

– Завтра наступит чёрный день для нас, – произнёс мистер Поуэль. – День, которого я так боялся.

– Чем вы здесь занимаетесь?

– Мы предоставляем нравственную поддержку рабам, попавшим в трудное положение. – объяснил мистер Поуэль. – Место, очищенное от козней и соблазнов, окружающих их. Мы отвергаем алкоголь и наставляем наших людей словом Божиим и библиотекой, чтобы они стали лучше себя нынешних. Если необходимо, мы помогаем им найти честную работу.

Они наконец поднялись наверх, и Абрахам увидел длинный коридор с открытыми дверями пустых спален.

– Мы также проводим здесь встречи со сторонниками отмены рабства, – сказал мистер Поуэль. – Я один из основателей Антирабовладельческого Общества. Мы покровительствуем и помогаем беглым рабам бежать, вместе с Альбро Лайонсом, который располагается выше на Вандерватер Стрит³⁶.

– Вы делаете дело, угодное Богу, – одобрил Абрахам. – Я прибыл сюда с острова Стейтен.

– Бог хранил вас, – произнесла миссис Поуэль.

– Оттуда приходят хорошие люди, – сказал мистер Поуэль.

– Так и есть, – Абрахам кивнул в сторону ближайшей комнаты с простой кроватью и Библией на столе. – Эта комната выглядит свободной.

Миссис Поуэль кивнула.

– Многие покинули нас вчера, как только нас предупредили о протестах. Они сели на паром в Бруклин или даже в Нью-Джерси.

– Но не вы? – спросил Абрахам

– Это мой дом, – заявил мистер Поуэль. – Я отсюда не уйду.

Абрахам впечатлился его смелостью.

– Комната уже убрана и готова для вас, – произнесла миссис Поуэль, указав рукой на одну из комнат. – Пожалуйста, отдыхайте. Вы можете оставаться здесь сколько вам угодно, пока ситуация не разрешится.

– Я не буду стеснять вас долго, – заверил их Абрахам. – Мне нужно найти мою дочь. Я планирую уехать с ней отсюда в Хобокен.

– Тогда отдыхайте, пока есть возможность, – ответил мистер Поуэль.

Они были хорошими людьми. Даже слишком. Наверное, это Монро подразумевал, когда говорил, что симуляция станет отличаться от реальности.

Они оставили его, и он лёг на одеяло кровати, даже не закрыв дверь и не сняв обувь. Матрас, тонкий и старый, принял его со всей заботой, на которую был способен, и его тело было ему за это благодарно. Боль в коленях и пояснице утихла, он вздохнул и закрыл глаза.

Симуляция затемнилась, картинка стала пропадать из виду и снова появляться в другом месте, словно в темноте луч выхватывал разные части

³⁶ За основу взят реально существующий дом и семейная пара. Их имена сохранены в первоначальном виде, а также их фото присутствует в архивах: <http://archive.blackgothamarchive.org/items/show/19>

изображения. Улицы города, луна над топиями, Галлус Мэг, смеющаяся вместе с Тошим Джо. Было такое чувство, что Дэвид снова десинхронизировался.

– Что происходит? – спросил он в пустоту. – Монро?

– *Он видит сновидения*, – ответил Монро. – *Не о чем беспокоиться.*

– Сновидения? Но они такие тёмные.

– *Анимус экстраполирует их, чтобы заполнить пробел. Просто ложись, и расслабься.*

С расслаблением у Дэвида были проблемы. Элиза была одна, где-то в городе, значит, и Грейс была там же. Она была единственной, за кого беспокоился Дэвид. А она была единственной, кто беспокоился о нём, и следила, чтобы с ним не произошло ничего плохого; той, кто всегда принимал удар на себя и никогда не заставляла себя чувствовать его так, будто он обязан ей за это. Но эта симуляция изменила их взаимоотношения. Опыт Абрахама, заботящегося об Элизе, изменил отношение Дэвида к заботе о нём его сестры. Он больше не мог просто смотреть, как она заботится о нём. Он хотел заботиться о ней.

– Когда я встречусь с Грейс? – спросил Дэвид.

– *У тебя будет пересечение с ней после того, как ты встретишь Шона и Наталью.*

– Что за пересечение?

Наступила пауза.

– *Не уверен*, – ответил Монро через некоторое время, но Дэвиду показалось, что он что-то недоговаривает.

Сновидения длились ещё какое-то время, но, в конце концов, Абрахам проснулся, и Дэвид отступил, вслушиваясь в разум старика, встающего с кровати. Его колени и спина болели, но эта была память о боли, а не настоящая травма. Он посмотрел на свои часы и обнаружил, что он проспал всё утро. И сейчас уже был час дня.

Выйдя в коридор, Абрахам услышал голоса и пошёл на их звук, в библиотеку. Там он увидел, как миссис Поуэль читает трём детям: двум девочкам и одному мальчику. Мальчик выглядел лет на двенадцать. Одна из девочек была возраста Элизы, другая гораздо младше, со скрюченными ногами, сидящая на коленях матери.

Миссис Поуэль взглянула на Абрахама, стоящего в дверном проёме.

– Пожалуйста, входите.

– Я бы не хотел мешать вам, – сказал Абрахам.

– Чепуха, проходите, присаживайтесь. Вы хорошо отдохнули?

– Да, – ответил он. – Где мистер Поуэль?

– Он пошёл на улицу, несмотря на мои предостережения, узнать, что происходит.

– Но у вас ведь нет причин для беспокойства?

– Абсолютно нет, – сказала она мягким голосом, глядя на детей.

– Ты не должна притворяться, мама, – произнесла старшая дочь.

Абрахам откашлялся.

– Ещё раз, спасибо за ваше гостеприимство. Думаю, я продолжу свой путь домой.

– О, Абрахам, пожалуйста, – попросила миссис Поуэль. – Вы не могли бы остаться, хотя бы, пока Уильям не придёт обратно? Так мы хоть будем знать, что происходит в городе.

Абрахам подумал над этим и посчитал благоразумным остаться. Если мистер Поуэль сможет рассказать ему о происходящем снаружи, он сможет выбрать более безопасный путь в верхнюю часть города.

– Хорошо, – согласился он и занял один из стульев в комнате.

Здесьняя библиотека не могла сравниться с библиотекой мистера Твида. Выбор был небогат, а книги были довольно потрёпаны. Но при виде этих книг появлялось чувство искренности и богатства, в то время, как в библиотеке мистера Твида, со всеми полками книг, ощущалась пустота. Эта комната была наполнена тем, чем и должна была быть. Абрахам словно чувствовал висящие в воздухе учёные разговоры, будто старые деревянные книжные полки и пол пропитались ими.

Миссис Поуэль вернулась к чтению сказки Ганса Христиана Андерсена о принцессе, которая могла почувствовать горошину через любое количество матрасов и подушек³⁷. Маленькие дети миссис Поуэль хихикали над историей, старшая же ходила по комнате, глядя в окно.

– Хотела бы я, чтобы Билли был здесь, – сказала она со вздохом.

– Кто такой Билли? – спросил Абрахам.

– Наш старший сын, – ответила миссис Поуэль. – Он недавно стал старшим военврачом в армии. Хотел помочь справиться с последствиями войны.

– Вы, должно быть, гордитесь им.

– Горжусь, – подтвердила она. – И надеюсь, что ему и платят, и уважают так же, как и белого врача.

Дверь под ними открылась, и через секунду шаги донеслись с лестницы. Мистер Поуэль зашёл в библиотеку с открытым ртом, будто хотел что-то сказать с порога, но при виде детей он сразу же его закрыл.

– Мёрси, могу я с тобой поговорить с глазу на глаз?

– Конечно, – сказала миссис Поуэль. – Мэри, присмотришь за Сарой?

Старшая дочь взяла младшую дочь на руки, и миссис Поуэль встала из своего кресла.

³⁷ Сказка Ганса Христиана Андерсена «Принцесса на горошине».

– Абрахам, – окликнул его мистер Поуэль. – Могу я поговорить и с вами тоже?

– Конечно, – сказал Абрахам, надеявшийся на это.

Втроём они вышли из библиотеки в коридор и отошли в его дальний конец, где их не могли бы слышать дети.

– Всё крайне ужасно, – начал он. – Двадцать чёрных семей с Бакстер и Леонард Стрит были выброшены из своих горящих домов. Погромщики уничтожили рестораны Крука и Даффа. Прямо сейчас они поджигают государственный арсенал на Двадцать Первой. Они штурмовали здание Трибьюна. Повсюду грабят магазины, дома и поджигают их. Любого чёрного они ловят и избивают. Некоторых – до смерти, как я слышал. Полиция бессильна остановить их. Соотношение погромщиков к патрульным – множество сотен к одному, и там, где удаётся их оттеснить, они либо возвращаются с подкреплением, либо просто уходят в другое место.

– Господь, помоги нам, – прошептала миссис Поуэль.

– Здание Трибьюна не так далеко отсюда, – сказал Абрахам.

Мистер Поуэль кивнул.

– Я снёс надпись на нашем здании, но мы достаточно известны и без него. Боюсь, вы подвергнете себя огромной опасности, если выйдете наружу сейчас.

Абрахам был согласен с ним, но это повергло его в отчаяние. Он надеялся, что Элиза сейчас в безопасности, за стенами дома мистера Твида, но он не был в этом уверен. Если бы он знал где она сейчас, он мог бы оставаться здесь.

– Но моя дочь... – начал он.

– Я уверена, что она хотела, чтобы вы были в безопасности, – вмешалась миссис Поуэль. – Так же, как и вы хотите, чтобы она была в безопасности.

Для разума Абрахама это были правильные слова, но не для его сердца.

– Вы можете остаться с нами, – предложил мистер Поуэль. – Пока эти ужасные дела творятся снаружи.

– Но кто их остановит? – спросила миссис Поуэль.

– На данный момент только армия может навести порядок. Это не просто беспорядки, это спланированное восстание, и я боюсь, что город будет потерян.

Они вернулись в библиотеку, и миссис Поуэль продолжила чтение, хотя её голос звучал растерянно. Вскоре после двух часов дня, Мэри, старшая дочь, всё ещё стоящая около окна, позвала отца:

– Они идут!

Абрахам бросился к окну вместе с мистером Поуэлем и увидел, что она права. Большая группа, около двадцати или тридцати человек, шла вниз по улице, крича что-то и неся в руках своё примитивное оружие. Казалось, они направляются прямо к ним.

– Быстро, уходим, – скомандовал мистер Поуэль спокойным, но быстрым тоном. – Я хочу, чтобы вы все поднялись на крышу и перешли на соседнюю. Постарайтесь, чтобы вас не увидели. – он взял свою младшую дочь, Сару, на руки. – Идём, и соблюдайте тишину.

Абрахам последовал за семьёй на третий этаж, а затем выше и выше, пока они не достигли узкой лестницы на чердак, которая вела к низкой двери на крышу. Абрахам увидел съёмный деревянный мост, перекинутый через переулок на соседнее здание, не видный с улицы. Мистер Поуэль действительно ждал этого дня. Он пропустил всю семью на другую сторону, передав Сару в руки жены, и пропустил за ними Абрахама.

– Уберите мост, если вам не трудно, – сказал мистер Поуэль, оставшись на месте.

Шум от погромщиков внутри здания уже был слышен, шум, сочащихся ядом и угрозой разговоров, шум, который Абрахам не слышал с тех пор, как был рабом на плантациях, слова, которые заставляли дрожать его тело помимо своей воли.

– Вы не пойдёте с нами? – спросил он мистера Поуэля.

– Я не покину свой дом, – сказал мистер Поуэль. – Теперь, когда моя семья в безопасности, я встречу с этими бандитами лицом к лицу, заставив их пожалеть, что они вломились в мой дом.

– Уильям, пожалуйста, – перешла на крик миссис Поуэль.

– Мёрси, – прервал её мистер Поуэль. – Я не сдался Королю Толпы³⁸, и тем более не отступлю перед этими подонками, я просто не могу. Это против моей природы.

Абрахам взглянул вниз на деревянный мост, наклонился и, взяв двумя руками, начал тянуть на себя. Сын Поуэля помог ему, и вдвоём они перетянули мост на свою сторону. Затем вновь взглянул на мистера Поуэля, который стоял с решительным видом.

– Спасибо, сын, – поблагодарил он. – Я люблю тебя. Стойте там, и тихо. Вы будете в безопасности.

³⁸ Эндрю Джексон (15 марта 1767 – 8 июня 1845) – седьмой президент США с 1829 по 1837 года.

Во время его бала по случаю инаугурации, когда на неё был приглашен абсолютно любой человек, количество желающих было таким, что некоторые даже залезали на окна, чтобы увидеть инаугурацию, а те, кто были внутри, разбивали всё, из-за чего Джексона даже вывели из Белого дома. Кроме того, население приходило в домашней одежде, большинство из них не были зажиточными. Позже подобный «популизм толпы» стал причиной, по которому Джексон получил от своих противников прозвище «Король Толпы».

Был горячим сторонником выселения индейцев и пользовался горячей поддержкой среди белого населения южных штатов, претендовавших на земли Пяти цивилизованных племен (термин, обозначающий пять индейских народов США – чероки, чикасо, чокто, крики и семинолы).

– Я люблю тебя, Уильям, – сказала миссис Поуэль, и её дети отозвались эхом.

Мистер Поуэль повернулся и ушёл с крыши, закрыв за собой дверь, оставив их одних.

Семья устроилась на крыше, в ожидании и надежде, Мэри вытирала слёзы, как и миссис Поуэль. Мальчик держался, а Сара свернулась в руках матери, словно они и были её городом, и пока она оставалась в них, в мире будет царить мир, несмотря на горящий вокруг неё Нью-Йорк. Запах дыма витал в воздухе, и Абрахам посмотрел на север. Он увидел чёрные, дымные столбы, перечёркивающие небо; некоторые рядом, некоторые далеко, одни большие, другим малые, но все они выглядели зловеще.

Улюлюканье и визг толпы усилился, но он по-прежнему раздавался на улице, а не внутри дома. Возможно, они боялись силы сотен рабов, ожидающих их за дверью. Но время шло, дым заволок небо, и, хоть это и не спасло от жары, солнце перестало давить на плечи Абрахама.

– Может, они просто уйдут, – предположила Мэри.

– Давайте помолимся, чтобы так и было, – сказала миссис Поуэль. – Прямо сейчас, вместе. Дети, идите сюда, возьмитесь за руки.

Её дети собрались вокруг неё, и когда она начала свою молитву, Абрахам склонил свою голову. Закрыв глаза, он представил, что Элиза в ловушке, в доме мистера Твида, толпа беснуется снаружи, а вокруг дома бушует огненный ад. Она зовёт его, но он не может услышать её голоса из-за рёва пламени. Он может только видеть ужас на её лице и открытый в неслышном ему крике рот.

– Так, Дэвид, – позвал его голос Монро. – *Время идти к следующему пересечению.*

Дэвид отошёл от семьи Поуэль.

– Ты не мог сказать это, прежде чем я перебирался с крыши на крышу?

– *Извини. Но тебе нужно поспешить.*

Дэвид знал, что Абрахам будет чувствовать себя виноватым, если он бросит на растерзание судьбы миссис Поуэль и ей детей на крыше. Они закончили молитву, и он повернулся к ней, чтобы поговорить с ней, но увидел, что она уже смотрит на него и улыбается, будто знает, что он хочет ей сказать.

– Иди, – сказала она. – Иди к своей дочери.

– Но...

– Всё будет хорошо, – убеждала она. – Молясь, я испытала чувство, что Бог слышал нас. Он защитит нас, за нашу работу, совершённую нами здесь.

Абрахам хотел бы обладать такой же верой, как она, но после того, как вся его жизнь прошла, у него было так много вопросов к Богу, тянувших на довольно длинный разговор. Но он оставил своё мнение при себе и попрощался с миссис Поуэль и её детьми.

– Когда всё закончится, – сказала она, – приходи повидаться к нам. Наши прихожане всегда смогут извлечь мудрость из уст доброго человека.

– Я вернусь проведать вас, – пообещал Абрахам.

Позади здания он обнаружил дерево и спустился по нему на улицу. Его мышцы устали, прежде чем он достиг земли. Спустившись с дерева, он оказался в переулке рядом с Уотер Стрит. Он направился в верхнюю часть города, подальше от толпы снаружи дома.

– *Ты на верном пути,* – сказал Монро. – *Продолжай двигаться на север.*

– Там я встречу Шона и Наталью?

Монро снова помедлил с ответом.

– *Да, всё верно.*

– Я иду, Элиза, – прошептал Абрахам самому себе.

– Я иду, Грейс, – сказал Дэвид.

ГЛАВА 17

Томми вёл Аделину на запад, мимо заборов и газонов соседей. Они шли вместе с другими людьми, такими же, как они, выбежавшими через чёрный ход. Но Томми видел в их глазах – они понятия не имели, что делать и куда идти. Толпа бандитов и протестующих казалась теперь везде.

– Идите в полицейский участок, – шептал он каждому, кто проходил мимо них. – Вы будете в безопасности в полицейском участке.

Он и Аделина в конце концов оказались на переулке Четвертой Авеню. Они пересекли Тридцать Шестую и направились к Мэдисон Сквер, по-прежнему избегая скопления протестующих.

– Вы чувствуете? – спросила Аделина. – Это дым.

Томми завертел головой, смотря на тот кусочек неба, который они могли видеть из-за окружающих их зданий. На юго-западе поднимался большой чёрный столб.

– Я думаю, это Городской Арсенал, – сказал он. – Боже мой, они подожгли его.

– Арсенал? – спросила Аделина. – Значит, толпа захватила оружие?

– Молю Бога, что нет, – ответил Томми. Если же это произошло, то у него не было ни одной идеи о том, как полиция подавит это восстание. В городе, возможно, пятнадцать сотен патрульных, если все вышли на свои посты, но прямо сейчас их было гораздо меньше. И они все противостояли толпе в десять тысяч человек, которая росла каждую секунду. Если погромщики захватят карабины и винтовки, бороться с ними станет невозможно.

Они пересекли Мэдисон через парк, мимо скамейки, на которой они провели ночь, разговаривая обо всём на свете.

– Ах ты! – внезапно воскликнул Томми. – Чтоб меня, идиота!

– Что случилось? – спросила Аделина.

– Ваше золото, – вспомнил он. – Я оставил ваше золото в доме брата.

– Что ж, – сказала Аделина. – Говоря начистоту, это было ваше золото, не моё. И, несмотря на отвращение от мысли, что оно окажется в карманах воров и грабителей, я не думаю, что вернуться за ним будет хорошей идеей.

Он и не думал о возвращении за ним, но это не удержало его от пощечины, отвешенной самому себе.

– Прекратите, – сказала Аделина. – В мире существуют гораздо более ценные вещи, чем золото. Я бы лучше потратила наше время на беспокойство о том, что нам делать сейчас. Вы всё ещё думаете, что мой отель безопасен?

Томми обернулся через плечо. Основная масса протестующих двигалась из нижней части города по основным, широким улицам, но маленькие группы грабителей растеклись по более мелким улочкам и переулкам. Инстинкт подсказывал ему, что, двигаясь от Ист Ривер, они будут сеять хаос и разрушение в каждом квартале и на каждой улице, до самого Гудзона, и они точно доберутся до отеля.

– Не думаю, что там безопасно, – сказал он.

– Тогда куда нам пойти? – спросила она. – Полицейский участок?

– Эта толпа с легкостью захватит полицейский участок, если они обратят на него внимание. Я должен был сказать об этом людям.

– Тогда куда?

– Семьдесят Первая Пехотная, у них есть арсенал на Тридцать Шестой и Седьмой Авеню. Толпа может взять вверх над полицией, но они не посмеют тронуть армию.

– Я думала, вы сказали, что армии нет в городе.

– Арсенал находится на гарнизонном положении.

Это было единственным местом в голоде, которое он мог придумать, где было бы достаточно безопасно. Другие варианты предполагали вывоз Аделины из города, пока погромщики не переключились на близлежащие города.

– У вас есть друзья в Бруклине? Или в Нью–Джерси? – спросил Томми.
– У меня тётя живёт в Хобокене, – ответила она.
– Хобокен, неплохо. Паром из Кристофер Стрит отвезет вас туда, если будет необходимость.

Томми помнил, что главное полицейское управление находится на Бродвее, Двадцать Девятой улице, поэтому он повёл Аделину вдоль Двадцать Шестой, обходя верхнюю часть города по Седьмой Авеню. Им предстояло пройти почти десять кварталов, в которые они бы не сунулись при нормальных обстоятельствах. Они прошли три, когда банда бунтовщиков вышла на них из–за угла. Томми поспешил с Аделиной вглубь переулка, встав за разбитым фургоном без задней оси. Он оставил дома свою дубинку, боясь, что она выдаст в нём патрульного, поэтому сейчас у него не было ничего, что могло бы пригодиться ему в драке.

– Спасибо, – прошептала Аделина, когда бандиты прошли.

Он посмотрел на неё.

– За что?

– За всё. За то, что заботитесь обо мне. Вы же не знаете меня, на самом деле. Вы даже не знаете, заслуживаю ли я такого отношения.

– Заслуживаете, – ответил он. – Все заслуживают такого отношения.

Она вздохнула.

– Ты хороший человек, Томми Грейлинг. Ты, должно быть, самый лучший человек, которого я когда–либо встречала.

– Аделина...

Но больше он ничего не успел сказать, так как она заставила его замолчать своим поцелуем в щёку, и он почувствовал, как его кожа потеплела от её дыхания, осчастливив его, и тепло её губ, наградивших его. Он запнулся.

– Это не... ты не...

– Тсс, – прошептала она. – Идём дальше.

Они вышли из переулка и продолжили свой путь вверх по улице. Томми был по–прежнему взволнован из–за того, что только что произошло, но он знал – Аделина не из тех женщин, которые делают так часто. Может, она целовала множество мужчин в щеку, и то, насколько это важно для него, настолько это мало значило для неё.

Бурлящий поток сознания Томми ошеломил Шона, обрушившись на него и приведя в замешательство. Он знал, что его поцеловала Аделина, и он также знал, что Наталья пережила это тоже, и он думал, сможет ли это как–то повлиять на них вне симуляции.

Но они продолжили путь. Столбы дыма обозначали горящие здания в дали, в бунтовщиках, казалось, проснулась склонность к разрушениям. Томми и Аделина, к счастью, избежали ещё нескольких небольших групп, прячась и ожидая, когда они пройдут мимо, и снова продолжая свой путь к арсеналу, к которому пришли после часа дня.

Это была крепость из белого камня, с восьмиугольными башенками на трёх углах и массивной квадратной колокольни на четвертом. Солдаты стояли перед входом, держа в руках винтовки с примкнутыми штыками. Вид их формы угрожал вернуть воспоминания сражений, которые по-прежнему бушевали в дальних уголках его памяти. Его руки начали потеть, дыхание участилось, и шаг замедлился.

– Что такое? – забеспокоилась Аделина.

– Ничего, – пробормотал он, но дым стоящий в воздухе, напоминал ему пороховой дым от орудий, и его нога запульсировала болью.

– Томми, – сказала Аделина, взяв его под руку. – Томми, что не так?

Он чувствовал её руку на своей, но этого было недостаточно, чтобы вернуть его обратно, а её голос заглушали залпы орудий и ржание лошадей.

– Томми, посмотри на меня, – сказала Аделина, встряхнув его.

Он опустил взгляд и встретился с её глазами. Она протянула руку и тронула его щеку, ту, которую поцеловала ранее, и дрожь пробежала по его спине, заставившая замолчать грохот орудий и боль в старой ране.

– Вот так, всё хорошо, – сказала Аделина. – Ты немного бледен.

– Прошу прощения. Я...

– Не извиняйся, – сказала она. – Тебе нечего стыдиться. Ты в порядке?

– Думаю, да.

– Хорошо, – она взяла его ладонь и сжала её, а затем кивнула на арсенал. – Это всё ещё наш план?

– Да, – ответил он. Подобного с ним не случалось давно, и сейчас он был застигнут врасплох. Но теперь он был готов.

Они прошли к главному входу арсенала, но прежде, чем они дошли до него, навстречу вышел седой, эксцентричного вида старик с выступающим вперёд подбородком.

– Чем я могу помочь? – спросил он. – Вы волонтёры, молодые люди?

– Волонтёры? – повторила Аделина.

– Они объявили сбор, – сказал старик. – Все трудоспособные ветераны собрались здесь. Мы собрали небольшой отряд.

– Нет, мы здесь не поэтому, – возразил Томми. – Я надеялся, что вы пустите эту женщину в арсенал и обеспечите её безопасность, пока ситуация не разрешится.

– погоди, что? Ты не пойдёшь со мной? – спросила Аделина.

– Я подожду, пока не буду уверен в том, что ты в безопасности и тебя разместят, – ответил Томми.

Старик оглянулся на своих товарищей, которые пожали плечами.

– Не уверен насчёт этого, – замялся он. – У нас не было приказов относительно гражданских.

– Тогда и запрета на это нет, – парировал Томми.

– Прямого нет, – признал старик, сузив глаза. – Тогда, сюда.

Они направились к главному входу и вошли в пустой, напоминающий пещеру коридор, а оттуда старый ветеран привёл их в приёмную со скамейками, где он сказал им сесть и дожидаться его:

– Я выясню подробности.

– Премного благодарны вам, офицер, – произнесла Аделина с любезной улыбкой.

Старик взял под козырёк.

– Спасибо, мисс, но я никогда не был офицером, – и он отошёл от них, улыбаясь.

После того как оно ушёл, Аделина прошептала:

– Я знала, что он не был офицером, – и подмигнула Томми.

Затем они прождали около часа. Солдаты приходили и уходили, вместе с волонтёрами и отозвавшимися рекрутами. Томми вскоре понял, что они сумели собрать весьма небольшое количество ветеранов, бывших в реальном бою. Если они полностью экипируются и вооружаются, то они способны противостоять даже такой толпе, однако никто не торопится выйти из арсенала и усмирить бунтовщиков.

Когда старый солдат вернулся, он лишь покачал головой:

– Боюсь, я попрошу вас уйти. Мы получили приказ отправлять гражданских в Столичный полицейский участок.

– Но полицейские участки как раз небезопасны, – Томми постарался говорить спокойно и разумно, даже если это отдавало бюрократическим идиотизмом. – Большинство из них укомплектованы только половиной патрульных. И они будут переполнены.

– Я сожалею, – ответил старик. – Ни один гражданский не должен быть допущен в арсенал в настоящее время. Приказ генерала Сэнфорда.

Какой бы абсурдной ситуация ни была, Томми знал, что ни к чему хорошему дальнейший спор не приведёт, поэтому он поднялся со скамейки, Аделина поступила так же. Они проследовали за старым ветераном обратно на улицу, горизонт стал более чёрным, чем раньше. Томми повернулся к старику.

– Посмотрите на это, – сказал он, указав на поднимающиеся столбы дыма в дали. – С войсками, которые вы собрали, почему вы не идёте на бунтовщиков?

Старик, выпрямился, несмотря на свою кривую спину.

– Мы ожидаем приказов генерала Сэнфорда.

– Это вас не бесит? Меня бы бесило.

Старик проглотил его слова и ничего не ответил.

Томми покачал головой и повёл Аделину подальше отсюда, вниз по Седьмой Авеню.

– Как же разит политикой, – воскликнул он.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Аделина.

– Сэнфорд – демократ, и он подчиняется губернатору Сеймуру, который тоже является демократом.

– И?

– Хороший шанс увидеть демократам, как бунт играет им на руку и против Линкольна и войны. Если они смогут остановить призыв, у них будет больше шансов вынудить Линкольна пойти на мир.

– Хочешь сказать, они хотят этого?

– Я говорю, что Сэнфорд и раньше подавлял беспорядки в городе, почему же не сейчас? У него нет причин сдерживать свои войска, а волонтеры и ветераны ничего не делают.

Но они снова вернулись на улицу, и он снова начал думать, где Аделина была бы в безопасности.

– Я думаю, нам нужно идти к парому на Кристофер Стрит, – сказал он.

– Он отвезёт тебя в Хобокен.

– Хорошо, – согласилась она. – Но я по-прежнему чувствую, что ты хочешь оставить меня.

– У меня долг перед этим городом, – ответил Томми. – Убедившись в твоей безопасности, я вернусь на войну с этими грабителями, и у меня нет планов арестовывать их.

Аделина ничего не ответила на это, и вместе они двинулись на юг тем же путём, которым они шли ранее, оставаясь незаметными и не попадаясь на глаза. Достигнув Тридцатой улицы, они увидели грабителей и дом, объятый пламенем, поэтому они повернули на восток, чтобы разминуться с ними, направившись к большой колонне дыма. Двинувшись вниз по Шестой Авеню и достигнув Двадцать Девятой улицы, они увидели дым, поднимающийся от обугленных остатков главного полицейского управления. К счастью, толпа посчитала, что её работа здесь выполнена, и двинулась дальше, поэтому Томми повёл Аделину в сторону разрушенного здания.

Дым выжигал глаза Томми, в воздухе витали облака пепла. Аделина закашлялась и прикрыла лицо рукавом, пока они проходили мимо здания ранее, теперь же были мешанины раздробленных и почерневших остов с кусками дерева, железа, кирпичей и камней, валяющимися на земле вокруг.

Когда они добрались до Бродвея, они повернули к верхней части города, направляясь к отелю на Пятой Авеню. Томми не знал, что они встретят здесь, но он планировал вернуться на Шестую Авеню, где он чувствовал себя в большей безопасности, и которая бы вывела их прямо к Кристофер Стрит.

– Томми, смотри, – произнесла Аделина.

Впереди, сквозь дым, Томми разглядел группу из четырёх головорезов, злобно пинающих и избивающих фигуру на земле. Пожилого чернокожего мужчину, судя по всему.

– Держись позади, – прошептал он.

– Что ты собираешься сделать?

– Проломить пару голов, – процедил он, отошёл к останкам полицейского участка и подобрал там лом и железную трубу, по оружию в каждую руку. Затем он начал красться вперёд, поближе к негодяям, так тихо, как мог.

– Сраный ниггер! – кричал один из них, врезаясь ботинком в живот своей жертвы. – Я убью каждого проклятого ниггера в этом городе!

– Дай ему, чтобы глаза повылезали! – кричал другой.

Когда Томми подобрался к ним так близко, как смог, оставаясь незамеченным, он бросился на них в полный рост, по-прежнему молча. Бандиты посмотрели на него, но не успели ничего предпринять. Томми вложил все свои силы в оружие и обрушил его на бандитов. Лом попал одному из бандитов в челюсть. Труба достала череп другого.

Томми набрал приличную скорость и остановился только метра через три, проскользив их, и развернулся навстречу оставшимся двум бандитам. Они стояли в шоке, глядя, как Томми расправился с их товарищами, но успели достать своё оружие, прежде, чем Томми к ним приблизился. Один из них достал нож, другой — обломок кирпича. Томми быстро ударил по рукам того, что с кирпичом, обезоружив его, и сразу же повернулся к последнему. Но нож ударил в него быстрее, чем он успел повернуться. Боль резко полыхнула, но Томми задавил её и проигнорировал, ткнув своего оппонента по шее ломом, толкая его вперёд, и врезав в лицо трубой.

Обломок кирпича ударил в плечо Томми, толкнув его вперёд. Но грабитель потратил впустую свой бросок, не попав в голову Томми, а, значит, Томми не составило никаких проблем повернуться и обрушить на него град ударов, сломавших ему плечо и предплечье.

Все четыре грабителя лежали вокруг; Томми выпустил из рук своё оружие, которое, лязгнув, упало на землю, и быстро осмотрел ножевое ранение. Рана сильно кровоточила, но не угрожающими жизни темпами. Лезвие прошло мышечную ткань, но не повредило внутренние органы.

Жертва грабителей застонала на земле, и Томми склонился, чтобы осмотреть его. Бедняга был в сознании, но находился в очень тяжелом состоянии. Сломанная челюсть, разбитые в кровь щеки и надувающиеся кровью глазницы. Томми был уверен, что у него сломано несколько ребер и, скорее всего, множественные внутренние повреждения органов.

– Он жив? – спросила Аделина, подбежав.

– Едва ли.

Мужчина прошептал что-то, но Томми не смог его расслышать. Он наклонился ближе.

– Что вы сказали?

– Твид, – выдавил человек, тяжело дыша. – Я работаю... на Твида.

– Твид? – повторил Томми. – Уильям Твид?

Мужчина кивнул головой едва ли на сантиметр.

– Тридцать Шестая улица, – сказал он. – Пятая и Шестая.

– Пятая и Шестая Авеню? – предположила Аделина.

– Думаю, да, – сказал Томми. – Думаю, это адрес.

– Мы должны отвести его туда, – сказала Аделина.

– Ему нужно в больницу, – возразил Томми. – Как можно скорее.

– Нет, – покачала головой Аделина. – Я думаю, мы должны послушать его. Думаю, он знает, что ему сейчас нужно.

Томми снова посмотрел на старого мужчину и подумал, что, возможно, она права. С его травмами, и учитывая его возраст, он не в списке везунчиков, которые переживут эту ночь, вне зависимости от того, что для него сделают врачи в больнице.

– Хорошо, – согласился Томми и снова обратился к старику: – Как ваше имя, друг?

– Абрахам, – прошептал мужчина.

– Абрахам, я собираюсь посадить вас, – Томми положил свои руки на плечи мужчины. – Это, скорее всего, будет больно. Вы готовы?

Абрахам снова кивнул.

Томми поднял его так бережно, как только мог, но Абрахам стонал весь путь до сидячего положения.

– Придерживай его, – попросил Томми Аделину.

Она встала на колени и положила руки на плечи Абрахама, удерживая его в сидячем положении, пока Томми разворачивался к ним спиной.

– Теперь, – сказал он, – Аделина, аккуратно подними его руки, одну за раз, и положи их мне на плечи.

Абрахам застонал, и одна из рук прошла мимо плеча Томми, который отметил разбитые в кровь костяшки. Без боя он не сдался.

Абрахам снова застонал, и другая рука прошла над другим плечом Томми.

Томми взялся за обе руки и протянул их дальше, пока не согнул их в локтях и не обвил их вокруг своей шеи.

– Не бойтесь задушить меня, – произнёс меня. – Держитесь.

Он посмотрел на Аделину.

– Господи, ему будет очень больно, если ребра сломаны.

Но когда он вставал на ноги, с Абрахамом на спине, Томми почувствовал острую боль в месте ранения, будто его снова проткнули. Он судорожно выдохнул и вздрогнул, что не укрылось от Аделины:

– Что не так? – спросила она. – Ты... Боже мой, ты ранен!

– Я буду в порядке, – сказал он сквозь сжатые зубы. Он был всё ещё в состоянии пронести человека на спине шесть кварталов.

– Но ты истекаешь кровью.

– Я буду в порядке, поверь мне, – сказал он. – Я имел дело с травмами.

Он наклонился в талии, надеясь снять нагрузку с рук Абрахама и унять его боль. Затем они отправились обратно на Бродвей, дальше по Шестой Авеню, а затем, в верхней части города, он стал с трудом делать каждый шаг.

Томми знал, что он силен, но от также знал, что и у него есть свой предел.

Две драки за два дня, бессонная ночь и ножевое ранение.

Скоро ему предстоит узнать, где находится его предел.

ГЛАВА 18

Каджел смотрел на горящий город с вершины колокольни церкви на Пятой Авеню. После победы над ассасином он принёс украденную реликвию сюда, дожидаясь рассвета, когда он должен был доставить кинжал Великому Магистру. Каджел планировал стать полноценным участником сегодняшних событий, но, после заполнения столь ценного приза, он не имел права допустить ни малейшего риска его потери. Так что теперь, отсюда, со своего наблюдательного пункта в шестидесяти метрах над землёй, он наблюдал, как толпа разворачивает над городом красный гобелен огня, крови и страха.

Несмотря на всё, Хавьер чувствовал себя абсолютно беспомощным. Он хотел сделать хоть что-нибудь, чтобы остановить всё это, но не мог покинуть колокольню, помня предостережение Монро о риске десинхронизации. Особенно теперь, когда Каджел заполучил Частицу Эдема, Хавьеру не хотелось угробить единственную причину, по которой они вошли в симуляцию. Вместо этого ему приходилось оставаться на месте и переживать удовлетворение Каджела, вызванного видом горящего города, к чему он сам, в частности, приложил руку.

Большинство из того, что было запланировано, свершилось. Оба главных полицейских управления – один на Бродвее, другой на Третьей – были объаты пламенем, прежде чем они осуществили призыв. В конце концов, это был надуманный повод для протестов, которые переросли в беспорядки быстрее, чем Каджел ожидал.

Но были и другие задачи, и при их выполнении всё пошло не по плану. Попытка захватить здание Городского Арсенала на Второй Авеню провалилась, возможно, из-за того, что Каджел не был там и не смог командовать штурмом. Вместо этого он наблюдал издалека, как здание горит, уничтожая тысячи винтовок, карабинов и другого оружия, уверенный в том, что это дело рук безмозглых бунтовщиков, которые вместе со зданием сожгли их единственный шанс на победу. Без оружия толпа не сможет взять город под свой контроль, и неважно, как долго Сэнфорд будет держать армию подальше от города.

Но толпе не нужно было захватывать город.

Каджел посмотрел вниз, на кинжал в своей руке. Если это оружие то, чем оно является – реликвией Предтеч – то Великому Магистру толпа больше не понадобится.

Хотя толпа сделала довольно неплохую работу. Когда настал вечер, дым и огонь запылали во всех кварталах города. Ни один из них не волновал Каджела. Это была необходимая работа, которую следовало выполнить. Город стал слишком громоздким и породил множество проблем, влияющих на идущую войну. Да, несколько жизней потеряно, несколько домов сожжены, но это малая цена по сравнению с миром и процветанием нации.

Находящийся вдали от этого поля боя, Хавьер не знал, на чём основывается абсолютная уверенность Каджела. Он был в тамплиерском сознании и ничем не мог помочь, лишь только частично видеть пройденный Каджелом путь, временами сожалеющего о том, что тамплиеры натворили.

Наконец настал вечер, как и время отнести кинжал Великому Магистру. Он завернул реликвию и засунул её в карман пальто, собираясь спуститься на улицу, как увидел новый большой очаг, разгорающийся на севере. Он подумал, что погромщики двинулись в нижнюю часть города, поэтому он достал подзорную трубу Гершеля и использовал её как телескоп, чтобы увидеть, что толпа натворила.

Это был Сиротский Приют для Цветных Детей³⁹. Толпа подожгла его.

Каджел убрал обратно подзорную трубу. Во рту пересохло, желудок скрутило. Пока он верил в дело Ордена и следовал любым приказам, отданным ему, сама идея убийства детей заставила его остановиться и в этот момент, Хавьер почувствовал, как разум Каджела из состояния войны внезапно стал спокойным. Каджел быстро спустился с колокольни, скользя и цепляясь с уступа на уступ, пока не достиг улицы. После того, как он пробежал полтора квартала на север, он забрался на крышу, чтобы избежать давки на улицах, и продолжил свой путь по верху.

Детский приют никогда не был целью. Личные возражения Каджела в сторону, это просто не имеет смысла. Великий Магистр ясно дал понять: беспорядки будут успешно продолжаться, если примут вид восстания и потерпят поражения, если их расценят как зло и варварство. Некоторый уровень грабежей был ожидаем и приемлем, но поджог сиротского приюта — это уже слишком. Каджел должен был сделать что-то, и сделать это быстро.

Он снова спустился на улицу, когда достиг Кротонского водохранилища, но вновь забрался на её стену и побежал по широкой набережной, мимо рукотворного озера по левую руку и Хрустального дворца на западе. Столб дыма рос перед ним, раздуваемый пиршеством огня, и к тому времени, как Каджел достиг приюта, здание было полностью и бесповоротно охвачено огнём.

С дюжину пожарных стояли рядом, беспомощные и не способные приступить к своей работе из-за проклятий и угроз, несущихся из толпы:

– Сжечь это грязное гнездо!

– Убить каждую обезьяну, всех до единой!

Сцена ужаснула Хавьера и разозлила Каджела, но они оба надеялись, что дети сумели сбежать.

Грабители сновали по улице, неся одеяла, простыни, мебель и другое добро, которое они смогли вынесли из здания, прежде чем оно стало объято пламенем. Каджел двинулся на север по Пятой Авеню, через толпу, в поисках детей, а затем свернул на Сорок Четвертую, куда выводили

³⁹ Сиротский Приют для Цветных Детей был основан в 1836 году трёмя квакерами(членами религиозной христианской общины, в которой отвергают институт священников и церковные таинства, а также проповедуют пацифизм и занимаются благотворительностью) Энн и Ханной Шотвелл и Мэрри Мюррей и являлся домом для чернокожих детей, чьи родители умерли или не могли их обеспечивать. Каждый год он давал крышу над головой примерно четырём сотням детей. В 1846 году его директором стал Джеймс Маккун, первый лицензированный доктор-афроамериканец. После пожара (<https://pp.vk.me/c837630/v837630978/1a716/C4GxnUNEx2U.jpg>) во время бунтов потребовалось четыре года для перестройки, и в 1867 году он был открыт заново на пересечении Сто Сорок Третьей улицы и Амстердам Авеню.

Просуществовал до 1946 года, за два года до этого был переименован в Детскую ассоциацию Ривердейла.

переулки, идущие от детского приюта, и по которому сейчас шли дети, вышедшие через чёрный ход.

По мере того, как дети выходили, Каджел насчитал их около трёх сотен, и они шли прямо в руки поджидающей их толпы. Прежде чем погромщики обратили свою агрессию на сирот, Каджел решил отвлечь их внимание, дав детям время сбежать. Нужно было сделать что-то, что спровоцирует толпу, и единственный, кого толпа, ненавидящая чёрных, ненавидела ещё больше – это белого, симпатизирующего чёрным.

– Если среди вас есть люди, – закричал он, – с добрым сердцем, помогите этим бедным детям!

Ответ пришёл сразу же, как Каджел и ожидал. Толпа мгновенно схватила его, ругаясь и проклиная его, сторонника отмены рабства и поклонника Линкольна. Он позволил им оттащить его, крепко держа свою винтовку, пока служащие детского приюта уводили детей на восток, подальше от опасности.

Каджел выдержал пару болезненных пинков и ударов, ожидая, пока все дети уйдут, и лишь затем стал отрабатывать своих захватчиков. Некоторые были довольно крепкими, но ни один из них не был серьёзным противником. С парой тычков в горло и тяжелыми ударами локтём по почкам Каджел выскользнул из их рук и забрался на ближайшую стену.

Оттуда он двигался на восток, держа глазами детей внизу, которые двигались к Двенадцатому полицейскому участку. Когда группа где-то из двадцати сирот отстала от основной, Каджел снова решил спуститься на улицу.

– Идите за мной, – сказал он им, показывая пустые руки. – Я не причиню вам вреда. Идём.

Они смотрели на него снизу вверх, следы слёз оставили дорожки на закопчённых дымом пожара лицах. Некоторым из них было десять или двенадцать лет. И они держали за руки ещё более маленьких детей, примерно трёх–четырёх лет.

– Всё будет хорошо, – заверил он. – Я защищу вас, но нам нужно спешить.

Подгоняя их, они преодолели по Седьмой Авеню два квартала, через толпу, которая глумилась и смотрела на них, как коты смотрят на мышь. Улица была пороховой бочкой, и достаточно было одной искры, чтобы умереть этим детям. Дальше по дороге, Каджел заметил несколько омнибусов с Сорок Второй улицы, припаркованных около тротуара. Большинство из городских водителей не решились выйти на работу в этот день, из-за боязни перед этими животными и за свой транспорт, но Каджел опознал одного из них, информатора Таммани.

– Пэдди МакКофри⁴⁰! – окликнул Каджел.

Водитель глянул на него.

– Босс хочет, чтобы эти дети были невредимы! – сказал Каджел, сажая детей в повозки.

– На самом деле? – спросил Пэдди.

– На самом деле, – ответил Каджел. – Сажай их в экипаж и вези в Двенадцатый Участок. Сейчас же.

Лицо Пэдди побледнело:

– Толпа снимет с меня кожу живьём, если я это сделаю!

Каджел подошёл к нему вплотную и добавил в голос угрозы:

– Да ты что? Тогда я вскрою тебя прямо здесь и сейчас и посмотрю, что у тебя внутри, если ты этого не сделаешь. Понял? БЫСТРО!

Пэдди нахмурился, но кивнул, и Каджел помог остальным детям забраться в повозку, а когда заполнилась первая, начал сажать их во вторую, пока все они не оказались внутри. Толпа обратила внимание на Пэдди, когда тот пришпорил лошадей, некоторые мужчины закричали, вздымая вверх сжатые кулаки.

– Дайте проехать! – заорал Пэдди.

– Навались, парни! – краснолицый пьяница шёл прямо на омнибус, держа в руках топор. – Сломаем двери и свернём пару шей!

Каджел потянул тонкий нож с пояса и двинулся наперерез мужчине. Как только пьяница поднял оружие, чтобы нанести удар, Каджел быстро ударил его ножом в печень, и топор выпал из его рук.

Толпа вокруг ничего не замечала, пока пьяница не упал, но Каджел уже отступил в сторону, и повозки покатали дальше. Насилие в этих воспоминаниях не беспокоило Хавьера, и он думал, нормально ли это. Он начала слишком сильно ассоциировать себя с Каджелом, который прошёл с повозками ещё несколько кварталов, пока не убедился, что они прошли сквозь главную толпу, и покинул их, направившись к дому Великого Магистра. Он был полностью сосредоточен, чувства обострены, и, повернув на Бродвей, с реликвией он чувствовал себя наконечником меча.

Он сомневался, что следует ждать от ассасина неприятностей. Он доказал себе, что с легкостью сможет победить его, но Каджел теперь

⁴⁰ За основу взято абсолютно реальное действие, совершенное реальным Пэдди МакКофри, описано позднее в журнале Times за это год: <https://pp.vk.me/c836520/v836520955/191a3/VPCLMNfPASo.jpg> . Перевод: «Двадцать детей были отрезаны от основной группы. “Несомненно, что большинство, а может, и все беспомощные дети были бы хладнокровно убиты” – репортаж газеты Times. Но молодой ирландец Пэдди МакКофри, с помощью двух водителей из междугородней омнибусной линии на Сорок Второй улице, а также членами компании по производству двигателей №18, окружили детей и сразились с толпой. Пока бунтовщики забрасывали их камнями, им удалось отвезти детей к Тридцать пятому участку. Через час на месте приюта было месиво из обугленных щебней. Героизм Пэдди МакКофри был ещё одним противоречием того суждения, что все ирландцы поддерживали бунт.»

думал о том, не следовало ли его просто убить. Решение оставить ассасину жизнь явно будет иметь дальнейшие последствия, но в то же время было несомненно высокомерным. Каджел хотел, чтобы Братство знало, что в городе есть и другой Охотник, Кормак. Но, возможно, лучше бы не стоило оставлять никаких шансов, с реликвией в руках.

Когда он достиг Тридцать Шестой улицы, он повернул на восток, заходящее за его спиной солнце едва пробивалось через плотный дым от пожаров. Дневная жара ещё не сдалась, но воздух был уже не столь безжизненным. Небо обещало дождь, который помог бы городу и полиции в борьбе с пожаром – ещё один неудачный поворот для планов Ордена.

Каджел достиг дома Великого Магистра, и с расстояния он почувствовал, что что-то не так. Он приблизился на достаточное расстояние, чтобы увидеть, что входная дверь открыта, скорее всего, выбита, и он сразу же забрался на крышу соседнего дома. Оттуда он добрался до чердачного окна дома Великого Магистра, выломал его и проскользнул внутрь.

Внутри его встретил застоявшийся и пыльный воздух. Каджел прокрался через чердак, наклонил голову и, стараясь не скрипеть, прошёл по деревянным половицам. Он нашёл чердачную дверь и, взломав, открыл её, обнаружив с другой стороны пустой коридор, но внезапно услышал голоса, доносящиеся откуда-то снизу. Женский плач.

Насколько Каджел знал, Великий Магистр не жил здесь, но использовал дом для собраний.

Единственными людьми, которые могли здесь находиться, были слуги, и на мгновение Каджел подумал, что кто-то из бунтовщиков совершил немыслимый поступок и вломился в дом Великого Магистра.

Он прокрался по коридору и взглянул через перила вниз. Голоса, казалось, доносились с первого этажа, поэтому Каджел тихо спустился на два пролёта и спрятался в тени на втором этаже.

– Мне так жаль, – произнесла одна женщина, пока другая плакала.

– Он хотел, чтобы мы принесли его сюда, – раздался мужской голос. – Он хотел увидеть вас.

Каджел не мог узнать ни одного из них, но они не производили впечатления грабителей, пришедших ограбить дом.

Плачущая девушка сорвалась на крик, встряхнувший воздух во всем доме и проморозив самые глубокие уголки в груди Каджела. Это и сподвигло его спуститься по лестнице на первый этаж и практически отвлекло от тени, двинувшейся на него.

Он успел пригнуться, и метательный нож вонзился в стену, туда, где секунду назад была его голова.

Ассасин бросился на него.

Плечом он толкнул Каджела с такой силой, что отправил его в полёт вниз по лестнице, но он сумел зацепиться за перила, и, перекатившись, отпрыгнул и приземлился на ноги в трёх метрах впереди.

Трое других появились в дверях библиотеки, без сомнения, ошеломленные: Элиза, слуга Великого Магистра, другая женщина в прекрасном платье, и огромный мужик, держащийся как полицейский. Хавьер знал, что это были Грейс, Наталья и Дэвид. Но Каджел не знал. Он также не знал, где Великий Магистр, но этот дом был уже скомпрометирован, и доставить реликвию куда-либо в безопасное место было сейчас превыше всего.

Он бросился к открытой двери, звуки ударяющихся в пол метательных ножей звучали позади него. Один из них попал в его плечо, ближе к лопатке, когда он уже выбежал наружу. Он не был уверен, сможет ли он забраться по стене с травмой, но он рискнул, и, преодолевая боль, достиг крыши, раскаленной от близлежащих пожаров, затянутый дымом и покрытых пеплом.

Он не стал ждать, смотря, преследуют его или нет. Пока что ему было достаточно знать, что у него повреждена рука, и он не в лучшей форме для драки. Он подумал, что лучшим шансом ускользнуть от ассасина и его союзников – достичь толпы около сгоревшего приюта, поэтому он побежал на северо-восток.

На Тридцать Девятой он сумел оглянуться и увидел тень преследующего его ассасина, набирающего обороты и сокращающего дистанцию. Вполне возможно, что он догонит Каджела, прежде чем он доберётся до толпы.

Он спустился на улицу на Сороковой и углубился в руины Хрустального дворца⁴¹. Огонь уничтожил его почти пять лет назад, но с солнцем, почти скрывшимся за горизонтом, и тяжелыми облаками,

⁴¹ Хрустальный дворец Нью-Йорка – сооружение, построенное в 1853 году для Всенациональной индустриальной выставки, открывшейся 14 июля 1853 года в присутствии новоизбранного президента Франклина Пирса. Продолжила традицию Всемирных выставок культуры и индустрии, начатой Великой выставкой в Лондоне (1 мая – 11 октября 1851 года). Целью было показать национальную гордость страны и то, за что она стоит. Закрылась 14 ноября 1854 года, за это время её посетили 1,1 миллиона человек. Запомнилась обсерваторией длиной в 96 метров, позволявшая увидеть остров Стейтен, район под названием Куинс и Нью-Джерси.

5 октября 1858 года здание сгорело дотла. К счастью, человеческих жертв удалось избежать, но ущерб, нанесённый пожаром (внутри всё ещё находились экспонаты), был огромным: по оценкам, на сумму в 350 тысяч долларов (по сегодняшнему курсу почти 10 миллионов долларов), включая само здание.

Внутри: <http://www.boweryboyshistory.com/wp-content/uploads/2015/03/a.jpg>

Снаружи: https://mcnyblog.files.wordpress.com/2012/11/29_100_2387.jpg

Пожар: <http://www.bgc.bard.edu/images/content/1/7/17031.jpg>

заслонившими небосвод, останки дворца предоставляли Каджелу нужную ему тьму и место для укрытия. Он нёсся вперёд, уворачиваясь от разрушающегося металлического каркаса, стеклянная кожа которого всё ещё цеплялась за сгоревшие кости и показывала искривленные отражения позади него.

Мерцающий остров поднимался на тридцать метров вверх, и некоторые ребра конструкции дотягивались до этой высоты. Каджел прошёл мимо нескольких статуй греческих и римских воинов, нимф и королей, которые подвергались разрушению, обугленные, сломанные и преданные забвению.

После того, как он углубился в руины достаточно глубоко, он обернулся, сканируя окружение на предмет любого движения. Он не заметил ни одного признака ассасина, но это не означало ровным счётом ничего.

Каджел занял позицию за грудой металлических балок и снял с плеча винтовку. Для дымовых гранат не было времени, и он вытащил дротик со снотворным, такой же, какой использовал ранее. Зарядив винтовку, он стал ждать, проклиная себя за то, что сохранил ассасину жизнь.

Шум городского разрушения доносился сюда приглушённо, и Каджел закрыл глаза, вслушиваясь в любой звук, который мог бы выдать ассасина. Хлопок справа привлёк его винтовку в движение, но прежде чем он надавил на спусковой крючок, он понял, что это ловушка.

Когда он направил винтовку на прежнюю позицию, он услышал лёгкий шорох позади него, и, прежде чем он смог среагировать, он ощутил, как рука в перчатке схватила его за подбородок, откинула голову назад, и затем давление лезвия скрытого клинка.

Но скрытая броня Каджела сделала своё дело, дав ему необходимую секунду, чтобы он смог отклонить удар и начать драку.

Каджел отбросил винтовку и вытащил два ножа, делая отчаянные замахи и выпады, от которых ассасин уклонялся и блокировал. Боль в плече полыхала, и он знал, что этот недостаток в прямом противостоянии может быть смертельным для него. Он перекатился и побежал внутрь руин, но сразу же услышал, как ассасин сорвался за ним.

Каджел решил провести обманный маневр и сделал вид, что споткнулся, выронив ножи, скрытно надев на руки кастеты и припав к земле. Ассасин быстро настиг его, и как только тот оказался в пределах досягаемости, Каджел с разворота и практически с земли нанёс ему

апперкот. Его кастет ударил прямо в челюсть ассасина, надеясь, что он сломал её или разрушил ему зубы.

Удар подбросил ассасина в воздух, и он, пролетев несколько метров, рухнул на землю. Каджел же не стал ждать его приземления и сорвался на бег. Но уже спустя несколько метров в спину прилетел ещё один нож, и он споткнулся уже по-настоящему, упав и проскользив по углям и осколкам стекла. Лезвие вошло слишком высоко в спину, чтобы он мог его вытащить, застряв прямо между рёбрами, из-за чего каждый вздох отдавался болью, так что, скорее всего, нож проткнул его легкое. Больше он не мог ни сражаться, ни бежать.

У Каджела осталось только одно оружие в распоряжении. Он не знал силы реликвии и не думал о её использовании до этого момента, оставив это для Великого Магистра. Но в отчаянном положении, в котором он оказался, он достал её из кармана, когда ассасин оказался рядом с ним.

Реликвия отозвалась теплом в его руке. Он крепко схватил кинжал и заставил себя подняться на ноги, морщась и стиснув зубы.

– Ты хотя бы знаешь, что держишь в руках? – ассасин спросил его.

– Реликвию Предтеч, – ответил Каджел. – Думаешь, я идиот?

– Я думаю, что ты безмозглое орудие, – произнёс ассасин. – Но, должно быть, полезное.

– Я предпочту быть полезным инструментом мира, чем агентом хаоса.

Ассасин жестом обвёл окружающую их разруху.

– Оглянись вокруг! Думаешь, это не хаос?

– Это огонь очищения, – ответил Каджел, по-прежнему сжимая кинжал.
– Это необходимость, чтобы избавить город от тех, кто будет сдерживать его развитие. – он закашлялся, и кровь пошла из его рта. – Эти беспорядки пройдут через пару дней, и в результате они избавят нас от всех, кто противостоял нам. Орден даст этой нации цель, настоящую цель. И ты глупец, если сопротивляешься этому. Если не видишь этого.

По мере того, как Каджел говорил, он испытывал пульсирующие ощущения, словно энергия толчками выплёскивалась из его руки. Из реликвии.

Ассасин остановился на подходе к нему. Он выглядел смущённо, словно он на самом деле поверил Каджелу. Независимо от мощности, на которую был способен этот кинжал, Каджелу казалось, что он мог как-то воздействовать на людей. И Хавьер знал, что это так. Он знал, что происходит: то же самое происходило с ним раньше, когда он переживал воспоминания Чимальпопоки.

Это была сила Частицы Эдема.

Каджел воспользовался моментом и достал один из ножей. Зажав его между пальцев, он напрягся и бросил его в ассасина.

Лезвие вошло ему в живот. Ассасин нахмурился, будто удивился, и Хавьер подумал, кто сейчас смотрит на него, ассасин или Оуэн. Пошатнувшись, он упал на спину.

Каджел вздохнул, но боль в легком заставила его пожалеть об этом. Он не знал, нанёс ли нож в его спине смертельную рану, но он должен был каким-то образом доставить реликвию Великому Магистру, прежде чем умрёт.

Он был Кормаком, и он будет служить Ордену до самого конца.

ГЛАВА 19

Элиза стояла на краю крыши на шестом этаже, её грудь вздымалась, тяжелое дыхание вырывалось из лёгких, сердце стучало отдаленным локомотивом в ушах. Грейс отступила в самый дальний угол дворца своего сознания. У неё всегда были проблемы с высотой, и эти воспоминания, симулированные или нет, приводили её в ужас.

Вариус стоял на другой крыше переулка, только что перепрыгнувший через пропасть.

– Ты сможешь, – убеждал он. – Ты прыгала и через более широкие расстояния сегодня.

– Но никогда на такой высоте! – ответила Элиза. Она смогла успешно выполнить другие прыжки, но тогда она не беспокоилась о том, что неудача убьёт её.

– Элиза, послушай меня. Ты боишься, и ты веришь, что твой страх говорит тебе, что ты не сможешь этого сделать. Но это ложь. Твой страх не может тебе ничего говорить. Ты говоришь себе, что не сможешь этого сделать, только чтобы избежать своего страха.

– И как это должно помочь мне? – спросила Элиза, благодаря безветренный день, в противном случае она бы не подошла так близко к краю.

– Отбрось свой страх, – ответил Вариус. – Возьми его в руки и танцуй с ним...

– Танцевать с ним? – она обнаружила, что ей трудно отвести глаза от пропасти под ней. – Что ты имеешь ввиду под танцами?

– Страх – это холодное пламя. Он может питать тебя. Ты можешь использовать его для достижения невероятных возможностей, если ты будешь игнорировать ложь, которую ты говоришь самой себе и примешь свой страх.

– Как?

– Пусть он горит в тебе. Почувствуй его в каждой части своего тела, в каждой мышце, каждом сухожилии, каждой кости. Расширь своё осознание мира. То же видение, которое помогло прочитать послание, поможет тебе понять, что ты сможешь совершить этот прыжок.

Элиза закрыла глаза.

– Почувствуй это, – повторил Вариус. – И прыгай.

Элиза сделала то, о чём он говорил. Она сосредоточилась на том холодном огне, который бушевал в её теле, из центра груди растекающийся по её рукам и ногам. Она почувствовала силу и уверенность, которую этот огонь дал ей, и которую она никогда не испытывала. Она игнорировала ложь, которая говорила ей, что она не сможет сделать это, и когда она открыла глаза и посмотрела вниз, она была уверена – нет, она *знала*, абсолютно точно знала, что сможет.

И она сделала это, с лёгкостью перепрыгнув с крыши на крышу.

– Теперь видишь? – сказал Вариус. – Ты рождена для этого.

– Ты продолжаешь говорить об этом. Что ты имеешь в виду?

Вариус твёрдо посмотрел на неё.

– Я был уверен в этом с нашей встречи утром. Проверял тебя. И теперь я знаю, что ты рождена, чтобы быть ассасином.

– О, неужели? – Элиза еле смогла сдержаться от смешка. – Если уж говорить об этом, что именно мистер Твид имел в виду, называя вас так? Вы убиваете людей?

– Я приношу им покой.

Теперь Элиза не смогла удержаться.

– Ты находишь это смешным? – спросил Вариус.

– Я не имела ввиду что-то неуважительное, но «приношу им покой»? Серьёзно?

– Это правда. Моё предназначение серьёзно и священно.

– Священно? Для какой религии священно?

– Ни для какой. Для свободной воли человечества.

– И теперь ты уверен, что я рождена для этого?

– Твое зрение, например. Оно называется Орлиным Зрением, и часто оно передаётся по наследству. Я получил своё от моего отца. Мы зовёмся Братством, у нас есть Кредо, которому мы следуем. Мы выступаем против тирании и против тех, кто поработывает и угнетает других.

– И теперь вы выступили против мистера Твида?

– Босс Твид – тамплиер, как мы его называем. Его Орден стремится к миру, но путём уничтожения свободы воли. Обе наши фракции в войне, которая длится на протяжении всей истории. Теперь же они стремятся взять под контроль эту нацию.

– И ты думаешь, что я ассасин? Как ты?

– Нет, я думаю, что в тебе течёт ассасинская кровь. Чтобы стать ассасином, тебе нужно тренироваться, а затем поклясться в верности Братству и Кредо.

Он думал, что это возможно для неё. Но Элиза покачала головой.

– Я просто горничная, я не...

– Братство не судит о тебе по профессии, положению в обществе или цвету кожи. Все люди равны перед Кредо. Но мы можем приберечь нашу дискуссию на более подходящее время. Сейчас есть более неотлагательные дела.

Элиза не знала, как реагировать и как себя вести после того, что он ей сказал. Здравомыслящая часть отвергала его слова. Даже если это и было правдой, а она видела, что Вариус искренен, она думала, что это всё неправильно. И тем не менее, она хотела этого. Ассасин предлагал ей жизнь, гораздо более ценную и важную, чем жизнь слуги. Жизнь борца за свободу. Жизнь, которая сможет что-то изменить.

– Но ты справляешься невероятно хорошо, – похвалил Вариус.

Теплый жар восторга и радости заменили холодное пламя её страха.

– Спасибо, – сказала она.

– И брюки тебе идут, – добавил он, подмигнув ей.

Элиза поначалу отказывалась носить мужскую одежду, но вряд ли она была первой женщиной, надевшей пару брюк. Она даже слышала о некоторых женщинах, прикидывающихся мужчинами, чтобы уйти сражаться с повстанцами. Теперь же, проходив в них большую часть дня,

она отметила что они довольно практичны, даже несмотря на то, что они делали дневную жару более невыносимой.

– Полдень почти прошёл, – заметила Элиза. – Я думаю нам стоит начать двигаться к дому мистера Твида, если мы хотим встретить там Каджела.

Грейс вздохнула с облегчением и была рада услышать это, так как она до сих пор понятия не имела, где Дэвид, несмотря на то, что Монро сказал, что он в безопасности.

– Ты права, – согласился Вариус, но внезапно озорная усмешка появилась на его лице. – Должны ли мы помчаться туда?

– Помчаться?

– Фриран, я учил тебя ему всё утро.

Элиза не была уверена, что она готова к этому.

– Но я...

– Никаких «но»! – перебил Вариус, сорвавшись с места. – Помчались!

К тому моменту, как Элиза опомнилась и побежала за ним, он уже покинул здание, оставив её позади, и он сохранял своё лидерство на некотором удалении от неё, прыгая с крыши на крышу, карабкаясь по гребням, дымоходам и конькам крыши.

Кроме штанов, Вариус купил ей пару перчаток, и за них она ему была благодарна, как и за фриран, которому он её обучил, но, если бы не перчатки, дерево и камень крыш разорвали бы ей кожу напроочь.

Они потратили большую часть дня среди грубых вершин и долин Пяти Точек и Бауэри, где было удивительно тихо, учитывая бушующие повсюду беспорядки, и её внимание было сосредоточено на том, чтобы не упасть и не сломать себе шею. Теперь они мчались на север, и она заметила столб дыма, поднимающийся из нижней части города, осознав, насколько бушующая толпа навредила Нью-Йорку.

– Держись рядом! – прокричал Вариус. Он спустился вниз и, перебежав через улицу, забрался по стене на часовни Церкви Вознесения.

Элиза последовала за ним, но она очень устала. Мышцы рук дрожали, и страх падения вернулся, когда она достигла опасной высоты. Но вместо того, чтобы слушать ложь, она сфокусировалась на страхе, заполняющем всё холодным пламенем, распространяющимся по её рукам, и обнаружила, что её силы не только восстановились, но и увеличились.

Она достигла вершины квадратной колокольной башни, с её парапетами и четырьмя шпилями по углам, и встала позади Вариуса.

– Смотри, – указал он. – С практикой, некоторые ассасины могут расширить своё видение и объять целый город.

Взгляд Элизы проскользил по всему острову, но всё, что она могла увидеть – это дым.

– Город в огне, – сказала она. – Мы должны что-то сделать.

– Нет, – ответил он. – Беспорядки будут продолжаться вне зависимости от того, что мы предпримем. У меня есть более важное задание.

– И оно включает в себя тот кинжал? Который Каджел украл у тебя?

– Да. Даже если мы потеряем Нью-Йорк, с этой реликвией мы сможем выиграть войну.

Элиза не поняла этого.

– Надо идти, – сказал он, прежде чем она его спросила.

Они спустились на улицу и продолжили свой путь в верхнюю часть города, не соревнуясь, а двигаясь шаг в шаг. Казалось, будто всё тело Элизы изменилось. Попробовав и преуспев в выполнении задач, которые поставил перед ней Вариус, она чувствовала, как что-то пробуждается в ней, бьётся глубоко внутри её, такое знакомое ей. Возможно, это было в её крови.

Грейс должна была признать, что тоже чувствует это.

Они достигли дома мистера Твида до наступления вечера, и, пока она поднималась по лестнице и открывала ключом входную дверь, каждый момент она надеялась, что её отец был внутри. Но когда она повернула ключ и открыла дверь, то поняла, что в доме пусто.

– Отец? – позвала она. – Папа?

Но она осталась без ответа.

Элиза повернулась и закрыла за ними дверь, в качестве меры предосторожности от грабителей.

– Здесь записка, – сказал Вариус, показав на стол у западной стены.

Элиза бросилась к столу, схватила её и стала читать. Вариус подошёл к ней.

– Что там? – спросил он.

– Это от моего отца, – ответила она. – Он был здесь. Просит меня подождать его, и он скоро вернётся. Если нет, то я должна быть на Кристофер Стрит в шесть часов.

– Ты должна идти. Прежде, чем сюда нагрянет Каджел.

– А что, если мой отец вернётся? Я хочу быть здесь.

– Твой выбор. Он предоставил тебе план, и лучше бы придерживаться его, для твоей же безопасности. Но когда беспорядки пройдут... и если ты вернёшься в город...

– Да?

– Твой путь открыт перед тобой. Если ты захочешь, то сможешь принять его.

– Ты имеешь в виду стать ассасином?

– Ты что-то имеешь против этой идеи? – спросил Вариус.

- Я не против, – сказала Элиза. – Но я и не заинтересована в этом.
- Учти. Моя задача может увести меня из города на время, но я вернусь вскоре и найду тебя, если ты захочешь. И мы продолжим твоё обучение.
- Я подумаю над этим, – сказала Элиза. – Куда ты отправишься?
- Я должен передать кинжал Генералу Гранту.
- Улиссу Гранту? Зачем?
- Он поможет ему выиграть войну.
- Но как...

Входная дверь с грохотом распахнулась позади них, и, повернувшись, Элиза увидела ввалившегося в коридор человека. Хотя Грейс и узнала Шона, Элиза не могла этого знать, поэтому её первой мыслью было, что это грабитель. Но затем она заметила, что бок незнакомца был пропитан кровью, и он нёс кого-то на спине, чьи-то руки обхватывали его шею сзади.

Элиза шагнула навстречу:

- Что всё это значит?..
- Мисс, – перебил её человек хриплым голосом. – Со мной Абрахам.
- ЧТО?! – вскрикнула Элиза.

Она отступила в сторону, и возглас ужаса вырвался из неё, когда она увидела, что это был её отец, но абсолютно неузнаваемый. Оба его глаза были не видны из-за набухших опухолей, а лицо напоминало мясное месиво из-за ушибов. Грейс напомнила себе, что это не Дэвид, это их предок, но она по-прежнему чувствовала боль Элизы.

- Куда я могу отнести его? – спросил мужчина.
- В библиотеку, – сказала Элиза. – Сюда.

Она указала путь и, пропустив мужчину, пошла за ним, тронув отца за спину. Она была холодной, несмотря на жару снаружи. Вариус помог незнакомцу уложить её отца на один из кожаных диванов в библиотеке.

Освободившись от веса, незнакомец закачался, как дерево, готовое упасть, и женщина, пришедшая с ними, бросилась к нему, поддерживая его. Элиза кивнула им, но сразу же обратила внимание на отца. Она не знала, с чего следует начать помощь. Ему нужно было в больницу.

Вариус встал на колени рядом с диваном.

- Позволь мне осмотреть его, – сказал он. – У меня есть некоторый опыт в этом.

Он нажимал и давил, аккуратно, но с явным знанием дела и определенной целью, двигаясь от век её отца вниз по туловищу, осматривая руки и ноги, сгибая его суставы и чувствуя разрывы.

Когда он закончил, он сел обратно и посмотрел на её отца, поднеся тыльную сторону ладони к своему рту.

– Элиза...

– Говори, – потребовала она.

– Он жив, но едва ли. Я думаю, что у него проломлен череп. Лицевые кости раздроблены. Четыре сломанных ребра, одно из которых, вероятно, проткнуло его легкое, потому что, похоже, у него внутреннее кровотечение.

Элиза судорожно вздохнула и прикрыла рот руками. Слёзы потекли из её глаз.

– О, папа, – всхлипывая, простонала она. – Папа!

Грейс чуть не потерялась в своём собственном разуме. Если Дэвид пережил всё это, если Монро позволил её маленькому брату пройти через всё это, она обрушит на него всю свою ярость, когда выберется отсюда.

Вариус повернулся к незнакомцам:

– Что случилось? Кто сделал это?

– Бандиты, – ответил мужчина. – Бунтовщики. Я остановил их, когда увидел это, но они успели сделать это с ним.

– Спасибо вам, – сказала Элиза, чувствуя, что её грудь истончается, становится словно яичной скорлупой. – Спасибо вам, что спасли его.

– Вы тоже ранены, – заметил Вариус, указав на бок мужчины.

– Я буду в порядке, – отмахнулся он, хотя через секунду тяжело опустился в кресло.

– Как вас зовут? – спросила Элиза его.

– Томми Грейлинг, – ответил он. – Это Аделина Патти.

Женщина кивнула Элизе, и она тоже заметила в её глазах слёзы.

Повернувшись к своему отцу, она села на колени перед ним, приблизившись к его так близко, как могла. Она погладила его по лбу, боясь прикасаться к другой части тела. Если его грудь и двигалась, то она не могла этого увидеть, поэтому она осторожно прислонила голову к его груди.

Она слышала его сердце.

Удар.

Тишина.

Удар.

Тишина.

Слишком слабые удары и слишком долгая тишина.

Словно он отдавал последние силы, чтобы наступил следующий удар.

– Я хотел отвести его в больницу, – сказал Томми. – Но он попросил меня принести его сюда.

– Папа, – прошептала Элиза, её слезы катились с щёк и капали на покрытую кровью сорочку отца. – Не оставляй меня. Я не могу потерять и тебя.

Вариус вдруг посмотрел на потолок и без единого слова покинул комнату.

– Куда он? – спросил Томми. Но Элиза проигнорировала его.

– Пожалуйста, – плача, умоляла она его. – Папа, пожалуйста.

Яичная скорлупа треснула, и сдерживаемые рыдания вырвались наружу. Она сжала глаза так сильно, что смогла увидеть звёзды. Но через несколько мгновений она услышала, как что-то изменилось, что-то покидало его тело, и она прислушалась.

Удар.

Тишина.

Тишина всё ещё длилась, и она с силой прижала ухо к груди, вслушиваясь изо всех сил.

Ещё один удар. Тихий–тихий и лёгкий, словно трепещущий лист на ветру.

Затем снова наступила тишина, слишком долгая, и он издал долгий хриплый выдох, но без последующего за ним вдохом.

Он остался недвижим и тих.

Он умер.

Элиза не могла вздохнуть. Её грудь сжало, и она схватилась за неё, тяжело хрипя, и, когда она наконец смогла набрать немного воздуха, она завывала.

Не было слов.

Не было мыслей.

Только боль, злость, горе, одиночество, страх, и Грейс чувствовала это вместе с ней.

Что-то свалилось за стенами библиотеки в коридоре, и затем Элиза услышала тяжелый удар сапог в пол. Вариус не был в комнате, и она знала, что Каджел может нагрянуть в любой момент. Она встала и поспешила к дверям, Томми и Аделина присоединились к ней, встав по сторонам.

Дойдя до дверного проёма и выглянув в коридор, она столкнулась взглядом с Каджелом, стоящим посреди коридора и выглядевшим удивлённо. Вариус бежал к нему с лестницы, но, прежде чем кто-то сумел среагировать, Каджел рванул ко входной двери.

Вариус с невероятной скоростью метнул целый веер метательных ножей, пять или шесть, и один из них попал в Каджела, когда тот уже выбежал на улицу. Вариус бросился за ним, и Элиза тоже.

– Подожди, – остановила её Аделина. – Не надо...

Но женщина замолчала, когда Элиза повернулась и посмотрела ей в глаза.

– Этот человек ответственен за смерть моего отца, – процедила Элиза и выбежала на улицу.

Она не видела Каджела или Вариуса, но знала, что они ушли с улицы и поднялись на крыши, и она последовала за ними. Забравшись наверх, в отдалении она заметила Вариуса, бегущего на север, и отправилась за ним.

Прежде, чем она ушла далеко, она осознала, насколько Вариус сдерживал себя, обучая её в течение дня. Она не могла идти в ногу с ним, но продолжала двигаться вперёд.

Дым от пожаров вился вокруг неё, обжигал лёгкие и глаза. Она пересекла один квартал, и ещё один, и ещё, спустилась на улицу, когда поняла, что не сможет перепрыгнуть.

В своём преследовании она не ощущала страха. Её вела ярость.

Когда она достигла руин Хрустального дворца, то услышала шум внутри него и поняла, куда пропали Каджел и Вариус. Она вошла внутрь этого места из металла и стекла, держась в тени, оставаясь невидимой.

Она слышала голос отца в своих ушах.

Моя маленькая ворюшка.

Чем дальше она шла, тем громче слышала доносящийся шум: хрипы, шаги, звук кулака, ударяющего в тело. Она прошла под статуями, таящимися в руинах и следящими за ней, как призраки, и через металлические остовы здания продвигалась вперёд к звукам боя.

Затем она услышала, как Вариус говорит.

– Ты хотя бы знаешь, что держишь в руках? – спросил он.

Элиза двинулась на звук, её ноги задели что-то. Посмотрев вниз, она увидела ружьё Каджел.

– Реликвию Предтеч, – раздался другой голос, который, должно быть, принадлежал Каджелу. – Ты думаешь, я идиот?

Элиза подняла его винтовку. Она однажды держала в руках оружие, но это было очень давно, и тогда это был карабин с гораздо более коротким стволом. Но она взяла её в руки, положила палец на спусковой крючок и заскользила вперёд, через обломки.

– Оглянись вокруг! – воскликнул Вариус. – Думаешь, это не хаос?

– Это огонь очищения, – ответил Каджел. – Это необходимость, чтобы избавить город от тех, кто будет сдерживать его развитие.

Он закашлял с мокрым звуком, и они оба возникли перед Элизой. Грейс узнала Оуэна и Хавьера – друзей, столкнувшихся лицом к лицу ещё раз. Хавьер держал в руках Частицу Эдема, а Оуэн стоял перед ним в нескольких шагах.

– Эти беспорядки пройдут через пару дней, и в результате они избавят нас от всех, кто противостоял нам. Орден даст этой нации цель, настоящую цель. И ты глупец, если сопротивляешься этому. Если не видишь этого.

Элиза не знала, почему Вариус просто стоит перед ним. Ассасин выглядел смущённым, ошеломлённым. А затем, внезапно, Каджел взял в руки нож и метнул в Вариуса, попав ему в живот.

После долгого, наполненного тишиной момента, его тело упало на землю. Но Элиза не шелохнулась, оставаясь в тени и целясь из винтовки. Каджел вздохнул с хриплым звуком, и, когда он повернулся к ней спиной, она заметила торчащий из его спины нож.

Она не была уверена в правильности своего прицела, но сейчас был подходящий момент, прежде чем он уйдёт далеко. Она подняла винтовку, направив на его спину, и успокоила дыхание. Потянув спусковой крючок, она почувствовала лёгкий толчок в плечо, и, в то же время, винтовка издала приглушенный хлопок.

В Каджела ударила не пуля, а что-то вроде дротика. Он покачнулся вперёд и, не оборачиваясь, с трудом побежал, шаркая ногами. Элиза пошла за ним, но держала дистанцию. Постепенно он замедлился и перешёл на шаг, и в какой-то момент, так и не покинув Хрустальный Дворец, он повалился на землю. Она ускорила шаг, но приблизилась к нему с осторожностью. Он повернул свою голову к ней, струйка крови текла из его рта. Грейс знала, что это Хавьер, но она стояла в стороне и позволила действовать Элизе. Это была её месть.

– Ты служанка мистера Твида, – произнёс Каджел. – Дочь Абрахама?

Элиза видела, что он парализован своим собственным ядом, как прежде Вариус, и она встала над ним.

Это была его вина. Его и Великого Магистра.

Её прекрасный отец умер.

Её любящий, верный, миролюбивый отец, был отнят этим дьяволом в человеческом обличье.

– Ты убил его, – проговорила она эти слова.

– Кого?

– Абрахама! – выкрикнула она.

Он попробовал покачать головой, но это выглядело как судорога.

– Нет, я... Тощий Джо...

– Он мёртв, – сказала Элиза. – Они избили его до смерти. Безобидного, доброго старика, и они...

– Я не тронул твоего отца, – сказал Каджел.

– Может, и нет, – согласилась Элиза. – Но ты вскормил собак, которые сделали это, и поэтому ты виновен в его смерти.

Он ничего не смог ответить на это.

Элиза заметила кинжал в его руке. Она подошла к нему и увидела ужас в его глазах, но он ничего не смог сделать, когда она забрала его у неё. Это была любопытная вещь, и было трудно вообразить, какую цену заплатили за её обладание. Но её наконечник был по-прежнему острым.

– Ты сделал что-то с его помощью, – сказала она. – Этим кинжалом. Ты остановил Вариуса им. Смутил его. Вот что Вариус имел в виду, когда сказал, что это поможет генералу Гранту выиграть войну, не так ли?

Каджел снова ничего не ответил, но ему и не нужно было. Слезы, текущие по его щекам, сказали Элизе всё, что она хотела бы услышать от него.

– Путь для меня открыт, – продолжила она. – Я не была уверена, что пойду им. Но не теперь.

Она приложила лезвие к его горлу.

Каджел моргнул и широко раскрыл глаза.

– Я стану ассасином, – заявила она. – Ты и я встретимся снова.

Его глаза закрылись, и он потерял сознание.

Элиза встала и позволила ему проспать своё поражение.

Вариус был без сознания, когда она вернулась к нему, но с помощью Аделины и Томми Элиза смогла доставить его в больницу, а час спустя они втроём стояли на Кристофер Стрит. Казалось, они привязались друг к другу, несмотря на то, что у Томми было другое отношение к паромам, в отличии от Аделины.

– Поехали с нами, – сказала она.

– Я не могу сделать это, – возразил он. – Я не могу оставить город в руках бандитов.

– Но вы ранены, – добавила Элиза, оказывая поддержку Аделине.

– Я навещу лазарет, – сказал Томми. – Они зашьют меня, и я вернусь на передовую. – он посмотрел на Аделину. – Поезжай к своей тёте. Оставайся там, пока беспорядки не утихнут.

– Но я хочу увидеть тебя снова, – сказала Аделина. – Когда...

– Я увижусь с тобой снова. В следующий раз, когда ты будешь выступать в Нью-Йорке, я обещаю, что буду среди зрителей, аплодирующих тебе.

– Это не то, что я имела в виду.

– Я знаю. Но это единственно возможный способ. Я, может быть, и патрульный, который хочет ферму, но я знаю, что этого достаточно.

Аделина потупила взгляд.

– Не говори так.

– Не говори что? – спросил Томми.

– Не говори о себе так. Ты...

Но она не смогла закончить то, что хотела ему сказать. Вместо этого она наклонила свою голову к земле, почти так же, как когда она была в ярости, и когда она подняла голову, то была вся в слезах.

– Похоже, я люблю тебя, Томми Грейлинг.

– И я тоже думаю, что люблю тебя, мисс Аделина, – улыбнулся он. – Но паром собирается уходить, и тебе пора. Мне нужно убедиться, что ты в безопасности.

– Я в безопасности, – повторила она. – Я всегда была в безопасности с тобой.

Она обняла его, и через мгновение он сделал то же самое, почти укутав её своими руками, и они замерли так на какое-то время. Затем она отстранилась и, развернувшись, пошла в сторону парома, не оглядываясь.

Томми проводил её взглядом и сказал Элизе.

– Убедитесь, что она попадёт к тёте, если сможете.

– Обещаю, – произнесла Элиза.

– Что вы собираетесь делать? – спросил он.

– У меня есть задание, – ответила она. Кинжал лежал в кармане брюк, которые она по-прежнему носила. Если она собирается на войну, нужно выглядеть, словно она – её часть. – После этого я, наверное, вернусь в Нью-Йорк. У меня ещё имеются незавершённые дела с Каджелом и мистером Твидом.

Томми кивнул, выглядя немного озадаченно, и, попрощавшись с ним, Элиза села на паром, до отказа заполненный чёрными мужчинами, женщинами и детьми. Они прижимались друг к другу, многие из них были ранены, когда с ненавистью и злобой их изгоняли из своих домов.

В каждом взгляде, который встречала Элиза стоял немой вопрос: почему?

Ответом было то, что ни этот город, ни эта страна не были свободны. Пока не были.

Паровой двигатель, пыхтя и окутывая их чадящим дымом, вывел их на реку Гудзон и направился в сторону Нью-Джерси, и по мере того, как город отдалялся, становилось видно, что весь город светился красным, как раскаленный уголь.

– Похоже, пойдёт дождь, – подала голос молодая мать, глядя на облака, пока её дочка спала на коленях. – Это было бы милосердно.

– Тогда помолитесь о милосердии, – ответила Элиза. И прошептала себе под нос: – Но я буду сражаться за свободу.

ГЛАВА 20

Симуляция Оуэна стала чёрной, но не такой чёрной, когда Вариус отключился. Эта тьма говорила о том, что симуляция закончилась, и вскоре он стоял в Коридоре Памяти.

– *Ты в порядке, Оуэн?* – спросил Монро.

– Я умер? – спросил Оуэн. – Я чувствовал...

Он чувствовал нож, вошедший в его живот, он чувствовал, как сердце выплёскивает его кровь, он чувствовал, как его тело холодеет и немеет, начиная с ног и в сторону головы.

– *Нет, ты не умер. Почти, но Элиза спасла тебя. Это больно?*

– Не так плохо, на самом деле.

Он помнил скорее не боль, а страх. Страх Вариуса.

– *Это всё потому, что мозг не предназначен для хранения болевых ощущений. На самом деле, он даже пытается стереть воспоминания о ней, иначе мы не могли бы нормально функционировать.*

– Тогда я рад за Дэвида.

Бандиты действительно серьёзно поработали над ним, с таким уровнем насилия и ненависти, который Оуэн не мог понять.

– Он в порядке?

– Я бы не сказал. Он, может, и не вспомнит физическую боль, но он будет помнить эмоциональную боль. Её наш мозг держит долго.

– Я могу поговорить с ним? – Оуэн обследовал Дэвида, или предка Дэвида, и ему становилось плохо, когда он понимал, через что бедному ребёнку пришлось пройти.

– Скоро, – заверил Монро. – Тебе нужно остаться в Коридоре Памяти ещё немного.

– Почему?

– Подумай об этом, как о глубоководном дайвинге. Ты не можешь всплыть быстро, или получишь кессонную болезнь. В данном случае, это мозговая кессонная болезнь. Маленькие пузырьки сознания твоего предка могут доставить немало проблем. Прямо сейчас тебе нужно сконцентрироваться на том, что это всё чужие воспоминания, и они позади. Тебе нужно выбросить своего предка из головы.

Это будет непросто. Он прожил два дня из жизни Вариуса, в его сознании и воспоминаниях. Оуэн чувствовал, что знает Вариуса так же хорошо, как и себя, и казалось, что он и Вариус – это один и тот же человек. Но он понимал, что этого не может быть, и также понимал, что не могло пройти два дня.

– Сколько времени? – спросил Оуэн.

– Почти 4:30 утра. Вы, ребята, провели в Анимусе несколько часов.

– Несколько часов? – Оуэн шокировано покачал головой. Это звучало невероятно.

– Всё могло закончиться быстрее, если бы был только ты. Мне пришлось замедлить симуляцию, чтобы держать вас интегрированными в симуляцию. Таким образом... подожди, Хавьер на подходе.

Оуэн оглянулся, внезапно ощутив поднимающуюся бурю гнева и ненависти при упоминании имени Хавьера. Но это не имело смысла. Он не был зол на Хавьера, он был зол на Каджела. Но Хавьер был Каджелом, в некотором смысле.

Прежде, чем он смог обдумать это, Хавьер появился рядом с ним, и Оуэн почти замахнулся на него, прежде чем он сумел сдержать себя. Но вместо этого они просто смотрели друг на друга.

– Я хочу убить тебя прямо сейчас, – бросил Хавьер.

– Ты почти убил меня, – заметил Оуэн.

– Я знаю, – ответил Хавьер. – Это сбивает с толку.

– Парни, расслабьтесь, – осадил их Монро. – Вы вне симуляции. Вы Оуэн и Хавьер, а не ваши предки.

– Ты говоришь так, словно можно переключиться, – сказал Хавьер. – Словно мы можем щёлкнуть и выключить это.

– Я знаю, что проще это сказать, чем сделать, – сказал Монро. – Просто сосредоточьтесь на ваших жизнях. Сосредоточьтесь на вашей семье, друзьях, доме, соседях. Сконцентрируйтесь на ваших собственных воспоминаниях, на всех тех вещах, которые делают вас теми, кто вы есть. Поймите и осознайте: сейчас вы лежите на складе, визор опущен вам на глаза. Некоторые из вас пустили слюни.

– Ну спасибо.

– Эй, я просто пытаюсь помочь вам вернуться в реальный мир.

Со временем, проведённым в Коридоре Памяти, Оуэн заметил, что давление воспоминаний Вариуса ослабевает. Как будто у него стало больше места в комнате собственного разума, и он смог нормально думать. Он думал о мастерской дедушки и безукоризненном саде его бабушки. Он думал о маминой рабочей рубашке с логотипом копировального центра и о своей комнате. А ещё о своём отце.

Все причины, из-за которых Оуэн полез в Анимус помогать, вертелись вокруг той ночи, когда произошло ограбление. Оуэн думал, что Монро поможет ему узнать, что на самом деле произошло той ночью. Но Анимус что-то сделал с его мотивацией. В то время, как Вариус жил в страхе, что не достоин следовать путём своего отца, его дедушка, бабушка и мать боялись, что он пойдёт этим путём. Раньше Оуэн этого не понимал и не знал, как к этому относиться. Но сейчас он понял, каково это – быть достойным своего отца, так же, как и Вариус хотел быть достойным для своего. И это делало его сильнее.

– Я не знаю, что и думать, – сказал Хавьер Оуэну. – Она могла перерезать мне горло.

– Что? – спросил Оуэн. – Кто?

– Грейс, – ответил Хавьер и поправился: – Нет, не Грейс, Элиза. Частица Эдема у неё.

Оуэн ухмыльнулся, потому что знал: это немного приободрит Вариуса.

– Ты считаешь это смешным? – спросил Хавьер.

– Нет, – сказал Оуэн. – Это не так.

– Тогда почему ты улыбаешься?

– Просто... Мой предок...

– Твой предок что?

– Чувак, да ладно тебе, – отмахнулся Оуэн. – Ты воткнул в меня нож. И ты реально собираешься злиться на меня за это?

Хавьер нахмурился, но ничего не сказал.

– Давайте вытащим вас, – предложил Монро. – Если вы готовы.

– Я готов, – сказал Оуэн.

– Я тоже, – поддержал Хавьер.

Коридор Памяти исчез, который был заменен чёрным щитком визора шлема. Оуэн стащил его, заморгав от яркого складского света. Он неловко сел, словно приходя в себя после долго сна, и посмотрел на Хавьера, который вставал со своего кресла. Шон, Наталья и Грейс, казалось, всё ещё находились в симуляции. Монро сидел за компьютерным терминалом в центре и просматривал поступающую к нему информацию. Хавьер подошёл к нему и посмотрел на экраны многочисленных мониторов.

– Что они делают? – спросил он.

– Направляются к парому, – ответил Монро.

– А где Дэвид? – спросил Оуэн.

Монро поднял взгляд и кивнул на один из диванов в другом островке света:

– Там.

Оуэн повернулся и увидел Дэвида, сидящего на диване. Оставив Хавьера и Монро, Оуэн подошёл и сел рядом с ним. Дэвид смотрел прямо перед собой, очки висели на груди, а лицо не выражало никаких эмоций, вот только глаза были красными, будто он только что плакал.

– Это было жестоко, – обратился к нему Оуэн.

Дэвид не ответил.

– Я сожалею, чувак, хотел бы я, чтобы этого не было.

Дэвид снова не ответил. Он даже не давал знака понять, что Оуэн был рядом, поэтому через несколько минут неловкой тишины, Оуэн собрался встать и вернуться к остальным.

– Но это случилось, – сказал Дэвид, нацепив очки, и добавил: – Именно это и случилось.

– Я знаю. Мне жаль. Это больно?

– Конечно же, это больно, – ответил Дэвид, приподнявшись и зарывшись плечами в диванные подушки. – А ты как думаешь?

– Извини, чувак, – поднял руки Оуэн. – Я просто спросил.

Дэвид посмотрел на Анимус.

– Но даже это не самая худшая часть.

– В смысле?

– В том смысле, что, когда они били и пинали меня, я чувствовал боль, в какой-то степени. Но всё о чём я думал – это о моей дочери. И это так странно произносить. *Моя дочь*. Я не знал, где она была, была ли она ранена или что-нибудь в этом роде, и я знал, что скоро умру и не смогу сделать ничего, чтобы помочь ей... Вот это самая худшая часть.

– Ого, – брови Оуэна непроизвольно взлетели вверх. – Это словно... Но, по крайней мере, тебе не нужно о ней больше волноваться, верно? Я имею в виду, она стала ассасином.

– Да, Монро рассказал мне. Это заставит тебя чувствовать лучше, но Абрахаму это словно ножом по сердцу.

– Серьёзно? Почему?

– Это не та обитель души, которую он хотел для неё.

– Что?

Дэвид покачал головой.

– Проехали. Это слишком сложно.

Оуэн сел обратно, посмотрел на этого ребёнка и понял, что что-то изменилось в нём, и это не из-за того, что он чем-то расстроен. Анимус изменил его. Дэвид входил в симуляцию таким молодым и даже наивным, а за пару часов постарел на десяток другой лет.

– Парни, – Хавьер окликнул их. – Шон и Наталья на подходе.

– Что насчёт моей сестры? – спросил Дэвид.

– Ещё нет, – ответил Монро.

Оуэн встал и пошёл к остальным, но Дэвид остался сидеть на диване. Когда Оуэн подошёл к Анимусу, Наталья снимала шлем, волосы слиплись от пота на голове, она тёрла глаза. Шон смотрел на неё, и Оуэну было предельно очевидно, что она ему нравилась. Он не был уверен, что их совместная симуляция изменит что-нибудь между ними. Они были вместе, когда принесли Дэвида в дом Великого Магистра.

– Вы как, ребята? – спросил Хавьер.

– Я в порядке, – ответила Наталья. – Думаю.

– Я тоже, – сказал Шон, рассматривая свой бок. Затем он начал вставать, но его ноги подогнулись, и он тяжело упал, задев оборудование и провода по пути вниз, пока не растянулся на полу.

Оуэн наклонился, чтобы помочь ему.

– Чувак, ты цел?

– Да, – ответил Шон, совсем спокойно, но с красным лицом. – Я в порядке.

– Тебе помочь?

– Не, я сам, – ответил Шон. Он потянулся к своей инвалидной коляске, зацепил пальцами подножку и подтянул к себе, чтобы он мог забраться в неё. – Я забыл, – сказал он с грустной улыбкой.

– Полагаю, это довольно легко сделать, – сказал Хавьер. – После Анимуса.

– Особенно когда вы думаете о том, кем был ваш предок, – сказал Монро.

– Да, – сказал Шон, его плечи немного опустились. – Ты прав.

– Когда выйдет Грейс? – спросил Оуэн. Он хотел поговорить с ней. После того как они провели вместе в время в симуляции, он чувствовал некую близость с ней, несмотря на то, что они почти не знали друг друга.

– Сейчас она сама по себе, – ответил Монро. – Мы завершили вашу Конкордацию, чтобы сосредоточиться на её конкретной памяти, поэтому вы все здесь. Но её предок заполучил Частицу Эдема, и Грейс проследует с ней до конца. – он развернулся на своём офисном кресле лицом к ним. – И пока мы ждём, я хочу поговорить со всеми вами.

Оуэн и остальные заняли места вокруг кресел, некоторые сели, некоторые остались стоять.

– Дэвид, не присоединишься к нам? – позвал его Монро, и, как только он подошёл, Монро заправил свои волосы за уши, откинулся на спинку кресла и сложил руки на груди.

– Есть кое-что, что я хочу, чтобы вы кое-что осознали и поняли, и под понятием «осознали» я имею в виду то же самое, как вы ощущаете гравитацию.

– О чём ты? – спросил Хавьер.

– Вы. Это. Вы, – разделяя слова, проговорил он. – Это ваша основа. Это правда, которую невозможно избежать, правда, от которой нельзя убежать.

– А кем ещё мы можем быть? – не понял Шон.

– Использование Анимуса может повлечь за собой побочные эффекты, – объяснил Монро. – Они называются Эффектом Просачивания.

– Просачивание? – спросил Дэвид. – Что ты имеешь в виду под «просачиванием»? У нас глаза вытекут или что-то вроде того?

– Нет, – сказал Монро. – Не кровь. Переход. Некоторых аспектов ваших сессий в Анимусе в реальный мир, в вас. Точнее, это уже есть в вас, в вашей ДНК. Но это словно Анимус переключает ваше ДНК от генотипа к фенотипу.

– Что это значит? – спросил Дэвид.

Хавьер ответил ему:

– Твой генотип – это то, что есть в тебе, верно? Абсолютно всё, даже то, что мы не видим, рецессивные гены. Твой фенотип же – это то, что мы видим. Это то, из-за чего у Шона голубые глаза, а у Натальи низкий рост.

– Верно, – сказал Монро. – У нас у всех есть «выключенные гены». Анимус может «запустить» их.

– Как это выглядит? – спросил Оуэн.

– Ну, – протянул Монро, закинув руки за голову, – если твой предок – ассасин имел Орлиное Зрение, то ты можешь тоже «получить» его.

– Что такое Орлиное Зрение? – спросил Дэвид.

– Это как сверхощущение, – ответил Оуэн и посмотрел на Грейс, всё ещё лежащую в кресле со шлемом на голове. – У неё оно тоже есть.

– Но есть и другие проявления Эффекта Просачивания, – продолжил Монро. – Ментальные эффекты. Эффекты поведения. Вы можете обнаружить в себе новые способности, которые не находили у себя прежде, если у вашего предка эти способности были. Вы можете ощущать некоторую растерянность о том, что реально. Что ваша память, что память вашего предка. У вас могут быть флешбеки.

– И ты говоришь нам об этом сейчас? – спросил Хавьер, вставая в стойку.

– Это изменило бы твоё решение? – спросил в ответ Монро.

Это не изменило бы решение Оуэна, и оглядев комнату, он подумал, что остальные думали также.

– Итак, как я уже сказал, – окинул взглядом Монро остальных. – Вы. Это. Вы. Вы не ваши предки, и это не изменит ничто в том, кто вы есть. Если они были ассасинами, ну и что? Если они были тамплиерами, какая разница? У вас есть свой путь, ваш выбор. Вы не заложники вашего ДНК. Понимаете?

Все кивнули, некоторые с меньшим энтузиазмом, чем другие. Оуэн не совсем принял то, о чём говорил Монро. В Анимусе он чувствовал что-то важное в том, что Вариус делал, то, что делал его отец, и следовал его наследию. Это приносило Вариусу гордость и чувство, что у него есть цель. Может ли Монро дать ему это?

Монро обернулся на свой компьютерный терминал, просматривая мониторы.

– Я думаю, воспоминания подошли к концу, – сказал он, надевая свою гарнитуру с микрофоном. – Я собираюсь загрузить Коридор Памяти. Почему бы вас всем не сесть на диваны? Это займёт пару минут.

Они сделали то, о чём он просил, и побрели садиться вместе. Оуэн и Хавьер оказались на противоположных концах одного дивана. Наталья заняла одно из кресел, и Шон на своём кресле пристроился рядом с ней. Дэвид сел на другой диван. Пару минут все молчали, пока Наташа не заговорила.

– Я должна идти домой, – сказала она. – Мои родители сойдут с ума от страха.

– Мои тоже, – сказал Шон. – Они стали слишком сильно за меня переживать после случившегося.

– Когда это случилось? – спросил Хавьер.

Оуэн тоже думал об этом.

– Пару лет назад, – ответил Шон. – Пьяный водитель.

Оуэн повернулся к Дэвиду:

– Что насчёт твоих?

– Мой папа будет очень расстроен, если узнает. Но первой вещью, которую он спросит: была ли Грейс со мной. Потом он будет во всём винить её. Моя мама будет просто молча соглашаться со всем, что он скажет.

– А что, если Грейс не была с тобой?

Дэвид пожал плечами:

– Я на самом деле никогда не попадал в неприятности.

– Ну, – сказал Хавьер. – Моя мама будет в ужасе. А отец разочаруется во мне.

– Что бы ты выбрал? – спросил Шон.

Оуэн хотел бы, чтобы у него всё ещё была бы возможность разочаровывать отца.

Хавьер покачал головой:

– Не знаю. Оба варианта плохи.

– Моя мама, бабушка и дедушка подумают, что я сбежал из дома, – подал голос Оуэн. – Я думаю, они ждали бы меня некоторое время.

– Эй, народ, – позвал Монро. – Грейс выходит.

Они все встали со своих мест, Дэвид быстрее, чем остальные, и быстрее всех дошёл до Анимуса. Монро только-только помог Грейс снять шлем, как Дэвид подошёл и обнял её. Выглядело так, словно он плакал, и Оуэн увидел на мгновение того маленького мальчика, которым он был до симуляции. Грейс закрыла глаза и тоже обняла его.

– Тссс, я в порядке, – успокоила она его. – Всё в порядке.

Дэвид задержался, ещё на одно мгновение, затем кивнул и отступил обратно, вытирая щёки тыльной стороной ладони.

– Что ты видела? – спросил её Монро.

– Я видела Гражданскую войну, – сказала она, широко раскрыв глаза. В её отражениях, казалось, можно было увидеть произошедшее, как будто всё происходило в этой комнате. – Я даже участвовала в ней.

– И ты видела, что произошло с Частицей Эдема? – спросил Монро.

Грейс кивнула, сглотнув.

– Я пронесла её весь путь до Виксберга, по реке Миссисипи. Я нашла Генерала Гранта, и отдала её ему. Он узнал её, по Ацтекскому Клубу. К тому времени я узнала, как она работает. Это помогло мне пройти через трудные места, когда я несла ему её, на самом деле. Так что я была способна показать, как она работает. Ну, не полностью. Но достаточно для того, чтобы он понял, что это больше, чем сувенир из Мехико.

– И что случилось потом? – спросил Дэвид.

Грейс пожала плечами.

– Я не знаю. Воспоминания прервалось в тот момент, когда я передала его.

– Что случилось после этого, – ответил Монро. – Линкольн сделал Гранта командующим всех армий Содружества, и Грант выиграл войну, и даже избирался президентом на два срока, и, я думаю, будет верным сказать, что он держал Частицу Эдема при себе всё это время и, может, до самой смерти.

– Где он умер? – спросила Наталья.

– После того, как у него обнаружили рак горла, – сказал Монро, – он переехал в Нью-Йорк, в коттедж на горе МакГрегор, где стал писать мемуары. И там он умер. Коттедж всё ещё там, что-то вроде музея.

– То есть, кинжал там? – спросил Хавьер. – Серьёзно? Ты не мог догадаться?

– Может, мы и могли, – согласился Монро. – Но также кинжал мог оказаться в множестве других мест, а теперь у нас есть очень хорошая идея для того, откуда начать поиски. Я не могу даже выразить насколько благодарен вам за помощь. Вы доверились мне, и это много значит. Я не подведу вас. Я обещаю, когда всё закончится, вы будете в безопасности.

– То есть мы можем идти? – спросила Наталья.

– Да, – ответил Монро. – Да, абсолютно. Я отвезу вас на автобусе.

Он наклонился, потянул за пару рычагов и достал что-то, похожее на большой и тяжелый процессор из Анимуса.

– Что это? – спросил Хавьер.

– Процессор Анимуса, – сказал Монро. – Я стараюсь не выпускать его из виду. Давайте, идём.

Итак, это было концом. Они все группой вышли из комнаты в коридор и затем обратно в главный зал склада, где Монро припарковал свой автобус и свой мотоцикл. Оуэн и Хавьер помогли Шону спуститься по лестнице с его инвалидной коляской, и затем они вместе направились к автобусу.

За исключением Хавьера, Оуэн думал о том, увидит ли он когда-нибудь остальных снова. Они, на самом деле, были незнакомцами. Он даже не знал, из каких они школ. И несмотря на это, они не чувствовали себя незнакомцами, что было, вероятно, одним из проявления Эффекта Просачивания, о котором говорил Монро.

– Итак, – сказал Монро, открыв ключами боковую дверь и положив туда Ядро Анимуса. – Я думаю, сначала мы высадим Наталью...

Окна склада взорвались изнутри, осыпав всё осколками, и фигуры, одеты в чёрное, проникли через них на склад, спускаясь вниз по чёрным линиями верёвок.

– АГЕНТЫ ТАМПИЛИЕРОВ! – взревел Монро. – БЕГИТЕ!

ГЛАВА 21

Хавьер нырнул к автобусу, когда агенты достигли пола склада. Остальные были растеряны, но Хавьер заметил, что Оуэн бежит к мотоциклу Монро. Внезапно загромыхал двигатель автобуса, Монро был за рулём. Хавьер отскочил от автобуса и двинулся по направлению к роликовой двери склада.

– Хавьер, – крикнул Оуэн, запрыгивая на мотоцикл. – Залезай!

Агенты Абстерго врассыпную бросились по комнате. Их было около дюжины. Они уже схватили Шона, который не мог сбежать от них. Сразу после этого один из них выстрелил тазером⁴² в Дэвида, и Грейс вскрикнула. Как только её брат упал на пол, она бросилась на агента, но Хавьер не увидел, что произошло далее.

Он почувствовал, что кто-то приближается к нему, и повернулся как раз в тот момент, когда агент выстрелил из тазера в него. Но он дернулся в сторону и увернулся от контактов рефлекторным движением, которое удивило его. Когда агент отбросил тазер и пошёл на него, Хавьер вступил в схватку, блокируя его удары и нанося свои собственные. Но агент носил

⁴² Тазер – электрошоковое оружие нелетального действия.

какую-то военную броню, что не давало Хавьеру нанести ему серьёзный урон.

Оглушительный грохот эхом пронёсся по складу в тот момент, когда Монро протаранил роликовую дверь.

– Хавьер, сейчас! – закричал Оуэн, натягивая чёрный шлем.

Хавьер впечатал последний удар в горло агента и помчался к мотоциклу.

– У тебя есть ключ? – спросил он, садясь позади Оуэна и натягивая на голову свой шлем.

Оуэн не ответил, но двигатель завёлся, и автобус начал набирать ход.

Агенты Абстерго рванулись к ним с обеих сторон, чтобы остановить их, стреляя в них из тазеров, но промахивались. Некоторые из них стояли на пути следования мотоцикла, и Оуэну приходилось объезжать их, но спустя секунду он уже вылетел из разорванной двери склада на улицу. Далеко справа они увидели отдаляющийся автобус Монро.

– Поехали в другую сторону, – предложил Хавьер. Он полагал, что будет лучше разделить, и, скорее всего, агенты решат погнаться за более легкой добычей, которую представлял из себя винтажный автобус, и он хотел оказаться подальше от всего этого, когда Монро схватят. Оуэн прибавил газу, и мотоцикл покатил вдоль береговой линии, проносясь мимо других складов и зданий. Солнце собиралось подниматься.

– Они преследуют нас? – воскликнул Оуэн.

Хавьер обернулся и увидел два чёрных седана, двигающихся следом.

– Две машины! – прокричал Хавьер в ответ. – Мы должны оторваться от них!

Оуэн кивнул и снова прибавил газу. Они ускорились, но Хавьер не думал, что только скорость позволит им сбежать.

– Туда! – показал Хавьер. – Они не протиснутся!

Оуэн замедлился, чтобы сделать поворот, и нырнул в переулок.

Пространство между зданиями было чуть шире, чем мотоцикл. Его руль почти цеплял стены, что на такой скорости привело бы к аварии, поэтому Оуэн ехал так быстро, как мог держать мотоцикл ровно.

Когда они выехали с другой стороны, то не заметили следов чёрных машин, только фургоны и доставки и другой транспорт был припаркован у складов.

– Куда теперь? – спросил Оуэн.

Они не могли поехать домой: агенты, скорее всего, были уже там. У них не было места, куда они могли бы отправиться.

– Давай пока уберёмся из города, – сказал Хавьер. – Может, мы сможем скрыться в холмах.

Оуэн направил мотоцикл на выход из промзоны и вывел их на шоссе, ведущее на север и дальше, оставив агентов далеко позади. Они ничего не говорили, когда проезжали через центр города и череду загородных домов. Затем асфальт закончился, и они покатали по ухабистой, разбитой грунтовой дороге, которая привела их к холмам.

– У этих шлемов довольно серьёзные технические возможности, – сказал Оуэн. – Но я не знаю, как заставить их работать.

– Давай найдём место с деревьями, – предложил Хавьер.

Солнце уже вышло из-за самого высокого пика, когда они наконец съехали с дороги и припарковались в тени большого платана рядом с зарослями сумаха.

Кто-то собрал камни и выложил из них место для костра, и в грудке пепла они обнаружили обгоревшую жесть пивных банок.

Хавьер снял свой шлем, как и Оуэн свой.

– Что теперь? – спросил Оуэн.

У Хавьера идей не было. Согласившись на участие в деле Монро, они ожидали, что это обезопасит их от подобных вещей. Монро говорил, что Анимус точно отключён от сети Абстерго и больше и не отслеживается.

Но каким-то образом Абстерго, или тамплиеры, нашли их, и маленький кусочек Каджела в Хавьере был этому рад. Но, даже несмотря на то, что часть Хавьера хотела быть тамплиером, большая часть его хотела бежать при виде агентов.

– Думаешь, они всех схватили? – спросил Оуэн.

– Похоже на то, – ответил Хавьер. – Кажется, мы единственные смогли убежать. Ну, кроме Монро. Я не могу поверить, что он просто свалил.

– Я думаю, что он пытался пробить нам путь к побегу. По крайней мере, я надеюсь.

– Они, скорее всего, поймали его в этом дурацком автобусе.

Оуэн пнул камень. Он отскочил от платана и приземлился в кусты.

– Это безумие! – выкрикнул он. – Как мы втянули себя во всё это?

Хавьер думал о том, через что они только что прошли. Он помнил острое давление лезвий, проткнувших его. Страх и горе Каджела от осознания своего поражения, и того, что он собирался умереть. Он вспоминал секунды, с постепенной потерей сознания, вкусом крови и боли в спине от ножа, наступающей с каждым вздохом.

– Эй, – спросил Оуэн. – Между нами всё нормально?

Хавьер посмотрел на него. Сейчас он видел в большей степени Оуэна и в гораздо более меньшей степени ассасина. Он по-прежнему не был уверен, всё ли было между ними нормально, но он хотел, чтобы было.

– Да. Думаю, да.

– Я видел твою драку с агентом, – Оуэн покачал головой. – Это было невероятно.

– Не знаю, как я это сделал. Я даже не думал об этом. Просто поддался порыву.

– Это, должно быть, и есть Эффект Просачивания. Твой предок умел сражаться, теперь ты тоже умеешь.

– Я думаю, да.

Оуэн повернулся и посмотрел обратно в направлении города.

– Серьёзно, что нам делать?

– Они будут искать нас, – сказал Хавьер. – Мне кажется, нам придется остаться здесь на какое-то время.

– Ты не думаешь, что мы должны помочь остальным?

– Как? – спросил Хавьер. – Нет, конечно мы должны. Я был бы рад помочь остальным. Но нас только двое, и мы даже не знаем, куда их забрали.

– Тогда что, мы просто сидим здесь?

– Пока что да, – согласился Хавьер. Но они чувствовали, что обманывают сами себя, поскольку на самом деле, им придётся вернуться в город. Он абсолютно не знал, как выживать на природе, и Оуэн, он был уверен, тоже. Они захотят есть и пить не так скоро. Но они вернуться в город, и тогда что? Эти агенты не шутили с ними. Но, по крайней мере, они использовали тэйзеры, а не стволы. Это значило, что они хотели взять их живыми, вероятно, чтобы узнать, что они выяснили о Частице Эдема.

Хавьер взял большое бревно и потащил его ближе к кострищу. Отряхнув руки, он сел на него. Не то, чтобы он планировал разжечь костёр. Просто так выглядело. Это напомнило ему пикник на пляже, который иногда устраивала его семья, поджаренные на гриле креветки и курица на вертеле прямо над пламенем, укутывание одеялами, когда солнце садилось. Они не делали этого довольно давно. Последний раз они устраивали подобное, когда брат вышел из тюрьмы, и это было чем-то вроде «добро пожаловать домой», и из-за этого всё было по-другому, и на самом деле никто не чувствовал себя, как раньше.

Оуэн сел рядом с Хавьером на бревно.

– Итак, будем просто сидеть, – сказал он.

– Ага.

Следующие несколько часов они только и говорили о симуляции, в то время, как день становился жарким и душным. Они старались обходить стороной тот факт, что они, или их предки, пытались убить друг друга, поэтому сосредоточились на других аспектах пережитого опыта. Город, их оружие, способности их предков. Но на самом деле они просто задвигали

эту тему подальше, до тех пор, пока не осталось так много тем для разговора, чтобы задвигать её и дальше. Поэтому Оуэн взял слово и повернул разговор так, как Хавьер не хотел:

– Так что же случилось с тобой?

– Что ты имеешь в виду?

– Я говорю не об Анимусе, – пояснил Оуэн. – До этого. Почему ты стал игнорировать меня?

Хавьеру совсем не хотелось говорить об этом, но он знал, что Оуэн не сдастся. Оуэн никогда не сдавался, и сейчас они застряли вместе, сидя на бревне в горах. Хавьер думал о том, как бы лучше покончить с этим.

– У меня было много своих дел, – наконец сказал он.

– Каких, например? – спросил Оуэн.

– Разных, чувак, не знаю.

– Тогда почему ты мне не сказал?

Хавьер не ответил, но Оуэн спросил снова, поэтому Хавьер решил продолжать быть честным с ним:

– Послушай. То, через что ты прошёл вместе со своим отцом и всё остальное, я знаю, насколько это хреново, и я понимаю, почему ты злишься. Но ты был так сосредоточен на этом всё время, и...

– И что? – перебил Оуэн. В его голосе звучал гнев.

Хавьер вздохнул:

– Просто позволь мне закончить...

– А чего ты ожидал? – спросил Оуэн, его голос становился громче. – Они отправили моего отца в тюрьму, и он умер там.

– Да, это так, – согласился Хавьер. – Но они также отправили и моего брата в тюрьму.

– Потому что он из кого-то выбил всё дерьмо!

Когда Оуэн сказал это, Хавьер встал и отошёл на пару шагов, повернувшись к нему спиной. Гнев сжал его пальцы в кулаки и напряг мышцы вокруг его шеи и плеч, и кто знает, что он мог бы сделать с Оуэном из-за Эффекта Просачивания. После нескольких минут глубоких вдохов он успокоил себя и повернулся обратно:

– У меня было полно своего дерьма, и мне не хватало ещё твоих проблем. Вот и всё. Ничего личного.

– Для меня это более, чем личное.

– Ну, с этим я ничего не могу поделать. Ты можешь думать об этом как тебе удобно, но именно так всё и было.

Оуэн молчал несколько минут, глядя на холодные камни кострища.

– Так что за проблемы у тебя были?

– Я не хочу говорить об этом.

– Всё в порядке?

– В норме.

– Это связано с твоей мамой? Или что-то ещё из-за твоего брата?

Хавьер посмотрел на небо, как раз, когда птица пролетала над деревьями. Она была большой, сокол или ястреб, он никогда не мог заметить разницу.

– Нет, ничего из этого, – сказал он. – Год назад я признался своей семье, что я гей.

– Ох, – Оуэн сел обратно на бревно. – Я не знал, что ты...

– Да.

Это было не просто. В его семье все были католиками или баптистами, и, даже зная о том, что его не должны были выгнать из дома или что-то подобное, он беспокоился насчёт того, примут ли они его после того, как он скажет им правду о том, кто он есть.

– Как твои родители отреагировали? – спросил Оуэн.

– Мама приняла довольно нормально. Отцу понадобилось с пару дней, чтобы всё обдумать, но сейчас всё в порядке.

– А твой брат?

– Поэтому он отправился в тюрьму, – сказал Хавьер. – Какой-то быдлан назвал меня пидорасом, и Мэни просто разошёлся.

В то время как Хавьер смотрел, как его брат бьёт другого парня, он чувствовал странную смесь благодарности, страха и гордости.

– Я даже не думаю, что тот парень думал, что я гей. Я думаю, что он использовал то слово, чтобы просто оскорбить меня.

– Кто-нибудь ещё знает? Никто в школе не говорил...

– Никто не знает, кроме моей семьи. И теперь ты.

– Ого, – кивнул Оуэн. – Но это не так уж и важно. Я уверен, ты мог бы рассказать...

– Слушай, я ценю, что ты хочешь сказать, но прямо сейчас я пытаюсь разобраться во всём этом. Это произойдёт в своё время. Когда я буду готов.

– Окей, – сказал Оуэн после паузы и добавил. – Спасибо, что рассказал мне.

– Будто ты дал мне выбор, – пробормотал Хавьер полусуто, но он испытал своего рода облегчение, что кто-то ещё наконец то знает, и он был рад, что это Оуэн, потому что это ничего не изменит между ними.

Прошло ещё несколько часов. Хавьер провёл их, вслушиваясь в звуки машин и переживая об остальных и о том, что Абстерго сделает с ними. Он также начал испытывать голод, и закономерно был озабочен тем, что он и Оуэн будут делать.

Около полудня, незнакомец вышел из-за деревьев, испугав их. У него была бритая голова, смуглый цвет кожи, также он носил тёмные солнечные очки, с чёрными штанами, напоминающими военные, и с черной кожаной курткой с капюшоном поверх белой майки.

– Как дела, парни? – спросил он.

Хавьер кивнул на мотоцикл.

– Может, нам стоит сваливать? – прошептал он Оуэну.

– Этот парень выглядит знакомым, – сказал Оуэн, кажущийся менее обеспокоенным, в отличие от Хавьера. Незнакомец сдвинул очки на лоб, по-прежнему неспешно двигаясь к ним.

– Я Гриффин⁴³, – представился он глубоким и вытянутым голосом, словно аудиодорожку его голоса немного замедлили. – И, судя по всему, Монро добавил вам адскую тучу проблем с тамплиерами.

Значит, этот парень точно знал, кто они и что произошло, но, судя по тому, как он произнёс слово «тамплиеры», Хавьер подумал о том, что он явно не один из них. Хавьер и Оуэн переглянулись, и, в этот момент колебания и замешательства, Гриффин подошёл ещё ближе.

– Не бойтесь, – заверил он. – Я здесь не для того, чтобы забрать вас или вывезти куда-то.

– Тогда что ты здесь делаешь? – спросил Оуэн.

– Я просто хочу поговорить.

– О чём? – Хавьер приготовился бежать, но боялся, что Оуэн не последует за ним, и он не собирался оставлять его за собой.

Гриффин дошёл до кострища и остановился, оглядываясь назад и смотря вперёд между ними.

– О вас и о вашем будущем.

– Откуда я тебя знаю? – спросил Оуэн.

– Я вырубил тамплиера рядом с тобой прошлой ночью, – напомнил он. – Я хотел остановить тебя, чтобы ты не ушёл с Монро, но он опередил меня, – он кивнул на мотоцикл, – на этом, если не ошибаюсь.

– Ты ассасин, – догадался Оуэн.

Гриффин кивнул и подошёл к мотоциклу. Затем он залез под угловую панель мотоцикла и, поковырявшись внутри, вырвал пучок проводов.

– Эй! – крикнул Хавьер.

– Это мотоцикл Абстерго, – сказал Гриффин. – И вы реально не знаете, как он работает. Я только что вытащил отслеживающее устройство, которое передавало ваше местоположение последние пару часов. Это

⁴³ Имя происходит от одноимённого мифологического животного Griffin (грифон, русс.) с головой, когтями и крыльями орла и телом льва. Он символизирует господство над двумя сферами бытия: землёй (лев) и воздухом (орёл).

довольно высокочастотный сигнал, поэтому кто-то должен находиться близко, чтобы обнаружить его. Но я нашёл вас.

Хавьер не знал, правда это или ложь. Может, всё ещё сознание Каджела влияло на него, или это просто был здравый смысл, но у него не было ни малейшего желания вступать в бой с ассасином. Оуэн, однако, больше не видел во всей этой ситуации проблем. Возможно, его предок-ассасин влиял на него. Эффект Просачивания или что-то вроде этого.

– Ты сказал, что хочешь поговорить с нами, – Хавьер решил, что, может быть, он убежит и без Оуэна. – Так что ты хотел сказать?

Гриффин прислонился к мотоциклу и скрестил руки на груди:

– Абстерго схватили ваших друзей.

– Монро? – спросил Оуэн.

– Сбежал. Где он, я не уверен.

– И? – спросил Хавьер. – Или ты просто пришёл сюда констатировать очевидное?

– Мне нужно знать, что ваши друзья собираются рассказать Абстерго, – сказал Гриффин. – Мне нужно знать, зачем Монро собрал вас всех вместе. Предполагаю, что вы сели в Анимус для поиска Частицы Эдема. Я прав?

– Почему ты так думаешь?

– Абстерго давно преследует Монро. Единственное, что заставило бы его выйти из тени и рискнуть всем – это найти что-то, что изменит баланс сил, и единственной вещью, способной на это, может быть только Частица Эдема.

Оуэн посмотрел на Хавьера и спросил:

– Я могу перекинуться парой слов с Хавьером наедине?

– Конечно, – сказал ассасин. – Но лучше бы поторопиться. Мы теряем время.

Гриффин опустил свои очки обратно и отошёл достаточно далеко, чтобы Хавьер не думал о том, что он подслушивает их, но достаточно для того, чтобы держать их в поле зрения, пока они разговаривали.

– Я думаю, нам следует рассказать ему, – предложил Оуэн.

– Ты с ума сошёл?

– Может, он поможет нам найти Монро и спасти остальных.

– Или, может, он лжёт и просто использует нас, чтобы заполучить Частицу Эдема.

– Но я был в памяти ассасина.

– И что? – спросил Хавьер. – Это не делает ассасином *тебя*. Или ты уже забыл о том, что нам говорил Монро?

– Это не то, – возразил Оуэн. – Я не сбит с толку, я доверяю ему.

– Всем им? Без каких-либо вопросов?

– Я доверяю Кредо.

Хавьер вытаращился на него. Вот это, определённо, было Эффектом Просачивания, потому что Оуэн, которого он знал, никогда бы слепо не доверился парню, который только что подошёл и спросил их, что они знают о могущественном оружии, с помощью которого можно выигрывать войны и возводить генералов в президенты. Время, проведенное в Анимусе, изменило его. Но не было ничего, что позволило бы Хавьеру остановить Оуэна, если он решил встать на сторону Гриффина.

– Тогда каков твой план? – спросил Оуэн. – Просто сидеть здесь, среди холмов, вечность?

Хавьер прихлопнул муху, которая гудела у его лица.

– Плевать.

– Плевать? Что это значит?

– Это значит... Делай то, что собрался сделать.

Оуэн стоял всего секунду, а затем твёрдо кивнул:

– Я собираюсь рассказать ему, если он бросится на нас, положись на меня.

Он позвал Гриффина, и, когда ассасин подошёл к ним, то сказал:

– Да, мы сели в Анимус, чтобы найти Частицу Эдема.

Хавьер покачал головой и отошёл от них на пару шагов. Он не хотел быть частью всего этого.

– Где? – спросил Гриффин.

– Нью-Йорк, – ответил Оуэн. – 1863 год.

– Какую Частицу Эдема?

– Это кинжал, – сказал Оуэн. – Из «Ацтекского Клуба». Но Кортес привёз его в Мексику из Испании.

– Кортес? – Гриффин внезапно стал твёрже. – Вы знаете, где он получил её?

– Король дал ему её, – ответил Оуэн. – Но я думаю, что король получил её от папы.

– Анимус показал вам, где Частица Эдема сейчас?

– Возможно. Мы думаем, что она должна быть где-то рядом с домом, где умер Улисс Грант. Он был последним владельцем.

– Спасибо, – сказал Гриффин. – Это именно то, что мне нужно было.

Но теперь, когда он получил то, что ему нужно, Хавьер думал о том, что это значит для него и для Оуэна.

– Что теперь? – спросил он.

– Теперь? – Гриффин присел на бревно. – А теперь я хотел бы попросить вас обоих пойти со мной.

ГЛАВА 22

Когда агенты Абстерго ворвались через крышу склада, Томми Грейлинг хотел сразиться с ними, и сразиться с ними жёстко. Когда они схватили Наталью, он хотел сломать каждую руку, которая прикоснулась к ней. Но Шон лишь мог сидеть в своём кресле и смотреть, в то время, как два агента держали его позади. Он пытался выбраться из своего кресла, даже если бы это означало, что ему предстоит ползти. Но они вжали его в кресло.

Он был беспомощен.

Дэвид попытался сбежать, но они выстрелили в него из тазера, и в этот момент Грейс вышла из себя. Она стала кричать на агента, который сделал это, избивая его своими кулаками, но два других агента схватили её и удержали.

Автобус Монро протаранил дверь склада, обрушив её, и он умчался, а затем и Оуэн с Хавьером на мотоцикле Монро. Шон не винил их за побег, но это разозлило его, словно они бросили остальных на произвол судьбы.

Несколько чёрных машин подъехало к дверям склада, и несколько агентов загрузились в них и отправились за Оуэном и Хавьером. Затем большой белый бронированный грузовик въехал прямо в склад, и агенты

открыли его задние двери. Сначала туда ввели Наталью, затем Грейс, потом Дэвида.

– Куда вы собрались везти нас? – спросил Шон, пока они катили его к грузовику.

Агенты ничего не ответили. Они были одеты в полноразмерную броню и обтекаемые шлемы, так что он не мог видеть их лица.

Несколько агентов подняли его вместе с креслом, и он беспомощно покачнулся, пока они загружали его в фургон с остальными. Интерьер пах машинным маслом и винилом. Агенты пристегнули ремнями Наталью, Грейс и Дэвида к скамейке, которая тянулась вдоль всего борта грузовика. Затем они подкатали к противоположной стене Шона и прикрепили ремнями его кресло к креплению в стене.

– Куда вы нас повезёте? – снова спросил он.

Агенты проигнорировали его и, выйдя из грузовика, закрыли за собой двойные двери, заперев их в боксе с желтым искусственным освещением.

– Это вина Монро, – сказала Грейс, глядя на брата.

Дэвид выглядел оглушенным, с пустыми, стеклянными глазами, всё ещё не отойдя от последствий выстрела тазера.

– Он в порядке? – спросил Шон.

– Этот агент сказал, что будет, – сказала Грейс. – Пройдёт где-то час, пока эффекты не выветрятся.

– Обвинять Монро не кажется мудрым поступком, – сказала Наталья, – не так ли?

– Мне плевать! – выкрикнула Грейс. – Мы не были бы здесь, если бы не он!

Двигатель грузовика завёлся и затарахтел, и с рывком двинулся, покачнув их всех разом. Внутри фургона не было окон, так что они понятия не имели, куда направляются.

– Мы не должны им ничего рассказать, – сказал Шон.

– В смысле? – спросила Грейс.

– Они знают, что мы искали Частицу Эдема, – сказал он. – Мы не должны говорить им, где она.

– Ты можешь делать что хочешь, – воскликнула Грейс. – Мы теперь сами по себе. Монро сбежал, так же, как и Оуэн с Хавьером. Моем главным приоритетом будет попасть домой с братом целыми и невредимыми, и ради этого я скажу то, что им нужно. Мне плевать, ненавидел ли мой предок тамплиеров или нет.

– Даже после всего, что ты увидела в симуляции? – спросила Наталья.

– Особенно после того, что я увидела в симуляции, – сказала Грейс. – Мой брат не должен был проходить через это, и Монро в этом виноват тоже.

Она обняла брата, но Дэвид не сказал ничего, смотря на свою сестру, пока она говорила. Его губы словно немного обвисли.

Шон понял, что если он будет продолжать убеждать её, то ничего хорошего из этого не выйдет, поэтому решил просто плыть по течению, пока они все не прибудут в пункт назначения. Когда он узнает больше о происходящем, может, у него появится идея получше насчёт того, что со всем этим делать.

Они ехали какое-то время, подпрыгивая на ухабах, слушая скрип шин на поворотах, и Шон потерял счёт времени; казалось, прошёл час или больше, прежде чем грузовик замедлился. Но он не остановился, что, скорее всего, означало, что он покинул шоссе. К тому же они ехали в гору: Шон почувствовал маленькое смещение своего центра тяжести относительно кресла.

Дэвид по пути пришёл в себя, выглядя встревоженно, но пришёл в себя к тому моменту, как грузовик приехал к точке назначения. Двигатель замер, и автомобиль остановился на месте.

Шон услышал отпирание засовов и вместе с остальными повернулся, глядя на открывавшиеся со скрипом задние двери грузовика. Агенты в спецснаряжении пропали, вместо них снаружи стояла женщина в белом халате, держащая в руках планшет. Два крепких парня стояли по бокам от неё, одетые в серую униформу, делающую их похожими на военных, или, скорее, сотрудников службы безопасности, с логотипами Абстерго на груди и плечах, переливающимися серебром. У каждого из троих на груди были бейджики с именами: у мужчин – на нагрудном кармане, у женщины – на лацкане её халата. Женщина имела спортивное телосложение, короткие, но оформленные в причёску коричневые волосы. Её передние зубы чуть выступали, когда она улыбалась.

– Дамы и господа, – произнесла она изящным голосом, в котором угадывался французский акцент, – я глубочайше сожалею о любых неприятностях, которые мы вам доставили. – она дотронулась своей груди. – Меня зовут доктор Виктория Бюбо⁴⁴. Я, вместе с Департаментом исследования родословной и Подразделением сбора данных компании «Абстерго Индастриз», хотела бы сказать вам: добро пожаловать в...

⁴⁴ Виктория Бюбо – бывший работник «Абстерго Энтертеймент» в Монреале, занималась преодолением последствий Анимуса у испытуемых, таких, как Эффект Просачивания. Была врачом Роберта Фрейзера, потомка Арно Дориана, который пострадал от долгого сидения в Анимусе и смещения настоящего и прошлого. Она пыталась ему помочь, но безуспешно, так как последствия зашли слишком далеко.

Впоследствии помогла ему уничтожить все данные об Арно и слить воспоминания ассасину Епископу и Посвящённым. Но Мелани Лемэй, директор филиала, сумела вывести на белый свет и Фрейзера, и Бюбо, что поставило их обоих под угрозу. Фрейзер был затем убит; Виктория также была в шаге от смерти, но некоторые её друзья в Абстерго поручились за неё, и она стала верным и преданным тамплиером.

Помимо «Последних потомков», появляется в Ереси и серии комиксов Locus.

– Добро пожаловать?! – громко переспросил Шон. – Вы только что сказали «добро пожаловать»? Серьёзно?

Улыбка Виктории несколько погасла.

– Да, я только что это сделала, и я понимаю, насколько странным для вас звучит это, учитывая, каким образом, вас сюда привезли. Но, если вы позволите нам объяснить, я думаю, вы поймёте, что это было сделано исключительно из интересов вашей безопасности.

– Вы выстрелили из тазера в моего брата! – воскликнула Грейс. – Это тоже в интересах нашей безопасности?

– Не совсем, поверьте мне, – Виктория повернулась к мужчинам и кивнула им. После этого они зашли в грузовик. – Этого не должно было произойти, и я приношу вам свои извинения. И я хотела бы пригласить вас к нам. Мы обследуем вас и убедимся, что никто из вас не ранен, а займёмся вашим возвращением домой, хорошо?

Охранники отстегнули ремни и вывели всех из грузовика. Подняв Шона, они опустили его в инвалидное кресло. Шон огляделся и обнаружил, что грузовик припарковался в центре широкой круговой асфальтированной дороги, в окружении высоких сосен. Ветер нёс от них пряный аромат, почти цитрусовый. Несколько больших зданий возвышались несколькими этажами над деревьями, состоящие словно целиком из стекла и соединенные друг с другом надземными закрытыми стеклянными проходами. Вход в одно из зданий находился с другой стороны дороги, сама же дорога, по которой они приехали, убегала в лес.

Шон не знал, чего ожидать от места, в которое они попадут после похищения Абстерго. Чего-то вроде тюрьмы или подземелья. Но это место выглядело совсем не так.

– Прошу вас, следуйте за мной, – сказала Виктория и повернулась ко входу, глядя на них и улыбаясь.

Охранники не сделали ни одного движения или даже жеста, но самого их присутствия было достаточно, чтобы привести группу в движение. Наталья, Грейс и Дэвид последовали за Викторией, а Шон покатил вслед за ними. Охранники последовали за ними, держась поблизости.

Они достигли входа, и Виктория прокатила свой бейджик по считывателю и открыла двери. Они раскрылись без единого звука, их даже почти не было видно, настолько чистым было стекло. Внутри они прошли ещё через несколько дверей в фойе, где логотип Абстерго занимал ненормально огромное панно из матового стекла, висящее позади стойки ресепшена. Мужчина, сидящий там, носил на голове гарнитуру и тощий галстук на шее; он кивнул Виктории, когда она провела Шона и остальных мимо.

Они прошли вокруг стекла, и тогда здание предстало перед ними, высокое и просторное, возвышающееся на три этажа к стеклянному потолку, который оказался выдвижным. Каждый этаж вился вокруг главного атриума, все они были открытые и просматриваемые. Все четыре стены были стеклянными и позволяли видеть лес во всех направлениях. Сотрудники Абстерго сновали вокруг или ехали на эскалаторах, некоторые спокойно, некоторые явно спешили, что Шон ожидал увидеть в любом офисе каждой корпорации.

– Мы называем этот комплекс Аэри⁴⁵, – сказала Виктория. – По очевидным причинам. Это здание – одно из пяти, состоящее в комплексе с остальными. Возможно, я проведу вам экскурсию после того, как вы поедите.

И снова, Шон не ожидал этого и чувствовал себя растерянно. Если Абстерго на самом деле похитило их, то это самое приятное похищение из тех, о которых он когда-либо слышал.

Виктория повела их вокруг атриума к дальнему углу, и они попали в зону отдыха, заставленную угловатыми современными креслами и кофейными столиками, всё в холодных тонах и с острыми углами.

– Прошу, – сказала Виктория. – Берите еду и напитки с прилавка и угощайтесь.

Шон посмотрел туда, куда она указывала, и увидел множество фруктов, пирожных, кофе и кулер с водой, соки, газировку и фруктовую воду. Он подъехал к прилавку и взял оттуда газировку и бублик. Грейс взяла себе банан и налила чашку кофе, Дэвид взял черничный кекс и фруктовую воду, Наталья воздержалась.

– Ты уверена, что ничего не хочешь? – спросила её Виктория.

– Уверена, – сказала Наталья. – Какой именно вы доктор?

– Я психиатр, – ответила она.

– Вы мозгоправ? – съязвил Шон.

– Да, – улыбнулась Виктория. – Но мои обязанности здесь гораздо шире. Пожалуйста, присядьте.

Она выбрала себе кресло во главе расположения мебели, и остальные сели перед ней, Шон подкатился к группе.

– Начнём с того, – сказала Виктория, – что я снова извиняюсь за то, как прошла операция. Дэвид, ты в порядке? Как себя чувствуешь?

Он откусил слишком большой кусок маффина, поэтому, вместо ответа, он показал ей оттопыренный вверх большой палец и улыбнулся улыбкой бурундука с набитыми щёками.

⁴⁵ В переводе «Орлиное гнездо».

– Отлично, – сказала Виктория. – Это обнадеживает. Теперь... – она заглянула в свой планшет. – У нас здесь Грейс, Дэвид, Наталья и Шон, верно?

Все они кивнули, в то же время расправляясь с едой.

– Значит, отсутствуют Оуэн с Хавьером? – спросила Виктория.

Они снова кивнули.

– Вы знаете, куда они могли поехать?

Шон проглотил кусок бублика:

– Без понятия. Мы действительно почти не знаем друг друга. Мы впервые встретились только прошлой ночью.

– Поняла, – кивнула она. – А Монро? Вы знаете, куда мог поехать он?

Шон покачал головой, в то же время думая о том, что он более чем уверен, что Монро отправился за Частицей Эдема. Он заметил, как Грейс и Дэвид переглянулись, возможно, захотев, что-то сказать, но Шон хотел, чтобы они продолжали молчать. И пока что они это делали.

– Что ж, надеюсь в ближайшее время мы их найдём, – сказала Виктория. – А пока позвольте мне прояснить ситуацию для вас, чтобы вы понимали сложившиеся обстоятельства, и затем, если вы сможете, мы надеемся, вы заполните пробелы, хорошо? Начнём с того, что Монро собрал вас всех вместе для использования украденного Анимуса со специфическими модификациями. Мы знаем, что вы вошли в контакт с неким объектом. Частицей Эдема. Вы понимаете, что это?

Шон пытался держать лицо, но, должно быть, он был плох в этом.

– Я вижу по вашим лицам, что вы понимаете, о чём речь, – Виктория снова посмотрела вниз в свой планшет. – Вы сели в украденный Анимус для поиска Частицы Эдема. Вы нашли её?

Никто ей не ответил.

Она подождала пару секунд, а затем со вздохом положила свой планшет на соседнее кресло.

– Кто-нибудь из вас знает о том, что Монро работал на Абстерго? – спросила она.

Шон не знал этого, но и не был удивлён. Должно быть, так Монро и заполучил Анимус.

– Он не тот, кто вы думаете, – продолжила Виктория. – Он был очень высококвалифицированным исследователем, пока не пережил личную трагедию. После этого он стал неуравновешенным. Его суждения претерпели изменения, и не в лучшую сторону. Я пыталась поддержать и помочь ему пережить это, мы все пытались, но, в конце концов, он украл очень ценную собственность Абстерго и исчез.

– Вы имеете в виду Анимус? – спросила Грейс, положив банановую кожуру на кофейный столик.

– Помимо других вещей, – сказала Виктория. – Мы ищем его, поскольку оборудование, которое он взял, может быть опасно, если использовать его не по назначению.

– Как насчёт полиции? – спросил Дэвид.

– Мы работаем с местными силами правопорядка, – ответила Виктория. – Но юридически нам доступна некоторая свобода в использовании собственных групп.

– И право стрелять в людей из тазера? – спросила Грейс.

– Наша команда не знала, что обнаружит на том складе, – объяснила Виктория. – Мы получили сигнал от запущенного Анимуса. Мы не знали, кто использует его, и связано ли это каким-либо образом с Монро. Вот почему наши люди прибыли на место с несмертельными средствами поражения. Планировалось только задержание всех, кто окажется там. Пока вы направлялись сюда, мы осмотрели склад Монро и больше узнали о происходящем.

– И узнаём всё больше и больше, – добавил мужчина в синевато-сером костюме, войдя в комнату. Он был очень высоким, с тусклыми блондинистыми волосами, откинутыми назад со лба, и имел глаза цвета яркого мха. – Простите, что вмешался.

– Всё в порядке, сэр, – Виктория поднялась со своего места. – Прошу, присоединяйтесь к нам.

Мужчина подошёл к ним и сел в кресло рядом с Викторией. Его движения были стремительны, плавны и эффективны.

– Меня зовут Исайя⁴⁶, – представился он, – и я отвечаю за Аэри. Мы анализировали данные Монро, и я думаю, что мы можем избежать лишней секретности. Вы знаете об ассасинах и тамплиерах. Вы знаете, что тамплиеры контролируют «Абстерго Индастриз», и к этому моменту вы, вероятно, догадались, что я тамплиер. Да, вы правы. Я тамплиер. Как и доктор Бюбо.

Виктория кивнула и улыбнулась.

Шон был немного удивлён, узнав об этом таким образом, даже несмотря на то, что он видел данные Монро. Это не то, что он ожидал от секретной организации, стоящей за глобальным заговором.

– Тамплиеры выглядят иначе, чем раньше, – продолжил Исайя. – Корпорации заменили королевства, а исполнительные директора заняли места политиков. Наша организация адаптировалась и стала, что важно,

⁴⁶ В Библии Исайя – один из четырёх великих пророков Ветхого Завета, предсказавшего рождения Мессии – спасителя мира.

более эффективной, и мы верим, что стремление к технологиям обеспечит величайший прогресс человеческой расе, для чего и служит Абстерго. Нет ничего зловещего в нас. Вопреки тому, что говорил Монро.

– Вы это Боссу Твиду скажите, – сказал Дэвид.

– Хорошее замечание, – Исаяя усмехнулся таким же лёгким и непринужденным смехом, как умела мама Шона, после чего улыбки появлялись у всех присутствующих. – Да, в нашей истории определённо есть печально известные личности, которых вы найдёте в любой группе, если пробудете в ней достаточно долго. Но что, если я предложу вам взгляд на него с другой стороны? Вы знали, что Босс Твид использовал свою власть и влияние, чтобы строить приюты, школы и больницы? Под его руководством, за три года Нью-Йорк потратил на благотворительность больше, чем за предыдущие пятнадцать лет, вместе взятые. Он помог основать Общественную библиотеку Нью-Йорка, а ещё выделил землю под Столичный музей искусства. Вы знали, что именно он проложил путь для строительства Бруклинского моста?

Никто не ответил ему, но Шон, не знавший об этом, до этого момента, предполагал, что молчание было также вызвано незнанием этих фактов.

– Трудно оправдать Твида сейчас, не так ли? – заметил Исаяя. – Как человек, он совершал ужасные, непростительные ошибки. Но, как тамплиер, он принёс просветление и неоспоримый прогресс в город. Кто знает, чего он мог бы достичь, если бы ассасин Элиза не дискредитировала его с помощью обвинений в коррупции?

По мере того, как Исаяя говорил, Шон обнаружил, что ему становится всё труднее согласовать образ тамплиеров, предоставленный ему Монро, с тем, что он видит своими глазами.

– Вы можете судить нас по нашим самым худшим примерам, – продолжил Исаяя. – Или можете подумать о сотнях и тысячах тамплиерах, о которых вы никогда не слышали, и которые положили свои жизни ради улучшения нашего мира.

Его зеленые глаза посмотрели на каждого, и, когда настала очередь Шона, он почувствовал, что, глядя на него, взгляд Исаяи смягчился.

– Монро сказал вам, насколько вы все важны?

– Что вы имеете в виду? – спросил Шон.

– Я посмотрел ваши анализы ДНК, всех вас, и это поразительно. Я думаю, что шестеро из вас, вместе, будут представлять собой нечто, что мы зовём Господствующим Событием. Согласно моей теории, этот феномен документально встречался всего несколько раз за всю историю, и, не очень хорошо понимаемый, управляется симпатическими генетическими силами,

которые мы до сих пор пытаемся расшифровать. Это именно то, над чем работал Монро в Абстерго, с его модификацией Анимуса. Он исследовал эти Господствующие События в поисках следующего. И здесь вы выходите на сцену. Сбравшись вместе, происходит слияние, конвергенция, синергия. Индивидуально и коллективно ваш потенциал превосходит наши возможности его оценки. Я нахожу это захватывающим.

Шон вспомнил как Монро показывал им идущие в одну линию частички их ДНК. Их Конкордацию воспоминаний.

– Вы говорите о Частице Эдема? – спросил он.

– Частицах Эдема, – поправил Исая. – Множестве.

Дэвид поправил очки.

– Я не понимаю.

Исая повернулся к Виктории.

– Это область доктора Бюбо. Я позволю ей объяснить это.

Виктория кивнула и прочистила горло.

– Мои исследования позволили мне предположить, что Частица Эдема, которую вы обнаружили – одна из трёх. Вместе они составляли собой Трезубец Эдема. Каждый кинжал, на самом деле, один из зубцов Трезубца, и у каждого своя способность или эффект воздействия на людей. Согласно легендам, один зубец вызывал доверие к обладателю, другой вселял страх, и последний вызывал преданность. Вы ещё со мной?

Все четверо кивнули.

– Отлично, – сказала Виктория. – Теперь, вы же все слышали об Александре Великом⁴⁷, верно? Мы знаем, что он обладал Посохом Эдема, символом его правления, когда он находился на троне. Но на поле боя ему нужно было оружие.

– Трезубец Эдема? – спросила Грейс.

– Именно, – подтвердила Виктория. – Его армии были непобедимы. С Трезубцем в битве, и Посохом в правлении, Александр создал не имеющую себе равных империю и стал, наверное, самым могущественным правителем, которого когда-либо видел мир.

– Впечатляет, не правда ли? – вставил Исая.

Шон был согласен с ним, и также он обратил внимание, какой страстной и оживленной Виктория стала.

⁴⁷ Речь идёт об Александре Македонском (20(21) июля 356 г. – 10 июня 323 г. до н.э.) – великом правителе и полководце и создателе мировой державы. Его империя простиралась от Македонии и до территории Индии, где его завоевания остановились. Объединил Средиземноморье, часть Европы, Азии и Африки в крупнейшую империю. Основанные им города и в наше время являются крупнейшими в некоторых странах.

По лору Assassin's Creed поддерживался тамплиерами и владел двумя реликвиями. Был отравлен ассасином Илтани.

— Когда Александр умер, — сказала она, — я думаю, Трезубец сломали на три части и разделили между династиями его преемников. Один зубец достался одному из генералов Александра, Селевку⁴⁸, основателю Государства Селевкидов, раскинувшуюся на восток и вобравшую в себя некоторую часть Азии. Другой достался генералу Птолемею⁴⁹, который провозгласил себя царём Египта. И третий осколок отошёл народу Александра, македонцам. Македонский зубец и зубец Птолемея в конце концов попали в руки Римских Цезарей. Зубец, который вы обнаружили — один из них. Мое предположение в том, что это зубец доверия. Он остался в Риме и, в конце концов, попал в Ватикан. Оттуда Папа Каликст III передал его Альфонсо V, королю Арагона — этим, я полагаю, выражая этим благодарность за его поддержку. И этот зубец оставался у испанских монархов, пока Карл V не передал его Кортесу. Вы всё ещё со мной?

— Едва ли, — сказал Дэвид.

Виктория потёрла руки.

— Я всё ещё склеиваю отдельные кусочки и пытаюсь понять, что случилось с оставшимися двумя, но мы считаем, что вы нашли зубец доверия в Нью-Йорке.

— Или, по крайней мере, мы знаем, что ваши предки взаимодействовали с ним, — сказал Исая. — Так или иначе, невероятность всего этого в том, что, похоже, некоторые ваши предки, помимо этого, взаимодействовали с оставшимися двумя Частицами.

— Серьёзно? — спросила Грейс.

— Абсолютно, — ответил Исая. — Пожалуйста, поймите: скомбинированная сила Трезубца Эдема может сделать из человека короля, из короля Бога, и вы связаны со всем этим. Как я говорил вам, это Господствующее Событие. Вы все выросли из одного источника ваших предков. Это как если бы ваша родословная и ваша ДНК перемещались к этому моменту на протяжении многих поколений. Вот почему нам нужна ваша помощь. Это то, что можете сделать только вы.

— И какой помощи вы от нас ожидаете? — спросила Наталья, один из немногих раз, когда она произнесла хоть что-то с тех пор, как они прибыли в Аэри. Шон не мог забыть, как агенты схватили её на складе, и всё ещё чувствовал стыд за свою неспособность помочь ей, в то время, как Томми мог бы.

⁴⁸ Селевк I Никатор (358 – 281 гг. до н.э.) – полководец и бывший телохранитель Александра Македонского. Участвовал в индийском походе Македонского и за 7 лет вырос до полководца гвардейских пехотных частей. После смерти Александра стал властителем азиатской части империи.

⁴⁹ Птолемей I Сотер – был генералом при Александре Македонском, впоследствии царь Египта, правил в 323 – 283/282 гг. до н.э. Родоначальник династии Птолемея. К астроному Птолемею не имеет никакого отношения.

– Доктор Бюбо, – обратился к ней Исайя. – Вы уже объяснили... ситуацию? С Монро?

Виктория кивнула.

Исайя посмотрел в сторону стены здания, в окно, глядя в лес и на что-то за его пределами.

– История Монро, на самом деле, трагична, – проговорил он. – Я всё ещё восхищаюсь его способностями и тем, кем он был раньше.

Затем он вернул свой взгляд в комнату.

– Но, если вы имели успех в ваших поисках одного из зубцов, и Монро получит его... будет нанесён невообразимый урон.

– Так что за история произошла с Монро? – спросил Шон.

Исайя вздохнул:

– Его отец был ужасным человеком. Монро провёл свое детство в невообразимых условиях, которые наложили на него тяжелый отпечаток. Такое состояние делало его, да и любого, неподходящей кандидатурой для участия в программе Анимус.

– Почему? – спросила Наталья.

Виктория заговорила:

– Психика таких индивидуумов слишком нестабильна, слишком раздроблена. Я пыталась, правда, безуспешно, помочь Монро справиться со всем этим через терапию, но он хотел использовать Анимус, чтобы вернуться в воспоминания своего отца, чтобы изгнать своих собственных демонов.

– Но я запретил это, – добавил Исайя. – Для его собственной безопасности и сохранения здравомыслия. Вот почему он покинул Абстерго, украв проект, над которым работал.

Шон посмотрел на Грейс, и она посмотрела на него. В этой истории должно было быть что-то ещё. Не то, чтобы Шон не доверял Монро. Но всегда казалось, что с ним и с его модифицированным Анимусом что-то не так, и Шон мог сказать, что у Грейс были такие же сомнения. Шон всё ещё верил в добрые намерения Монро, но он думал над тем, должны ли они сказать Исайе, что они узнали, что хотела сделать Грейс сначала.

– Не делайте этого, – сказала Наталья им.

– Может, не стоит, – поддержал Дэвид.

Но сознание Шона изменилось с того момента, как он пришёл сюда. Ситуация была абсолютно не такой, как описывал Монро, вообще. Эти люди не были злыми или не пытались покорить мир, и это казалось очевидным для Шона, сидящего сейчас в этом месте, слушающего Викторию и Исайю. Абстерго хотело помочь и улучшить человечество за счёт инноваций и прогресса, и Шон также ценил, что они считают, что он и остальные смогут сыграть важную роль в этом.

– Может, не стоит что? – спросил Исайя.

Шон глубоко вздохнул:

– Мы нашли Частицу Эдема. И Грейс видела её последнее местонахождение.

Грейс кивнула в ответ на его слова.

– Я видела, – подтвердила она.

И затем она рассказала Исайе, где.

ГЛАВА 23

Оуэн знал, что Хавьер не согласился бы с ним относительно доверия Гриффину, но он также знал, что это единственный выход. И вопреки опасениям Хавьера, Оуэн знал о влиянии на него сознания Вариуса, из-за которого, возможно, он доверился Гриффину быстрее, чем следовало. Но это не меняло того факта, что теперь у Оуэна и Хавьера было очень мало доступных вариантов. Тамплиеры схватили остальных четырёх, а Монро пропал. Они не могли пойти домой и, по существу, были теперь в бегах.

Но была и другая, более личная причина. Агент Абстерго прошлой ночью обозначил, что что-то знает об отце Оуэна. И единственный путь для Оуэна, если он хочет узнать больше, это стать частью игры.

Гриффин глядел на них с бревна, где он по-прежнему сидел.

– Что скажете?

– Ты хочешь, чтобы мы пошли с тобой? – засмеялся Хавьер. – Не выйдет.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Оуэн.

Гриффин наклонился вперёд, поставив локти на колени.

– Я подозреваю, что Монро нашёл в одном из вас предка–ассасина? Или тамплиера? Или, может, обоих?

Оуэн кивнул.

– И что с того? – спросил Хавьер.

– А то, – сказал Гриффин. – что это значит, что у вас может быть Орлиное Зрение. Вы же знаете, что такое Орлиное Зрение, верно?

Оуэн снова кивнул. В этот раз то же сделал и Хавьер.

– Хорошо, – кивнул Гриффин. – Тогда посмотрите на меня.

– Мы и так смотрим на тебя, – ответил Хавьер.

Гриффин покачал головой и поднял руки перед собой:

– Нет, я имею в виду *на самом деле* посмотреть на меня. Орлиное Зрение может помочь вам определить намерения человека, угроза он или враг вам. Ну так взгляните на меня. Что вы видите?

Оуэн не пытался использовать своё Орлиное Зрение с тех пор как он покинул симуляцию Анимуса. Но он помнил, что оно было у Вариуса, и с его помощью он обнаружил кинжал в «Ацтекском Клубе», и теперь Оуэн старался сделать то же самое. Он отдался чувствам и открыл своё сознание, глядя на лицо Гриффина, его особенности, то, как он держал себя, напряжении в малейших мышцах его тела – всё то что не могло лгать. Орлиное Зрение Оуэна говорило ему, что Гриффин не был угрозой. По крайней мере, не в данный момент.

– Продолжай, – сказал Оуэн.

– Я предполагаю, что ты, на самом деле, видел Частицу Эдема в Анимусе?

– Мы оба видели, – ответил Оуэн, отметив, как Хавьер удивленно выпучил глаза и разозлился.

– Тогда это делает вас лучшими кандидатами для поиска, – сказал Гриффин. – Я никогда не видел эту вещь. Вы же знаете, что искать, и вы можете почувствовать это. Так что мне нужна ваша помощь.

– Зачем нам помогать тебе? – спросил Хавьер. – Я не уверен, что кто-то должен обладать этой вещью, даже Монро. Но он, наверное, уже на полпути туда.

– Я понимаю, – сказал Гриффин. – Кто знает, что там Монро вам рассказал про Братство. Но выслушайте меня. – он вытянул одну руку и начал загибать пальцы один за другим. – Александр Великий. Юлий Цезарь. Аттила. Чингисхан. Русские императоры. Вы знаете, что у них общего?

Хавьер закатил глаза:

– Частицы Эдема?

– Именно. Всегда, когда появляется Частица Эдема, кто-то использует её для захвата власти, и свободная воля людей приносится в жертву. Это

неизбежно. Вот почему я не хочу использовать её, я лишь хочу убрать её куда–нибудь подальше от тех, кто хочет ею воспользоваться. Откуда вы знаете, что Монро не обратится в новоявленного диктатора?

– Он не станет, – сказал Оуэн.

– Как ты можешь быть уверен в этом? – спросил Гриффин.

Оуэн не был уверен. Правда была в том, что у него были сомнения насчёт Монро. Но он хотел доверять ему так же, как хотел доверять Гриффину. Потому что он чувствовал, что они оба ему нужны.

– Ты знаешь, что–нибудь про моего отца? – спросил Оуэн.

– Твоего отца? – Хавьер подошёл к Оуэну и потянул его за руку. – О чём ты?

– Я лишь *слышал* о том, что с ним произошло, – ответил Гриффин.

– То есть, он не был ассасином?

– Нет.

– Но тот агент Абстерго, которого ты уложил, сказал...

– Твой отец был втянут в это, – пояснил Гриффин. – Не знаю, как. Но я могу помочь тебе с этими вопросами.

– Как? – спросил Оуэн. – Монро сказал, что моя ДНК не годится. Мне нужен образец ДНК отца после того, как он был арестован.

– Я могу забраться в места, в которые не может Монро, – сказал Гриффин. – У полиции могут быть образцы ДНК твоего отца. С его ареста. Они до сих пор могут быть заперты где–то как улики. Ты поможешь мне найти, что мне нужно, и я помогу тебе найти то, что нужно тебе.

Казалось, что, когда Оуэн пришёл к Монро в первый раз, тот сказал ему, что это конец. Но Гриффин предложил Оуэну шанс, возможно, наконец получить ответы на вопросы. Так что для Оуэна просто не оставалось выбора.

– Я в деле, – сказал он.

– Оуэн, – предупреждаяще начал Хавьер. – Не надо...

– Я в деле, – повторил Оуэн более твёрдо. Теперь, когда он знал, что происходило с Хавьером тогда, он чувствовал вину, что не был вместе со своим другом. Но это не меняло того факта, что у Оуэна по–прежнему было то, что он должен был сделать. – Он не наш враг. Пойдём с нами.

– Чувак, а моя мама?

– Всё просто, – сказал Гриффин. – Позвони ей и скажи, что ты в безопасности, просто тебе нужно уехать на время. Она, скорее всего, позвонит в полицию и скажет им, что ты сбежал из дома, но это не проблема. Полиции мы сможем избежать.

– Непохоже, что мы могли бы вернуться сейчас домой, – сказал Оуэн. – Мы можем или пойти с Гриффином, или болтаться среди холмов. Она всё равно будет за тебя волноваться, в любом случае.

Хавьер оглянулся на деревья. Снова отогнал назойливую муху.

– Мне это не нравится.

– Я знаю. Но тебе не нужно доверять Гриффину, или Монро. Я прошу тебя довериться мне. Тебе не нужно Орлиное Зрение для этого. Мы вместе пройдем через это.

Хавьер упёрся руками в бёдра и изучал землю где-то минуту. Затем он поднял голову:

– Окей. Я доверюсь тебе. Давай сделаем это.

– Окей.

– Отлично, – сказал Гриффин. – Мы уже и так потратили много времени. Оба, садитесь на байк, и встретимся на дороге.

– Что? – пролепетал Оуэн.

Но Гриффин уже поднялся и нёсся сквозь лес. Уже через несколько секунд он скрылся из виду.

– Что ж, это смазало впечатление великого начинания, – съязвил Хавьер.

Оуэн направился к мотоциклу:

– Пошли.

Он забрался на него, Хавьер сел позади него. Двигатель снова тихо завёлся и так же тихо стал работать, словно жужжание крыльев огромного жука. Надев шлемы, Оуэн поехал обратно по той же дороге, по которой они приехали несколько часов назад, поднимая облака пыли позади них. Когда они достигли вершины очередного холма, то обнаружили машину, которая ждала их – невзрачный белый седан, который привлекал к себе немного внимания.

Водительское окно опустилось вниз, и Гриффин высунулся:

– Следуйте за мной.

Машина тронулась и выехала на дорогу, быстрее, чем Оуэн ожидал, и он прибавил газу, чтобы поспевать за ней. Они ехали вниз по грунтовым дорогам, мимо фруктовых садов и рощ, деревья которых стробоскопом бросали тень на визор шлема Оуэна. Затем они достигли шоссе, и Гриффин направился обратно к городу, свернув в итоге на территорию с гаражами для хранения. Оуэн думал о том, что они здесь забыли, пока проезжал мимо них, и тут Гриффин начал тормозить.

Он вылез из машины и направился к одному из гаражей. Он посмотрел по сторонам, а затем отпер роллерную дверь и поднял её. После этого он завёз свою машину внутрь и выйдя показал Оуэну, чтобы он загонял свой мотоцикл внутрь.

– Он это серьёзно? – опешил Хавьер.

Оуэн тоже чувствовал некоторые сомнения, но он направил мотоцикл внутрь и пристроил его за машиной. Гриффин подождал, пока они не заведут мотоцикл внутрь, и после этого опустил роллерную дверь.

– Это убежище типа «прячься–на–виду»? – спросил Хавьер.

Гриффин на секунду замер, затем открыл роллерную дверь:

– Можно сказать и так. Пойдёмте, нам туда.

Он подошёл к двери следующего гаража и открыл его.

Полки для хранения с металлическими и пластиковыми коробками выстроились вдоль стены. Рабочий стол стоял посередине, прямо под обычной лампочкой, с наваленными инструментами, лезвиями и наручами, напоминающими тот, который носил Вариус. В дальнем углу стоял компьютер, а рядом с ним стояла походная кровать со спальным мешком.

– Заходите внутрь, – сказал Гриффин. – Потяните шнур над столом, чтобы зажечь свет.

Оуэн сделал, как он сказал, Хавьер прошёл следом, и Гриффин закрыл за ними дверь. В гараже стало темно, одной слабой низко висящей лампочки явно не хватало.

– Вероятно, не то, что вы ожидали увидеть? – спросил Гриффин, опираясь руками на рабочий стол.

– Не совсем, – согласился Оуэн.

– Шестнадцать лет назад, – начал Гриффин, – спящий агент тамплиеров внедрился в Братство. Он выкрал наши секреты. Местонахождение наших убежищ и тренировочных комплексов. После, он убил Наставника, нашего лидера, и вернулся к своим тамплиерским хозяевам. Последующие за этим события мы называем Великой Чисткой⁵⁰. Тамплиеры начали компанию по уничтожению нас, используя всё, что узнал предатель. Они вырезали нас, и не только ассасинов, но и наши семьи тоже. Детей, мужей, жён. Братство практически перестало тогда существовать. С тех пор мы изменили тактику и приспособились выживать. Больше никаких постоянных убежищ. Теперь мы стали мобильнее, подвижнее и невидимее. Наши ряды пополнились новыми людьми, но мы даже близко не приблизились к тому, что было.

– О Боже, – прошептал Оуэн.

– Тамплиеры хотят, чтобы мир видел в Абстерго доброжелательную корпорацию. Но они безжалостны, какими всегда и были, если не хуже. Вот эти люди и забрали ваших друзей.

– Что будем делать? – спросил Хавьер.

– Во-первых, – сказал Гриффин, – скажете мне, где стоит искать Частицу Эдема, и мы заберём её. После этого мы можем поговорить о спасении.

– Мы думаем, что она где-то около коттеджа, где умер Улисс Грант.

⁵⁰ Более подробно история предателя Дэниэла Кросса описана в комиксах Assassin's Creed: The Fall.

– Ага, – произнёс Гриффин. – В этом есть смысл. Вам стоит переодеться.

Он подошёл к одному из стеллажей и вернулся обратно с чёрной пластиковой коробкой, которую поставил на стол. Щёлкнув защёлкой, он открыл коробку. Внутри было несколько более мелких чехлов, которые он выложил на стол.

– Там есть одежда, в ящике рядом с койкой, – указал Гриффин. – Возьмите себе униформу.

Оуэн и Хавьер прошли туда и нашли одежду, похожую на ту, которую носил Гриффин. Военные штаны, ботинки, толстовка, чёрная кожанобрезентовая куртка. Оуэн нашёл всё своего размера и переоделся, Хавьер сделал то же самое. Когда они вернулись к столу, Гриффин открыл все чехлы.

– Наполним ваши карманы, – сказал он. – Для начала, гранаты. – он указал на несколько металлических сфер, размером с мяч для гольфа. – Это дымовые, это ослепляющие, для отвлечения внимания и прикрытия. Это гранаты со снотворным газом, если вам нужно вывести кого-то из строя на некоторое время. Это ЭМИ гранаты. Они вырубают электронику поблизости электромагнитным импульсом. У тамплиерских агентов много электронного оборудования, а эта малютка вырубит и поджарит их.

Он выделил Оуэну и Хавьеру несколько гранат каждого вида, которые они рассовали по карманам штанов и куртки.

– Теперь, оружие, – Гриффин поставил на стол следующий ящик с чехлами. – В выборе этого я не буду на вас давить. Берите то, с чем вам будет удобно сражаться, но убедитесь, что если вы берёте что-то, то знаете, как это использовать.

В одном из чехлов обнаружился набор метательных ножей, и Оуэн почувствовал один из пузырьков, проникающих в его сознание, о которых говорил Монро. Эффект Просачивания от Вариуса. Он почувствовал, что знает, как пользоваться ими, но на самом деле не был уверен, что сможет. Он всё равно взял их вместе с парой других ножей. Хавьер взял пару ножей и пистолет-арбалет.

– Он стреляет дротиками? – спросил он.

– Да, – сказал Гриффин. – Они должны лежать там же.

– Мы можем взять один из этих? – спросил Оуэн, показывая на наручи со скрытыми клинками. Гриффин подошёл к ним и взял один, повертев в руках. Он отличался от того, который носил Вариус. Этот был сделан из более современного металла, с электронным контроллером и функциями, о которых Оуэн не имел даже предположений.

– Ты ещё не заслужил это, – сказал Гриффин. – Наруч – скорее символ, чем оружие. Однажды, если ты решишь присоединиться к Братству и

посвятишь себя Кредо, то получишь свой собственный. Но до тех пор, ты его не достоин.

– Довольно сурово, – подметил Хавьер.

– Сурово или нет, – ответил Гриффин, – но таков этот путь. Я годами смотрел, как мой дед и отец затягивали ремни на своих наручах, прежде чем я стал достоин носить свой. Это дело чести, и я отношусь к этому серьёзно.

Он положил наруч на стол, вне досягаемости Оуэна.

– Теперь, – сказал он, – когда у вас есть всё, что...

Негромкий звук раздался от компьютера, и Гриффин посмотрел туда, а потом на часы. Затем он пересёк гараж и сел напротив монитора. Пара кликов мышки – и окно видеочата открылось на экране. Человек, оглядывающийся за спину, выглядел несколько осунувшимся и изможденным, с густыми, седеющими тёмными волосами и бородой. Судя по фону, он был на каком-то судне.

– Гриффин, – произнёс он. – Доложи обстановку.

– Со мной двое, – отчитался Гриффин. – Мы только что провели подготовку к поиску Частицы Эдема. Исайя поймал остальных четырёх...

– Я знаю. Ротенберг вышел на связь.

– Информатор Абстерго? – спросил Гриффин.

– Да. Разведданные, которые он нам предоставил, указали на то, что тамплиеры ищут не одну Частицу Эдема. Ротенберг считает, что это Трезубец.

Гриффин выждал момент, прежде чем ответить:

– Понял, сэр. Мы отправляемся в Нью-Йорк. Мы считаем, что реликвия где-то в районе горы МакГрегор.

– Отправляйтесь. В Олбани вас будет ждать машина. Заберите Частицу, но знайте, что это только начало. Вскоре вы получите новые приказы.

– Да, сэр.

Экран стал тёмным, и Гриффин откинулся на спинку стула.

– Кто это был? – спросил Оуэн.

– Один из лидеров Братства, – ответил Гриффин. – Гэвин Бэнкс⁵¹. Он скрывается с теми, кто остался. Мы стараемся как можно короче проводить звонки.

– Что он имел в виду под Трезубцем? – спросил Хавьер.

– Он имеет в виду, что существует ещё две Частицы, помимо той, которую вы видели, и тот, кто соединит их вместе, сможет подчинить себе весь мир.

⁵¹ Гэвин Бэнкс – капитан корабля «Альтаир-II», являющийся мобильным штабом ассасинов. Обеспечивает связь с командами и ячейками ассасинов по всему миру. Наравне с Уильямом Майлсом является лидером и наставником Братства.

Хавьер засмеялся, и Оуэн почти тоже, но, судя по виду Гриффина, тот не шутил или преувеличивал. Ассасин поднялся со стула и пошёл к выходу, взяв по пути наруч со стола.

– Нам нужно ехать, – сказал он, поднимая вверх роллерную дверь. – Погасите свет.

Все трое вышли, и Гриффин отвёз их на частный аэродром в паре часов езды, где он припарковал машину в том же ангаре, где стоял маленький реактивный самолёт. Он был выкрашен в белый цвет с синей полосой на боку и выглядел таким же простым, как и седан.

– Тамплиеры обошли вас и в плане транспорта, – заметил Хавьер.

– Есть пределы того, что Братство может делать, не привлекая внимания Абстерго, – ответил Гриффин.

Вскоре после этого они взлетели и взяли курс на Нью-Йорк. Эта мысль показалась странной для Оуэна, потому что ему казалось, что он уже был в Нью-Йорке чуть раньше. Но это был Нью-Йорк в прошлом, и он не имел и малейшего представления, что он обнаружит в настоящем.

Ночью они приземлились в Олбани, и другая машина, такой же ничем не примечательный белый седан, хотя мощный и быстрый, дожидался их. Сев в него, они поехали на север, по тёмной, усаженной по бокам деревьями дороге, мимо спящих городов, и достигли горы МакГрегор меньше, чем через час. Гриффин припарковал машину на некотором расстоянии от коттеджа.

– Когда мы пойдём туда, держитесь ближе ко мне, – сказал он, заглушив мотор. – Тамплиеры тоже могут быть здесь. Используйте всё, что можете – Эффект Просачивания и остальное. Просто заходим, берём реликвию, и уходим. Готовы?

– Готов, – кивнул Оуэн.

– Готов, – сказал Хавьер.

Они вышли из машины и, тихо ступая между деревьями, начали двигаться к коттеджу. Оуэн старался унять дрожь в руках, вызванную подскокившим пульсом, и сосредоточился на воспоминаниях Вариуса, расширяя его сознание на каждую часть своего тела, а после и на окружение.

Поначалу ничего не происходило. Но Оуэн сохранял терпение, слушая, ожидая, чувствуя и постепенно мир стал более ясным. Внезапно Оуэн смог почувствовать структуру земли под своим ботинком. Он мог слышать эхо от их шагов, отражающихся от изгибов деревьев. Мельком он заметил

бесшумный взмах крыла совы, и очертания Хавьера и Гриффина рядом с ним,двигающихся сквозь лес.

Когда они добрались до домика, всё выглядело тихо и спокойно. Гриффин вывел их из-за деревьев и повёл по открытому газону, трава которого была покрыта росой, к заднему окну, которое не было препятствием для ассасина. Вскоре он был внутри, и Оуэн с Хавьером проследовали за ним.

Половицы скрипнули под Оуэном, когда он ступил на них. Воздух пах старой, прокуренной древесиной. Они зашли в спальню, но не в спальню Гранта, если судить по тому, что у старой кровати не было никаких указателей.

– Теперь дело за вами, парни, – сказал Гриффин. – Вы чувствуете что-нибудь?

– Я ничего, – сказал Хавьер.

– погоди, – Оуэн закрыл глаза, и вместо того, чтобы вглядываться в темноту, он пытался почувствовать ту энергию, которую чувствовал Вариус в комнате «Ацтекского Клуба» с кинжалом.

– Что-нибудь? – спросил Гриффин.

– Пока нет, – сказал Оуэн. – Просто подожди.

– У нас не так много времени, – напомнил Гриффин.

– Просто подожди, – снова попросил Оуэн, отступив от них. Он подумал, что здесь есть что-то, и немного наклонил голову вбок, словно для того, чтобы лучше слышать.

И это было оно. Ему пришлось очень сильно напрягаться, чтобы найти его, сильнее, чем Вариус тогда, но оно было здесь. Едва различимый гул, заставляющий резонировать кости его черепа, и такой знакомый, точнее знакомый той части разума, где был Вариус.

– Сюда, – прошептал он, шагнув в сторону.

Хавьер и Гриффин последовали за ним из спальни в главную гостиную, которая была превращена в своего рода музей с мемориальными досками, картинами и стеклянными витринами с памятные вещи внутри. Но кинжал был не здесь, и Оуэн продолжил идти.

Через другую дверь, дальше по коридору, в другую, большую спальню.

Вибрация направляла его к определённой точке на полу, под шнуром ковра.

– Это здесь, – указал он. Оуэн откинул ковёр, достал один из ножей и опустился на колени. Опустив нож в щель между паркетинами и отогнув одну из них, он заметил свежие царапины на ней и отметил, как легко её удалось достать.

Под ней он обнаружил небольшую полость, в которой покоился небольшой прямоугольный ящик.

Оуэн вытащил его, но понял, что он слишком лёгкий, и открыл его, найдя внутри только потускневшую медаль.

Военный крест «Ацтекского Клуба».

– Он был здесь, – проговорил Оуэн. – Я его чувствую.

– Медаль не оставляет никаких сомнений, – сказал Гриффин. – Кто-то добрался до него раньше.

– Это, должно быть, случилось недавно, – заметил Оуэн. – Царапины свежие.

– Тамплиеры? – спросил Хавьер.

Гриффин покачал головой:

– Я так не думаю.

– Тогда, Монро? – предположил Хавьер.

Оуэн надеялся, что это был Монро. Он надеялся, что Монро...

Ритмичный звук взбиваемого лопастями воздуха приближался снаружи коттеджа, сверху, и Гриффин посмотрел в сторону источника звука.

– Вертолёты, – сказал он. – Их несколько. Здесь Абстерго.

– Что будем делать? – спросил Оуэн.

– Вступать в бой не будем. Вы не тренированы, а я не смогу одолеть их всех в одиночку. Вернёмся обратно к машине и уедем отсюда. Понятно? В бой не вступать.

Оуэн и Хавьер кивнули.

– Держитесь ближе, – шепнул Гриффин. – Двигаемся.

Он пересёк спальню, выйдя обратно в главный коридор коттеджа, где свет от прожекторов, бьющий в окна рисовал замысловатые тени на стенах. Они нырнули обратно в маленькую спальню и выпрыгнули из того же окна, через которое вошли.

Снаружи, на газоне, Оуэн смог увидеть чёрные тени трёх вертолётных, зависших над землёй рядом с коттеджем. Их лопасти приминали траву и поднимали сильный ветер, угрожая сбить его с ног. Маленькие чёрные тени спускались с них на землю, агенты съезжали вниз по тросам.

– БЕЖИМ! – крикнул Гриффин, и втроём они сорвались с места, рассеявшись, и уворачиваясь от кругов света прожекторов на земле, верёвок, и агентов, которые только что приземлились.

– Цель обнаружена! – воскликнул внутри своего шлема один из них, направляя ствол своей штурмовой винтовки на Хавьера, до которого было всего пара шагов.

Оуэн достал из кармана одну из ЭМИ гранат и бросил её. На первый взгляд он ничего не заметил, но агент внезапно остановился, словно ослеп, хватаясь за свой шлем. Это подало Оуэну другую идею, и он остановился.

– Что ты творишь? – закричал Хавьер позади него.

Оуэн достал другую ЭМИ гранату, взвёл её и бросил в ближайший вертолёт.

Она попала в цель, и было видно, что пилот потерял контроль над двигателем, который взвыл, а лопасти замедлили вращение. Вертолёт накренился и полетел в сторону, таща за собой всё ещё привязанных агентов, волоча их по земле, перепахивая ими землю и сталкивая друг с другом. Падающий вертолёт влетел в другой, и с оглушительным грохотом они оба накренились и стали быстро сближаться с землёй.

– Бежим! – закричал Хавьер.

Оуэн помчался за ним к деревьям, и в этот момент первый вертолёт ударился об землю и взорвался. Взрывная волна сбила Оуэна с ног и бросила лицом в траву, где он, оглушенный, лежал несколько мгновений. Но затем он почувствовал чьи-то руки над собой и начал отбиваться от них, думая, что это агент, пока не перевернулся.

– ВАЛИМ ОТСЮДА! – заорал уже Гриффин, подымая его на ноги.

Второй взрыв раздался, когда они уже вбежали в лес, и Оуэн обернулся, чтобы увидеть, как второй вертолёт разбился за коттеджем. Втроём они бежали через лес, перепрыгивая через валуны и поваленные деревья, так же, как Оуэн двигался по крышам Нью-Йорка в симуляции, и спустя несколько минут они достигли машины и запрыгнули в неё.

– Это было безумие! – выговорил Хавьер, тяжело дыша.

– Прибереги до самолёта! – рявкнул Гриффин, поворачивая ключ. Он развернул машину и разогнал её по дороге, по которой они приехали, двигаясь с выключенными фарами, чтобы не привлечь внимания оставшегося вертолёта, всё ещё находящегося в небе.

Когда они оказались на безопасном расстоянии, Гриффин глубоко вздохнул, чуть расслабившись.

– О чём ты только думал? – спросил он у Оуэна. – Я дал тебе прямое указание. Не вступать в бой.

– Я знаю, – сказал Оуэн. – Но я грохнул два...

– Я скажу тебе, что ты сделал! – прервал его Гриффин. – Ты был чертовски везучим! Ты мог сделать так, что мы все были бы убиты из-за подобной выходки!

– Я извиняюсь, – сказал Оуэн, не будучи полностью уверенным, что он сожалеет. – Я...

– Послушай меня! – Гриффин снова его перебил. – И очень внимательно. Я не даю второго шанса. Если ты хочешь, чтобы я помог тебе найти правду о твоём отце, с этого момента делай то, что я скажу. Ты понял? Потому что я твой единственный шанс узнать правду, и я без колебаний брошу тебя, гадающего и вопрошающего, до конца твоей жизни.

Оуэн закрыл рот, адреналин в его теле наконец начал рассеиваться. Если бы Гриффин применил к нему другую угрозу, он бы проигнорировал его, да ещё бы и сказал ему доказать слова делом. Но правда об отце была единственной вещью, которую Оуэн не мог проигнорировать и рискнуть поставить под угрозу, не важно, как сильно был бы его гнев или обида.

– Надеюсь я доходчиво объяснил?

– Да, – сказал Оуэн. – Совершенно.

– Отлично, – успокоился Гриффин.

– Что будем делать теперь? – спросил Хавьер.

– Мы не закончили, – ответил Гриффин. – По-прежнему есть три Частицы Эдема, один из них, должно быть, уже найден, а Абстерго, судя по всему, верит, что вы и ваши друзья – ключ для нахождения остальных.

– У нас есть выбор?

– Конечно, есть. У вас есть собственная свобода воли, и, верите вы или нет, я готов умереть, защищая её.

– Тогда, наверное, я хочу выйти, – сказал Хавьер, повернувшись к Оуэну.

Но Оуэн этого не хотел.

Пока что нет.

И до тех пор, пока будет шанс найти правду об отце.

– Я должен знать, – сказал он. – Я в деле.

ГЛАВА 24

Наталья сидела отдельно, в стороне от остальных, глядя на деревья из своей стеклянной клетки. Шон и Грейс рассказали Исайе всё, и она ничего не смогла бы сделать, чтобы остановить их. Выслушав их, Исайя ушёл, и вскоре за ним ушла Виктория. Прошло уже несколько часов, и до сих пор они вчетвером сидели в той же комнате. В итоге она решила перекусить чего-нибудь, после осознания, что отказ от еды был неэффективной формой протеста. Но яблоко с бубликом лезли с трудом.

– Эй, – услышала она голос Шона и увидела его, подъезжающего к ней, через едва различимое отражение в стекле. – Ты в порядке?

– Нет, – ответила она.

– Из-за чего?

– Я не могу поверить, что ты это сделал.

– Что я сделал?

– Не прикидывайся тупым, – сказала она. – Тебе абсолютно ясно, что я имею в виду.

Он откинулся на спинку своей инвалидной коляски и положил руки на подлокотники:

– Для меня это имеет смысл. Я думаю, что поступил правильно. А ты что, думаешь, что Исайя солгал нам?

– Я не знаю, – только и покачала головой она. – В том-то и суть. *Я не знаю*. Не пойми меня неправильно, Шон. Я тоже посчитала его убедительным. Но я бы никогда не выложила ему ничего, не поговорив с вами, ребята.

– Ты права, – сказал он, наклонившись вперёд, и что-то в его движении напомнило ей Томми. Наталья выбросила это из головы. – Ты права, – повторил он. – Сначала мы должны были это обсудить.

– Сейчас это не имеет смысла, – ответила она.

Он подъехал на своём кресле чуть ближе и посмотрел выше её плеча, словно проверяя, где были остальные двое.

– Слушай, я бы хотел спросить у тебя... – но он не закончил.

Она выждала пару секунд.

– Что хотел спросить?

– Я просто... – снова начал он, и его щеки налились румянцем.

Наталья догадывалась куда он ведёт, но надеялась, что ошибалась.

– Ты просто что?

– Я не знаю. Анимус. Эта странная ситуация. Мы были... ты знаешь.

Да, она была права; он говорил о Томми и Аделине. Наталья не хотела ранить чувства Шона, но казалось, что это будет неизбежно.

– Я имею в виду, – продолжил он. – Это было там, но это было частью нас, тоже и я, просто...

– Шон, здесь, на самом деле, нет ничего сложного. Аделина любила его. Не тебя. И я не Аделина.

– Я знаю это.

– Тогда в чём проблема?

– Никаких проблем, – сказал он. – Я просто... Неважно, забудь. Прости, что поднял эту тему.

– Всё в порядке, – сказала она. – Прости меня, тоже. Я не пытаюсь быть грубой. Мы просто не можем позволить этим вещам запутаться. Помнишь, что сказал Монро? Ты это ты. Мы должны держаться этому.

– Ты права, – согласился он. – Ты абсолютно права.

– Окей, – сказала она. – Я рада, что мы хотя бы согласны с этим.

Она добавила последнюю часть, зная, что они всё ещё не согласны по обоим пунктам.

Он ещё раз кивнул и откатил свое кресло обратно к остальным, его голова склонилась чуть сильнее, и Наталья, наблюдая за ним, упрекнула себя. Она должна была быть мягче с ним, но она часто замечала это за

собой. Имея дело с людьми, её первой реакцией было направить разговор по наиболее прямому пути, но это не всегда было мудрым решением.

Она отвернулась обратно к деревьям и продолжила смотреть на них.

Было слишком поздно забирать назад ту информацию, которую остальные передали Исайе. Так что пока Наталья будет вместе с ними. Но она ни в коем случае не позволит убедить себя Исайе и благим намерениям Ордена тамплиеров. Но это не означало, что она за ассасинов. Её опыт в Анимусе показал ей, что обе стороны не приносили ничего, кроме разрушения. И сами по себе, и, в особенности, когда сражались друг с другом, а в это время невинные люди страдали из-за них.

Но было бы неумно вставать в оппозицию такой могущественно организации, как Абстерго. Пока нет. В отличие от того, как она только что повела себя с Шоном, теперь Наталья будет терпеливо наблюдать и выяснять правду, чтобы понять, какой её ход будет лучшим в сложившейся ситуации. Именно так её дедушка с бабушкой сбежали из Советского Казахстана, и также она сбежит от тамплиеров.

— Хорошие новости! — объявила Виктория, заходя обратно в комнату. — Мы связались со всеми вашими родителями. Мы объяснили им ситуацию и сказали им, что они могут приехать и увидаться с вами в любое время. Пока мы говорим, они уже в пути.

— Что вы им сказали? — спросила Наталья.

— Мы сказали им, что бывший сотрудник ваших школ, Монро, заманил вас в участие в какой-то неизвестной аванюре с нашим украденным оборудованием, но мы обнаружили и спасли вас.

Наталья подумала, что это искусно созданная ложь, правда, даже ей, знающей, как всё происходило, было трудно что-нибудь возразить против.

— То есть мы можем поехать домой? — спросила Грейс.

— Ну, это решать вам, но нам есть что предложить вам.

— Что? — спросил Шон.

— Как уже упоминал Исайя, ваши ДНК предоставляют уникальную возможность. Мы предлагаем вам остаться здесь, в Аэри, и продолжить исследования. Мы планируем обсудить эту возможность с вашими родителями, когда они приедут. Я полагаю, что они будут довольно открыты в этом вопросе.

— Будут ли? — спросила Наталья.

— Ну, — сказала Виктория, улыбаясь, показывая свои большие зубы. — Разумеется, мы предоставим значительный финансовый стимул в случае согласия на участие в исследовании.

— Так в чём подвох? — спросил Дэвид.

– Ни в чём, – ответила Виктория. – Но у нас есть ещё две Частицы Эдема, которые мы должны найти раньше Монро, и мы можем использовать вашу помощь. Мы просмотрели ваше ДНК и обнаружили ещё одно место с высокой Конкордацией воспоминаний, что может говорить о втором зубце Трезубца.

Она повернулась и посмотрела прямо на Наталью:

– Ты когда–нибудь хотела попасть в Китай?

ЭПИЛОГ

Монро уже проехал несколько сотен миль с тех пор, как сбежал от тамплиеров, но его руки всё ещё тряслись. Он до белых костяшек вцепился в руль, с трудом контролируя его. Он с трудом фокусировал взгляд. Он уже не спал свыше тридцати шести часов, почти ничего не ел, а дорога стелилась всё дальше и дальше, по плоской пустыне, пока солнце восходило у него за спиной.

Он не ожидал, что это случится. По крайней мере, не так. Совсем не так. Но вдобавок он не мог сказать, что именно он ожидал.

Его миссия началась так давно и пережила так много поворотов, что он иногда чувствовал, что теряет её. В такие моменты он возвращался к началу, туда, откуда всё началось, и вспоминал, зачем он всё это делает. И для кого.

Частица Эдема был отклонением от его основной цели, но он не мог игнорировать её. Он не мог позволить ассасинам или тамплиерам заполучить в свои руки другую реликвию Предтеч. Слишком много было поставлено на карту. Господствующее Событие уже началось, и у него не было ни малейшего понятия, где дети сейчас. Тамплиеры, несомненно, захватили некоторых из них, если не всех. Но ещё была вероятность, что

некоторые сумели сбежать. Оуэн и Хавьер, скорее всего, и у Грейс проявились сильные способности от Эффекта Просачивания.

Монро посмотрел на пассажирское сиденье, где покоилось ядро Анимуса. По крайней мере, оно у него. У него по-прежнему есть их ДНК, и ему остаётся только полностью расшифровать их. Тремор в руках становился всё сильнее, и он понял, что нужно дать его телу немного отдыха и еды. Он просто надеялся сделать это подальше от того места, где он рискнул бы остановиться.

Он притормозил в следующем городке, пустынном оазисе с одной заправочной станцией и населением в триста двадцать шесть человек. Там он заправил автобус, купил одноразовый телефон, съел покупной сандвич с индейкой и поспал три часа.

Проснувшись, он почувствовал себя чуть более здравомыслящим. Даже если у него есть нужные ему образцы ДНК, он отказывался оставлять этих детей в руках тамплиеров. По его вине они оказались в опасности. Его слепая беспечность привела тамплиеров прямо к ним, так что он должен был спасти их. Но он не способен был на это в одиночку. Ему нужна была помощь. Монро достал телефон, который он только что купил, и долго смотрел на набранный номер, прежде чем решился нажать кнопку вызова. Этот номер ему дали давно, очень давно, и он хранил его в памяти, не зная, будет ли причина, чтобы его набрать. Теперь эта причина у него была, хотя он гадал, работает ли ещё этот номер.

Но затем раздался гудок.

И кто-то ответил.

– Это Монро, – сказал он тихо. – Нам нужно поговорить.

Бонус

Арты некоторых главных героев «Последних потомков»

David

Sean

Grace

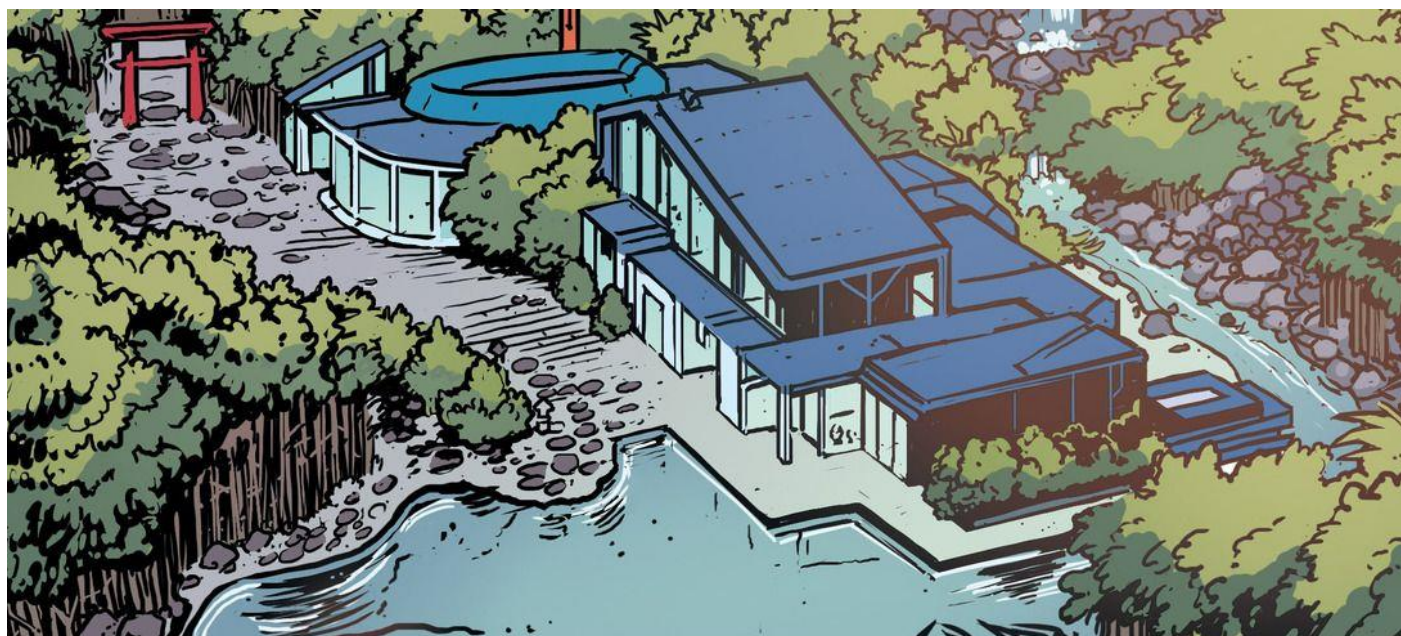
Natalya

Victoria Bibeau

Isaiah

The Aerie